



10—25 Červenca 1933.

— Volné Kozáctvo —

Ročník VI.

132-133

10—25 июля 1933 г.

10—25 липня 1933 р.

ПРАГА

РЯНА

ГОД ИЗДАНИЯ 6-ой

РІК ВИДАННЯ 6-ий



Ю. Григор

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

1. Kazaklar ve kazak meselesi.
2. И. М. Назаров: ** (Verše).
3. С. Турчанинов: Сын Дона. (Syn Dona).
4. Борис Кундрюцков: ** (Verše).
5. И. Томаревский: Некоторым. (Verše).
6. С. Савицкий: Козацька пісня. (Verše).
7. Пора говорить ясно! (Je na čase mluviti jasne!).
8. Трагедия Казачества (Tragedie kozáctva).
9. Т. М. Стариakov: К 225-летию смерти Донского Атамана Кондратия Афанасьевича Булавина. (K výročí smrti Atamana Bulavina).
10. А. Ленинов: Знаменитый мореплаватель казак С. И. Дежнев. (Slavný mořeplavec Dežnev).
11. Ингерманландия. (Ingermanlandia).
12. Думы и мысли. (Dumy a myslí).
13. На „аудиенции“. (Na audienci).
14. И. Терский: Их было пять! (Bylo jich pět).
15. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
16. Казаки в Манджу-Го. (Kozáci v Mandžu-ho).
17. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Бельфор. — Ф. Ж. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Панчево. — М. М. — Не обращайте на все это никакого внимания. Полают-полают, да и перестанут. Привет.
Десковец. — Н. П. — Получено. Привет.
И-Градец. — Ф. С. — Получено. Привет.
София. — Ф. Б. — Спасибо. Привет.
Франция. — Ф. О. — Получено. Привет.

Тулуз. — И. К. — Спасибо за заботы. Бог не выдаст — свинья не с'ест. Привет.
Белград. — Н. Б. — О С. ничего не получено. Попсыали-ли?
Брюссель. — И. Е. — Хорошо. Привет.
Белград. — П. К. — Получено. Привет.
Италия. — Н. П. — Послан еще раз. Привет.
Пирей. — В. З. — Получено. Можете повторить. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Қозацтво“:

В Ч. С. Р.:

В БРНО: Виктор Карпушкин.
В БРАТИСЛАВЕ: И. И. Бевзуглов.

В ЮГОСЛАВИИ:

Н. М. Дмитренко — Београд.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
Д. Захаров. — Смедерево.
С. Бобришев. — Кочане.

В РУМЫНИИ:

В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.

В О ФРАНЦИИ:

А. К. Ленинов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
Г. В. Балабин. M-eur Balabine. Ugine.
С. Чепурной: M-eur Tchepournoï, Vichy.
Ив. Курило: M-eur Kourilo, Toulouse.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. Савицкий. S. Savitzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

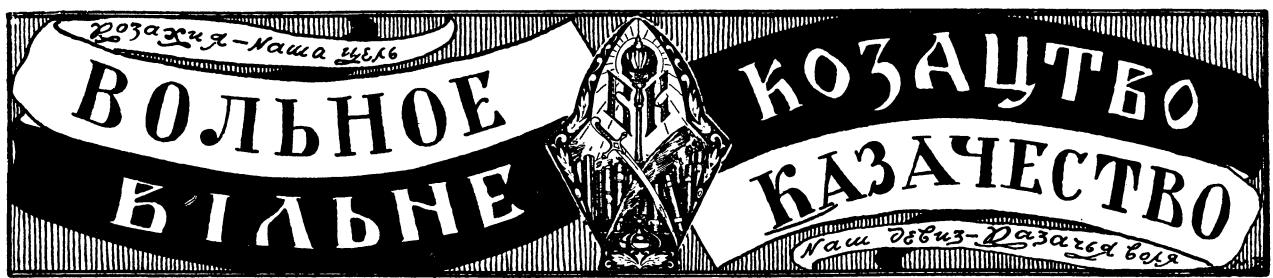
И. Константинов. Харбин.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Ковловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

И. П. Егоров. Bruxelles.



— VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychází 10 a 25 každého měsíce).

Редактор: инж. И. А. Бильный.

Редакция и администрация: Praha - Vinohrady, Hradecká, 2207 Tchecoslovaquie.

№ 132—133

10—25 июля, 1933 = 10—25 lipnia, 1933.

№ 132—133

Kazaklar ve Kazak meselesi.

Eski Rusya imparatorluğunu teşkileden islav milletleri arasında Kazaklar beşinci sırayı işgal etmekte, idiler (Büyük Ruslar, Lehler, Beyaz Ruslar, Ukraynlilar ve Kazaklar).

Ikiyüz sene evvel istiklâlerini kaybetmiş olan Kazaklar bugün tekrar inkişafı milli yoluna giriyor ve istiklâl hukuk ve hürriyetlerini temin için yeniden mücadeleye atılıyorlar. Demir gibi kuvvetli bir hissi sebat ve namahdut bir fedaiyilik fîkrinin tesiri altında gayelerine irmedikçe bu mücadeleden vazgeçmeyecekler.

Moskova Bolşeviklerinin kendi topraklarındaki tahammül edilemeyecek işgalleri altında bulunan ve kısmen mamaliki ecnebiyeye muhaceretle her türlü acı sefaletlere katlanmakta olan bu Kazak milleti elini hiç bir tarafa yardım istemek için uzatmıyor ve nede müsterihane diğerlerinin bu yolda kendisi için daha mesut bir istikbalin harple temin etmelerini bekliyor. Bilakis talî ve istikbalî uğrunda harpetmek için yapalnız ve tesadüfettiği birkaç müttefik de kendisi gibi aynı halde başlarını Bolşeviklerin zenâcî esaretinden kurtarmak isteyenler oluyor.

Biz Kazakların da başkaları kadar diğer milletlerin yardımını görmeğe hakkımız var. Hakkımız var, zira yalnız kendî öz menfaatlârimız tehlikede olmayıp diğer birçok milletlerin de U. S. S. R. hükümetinin tazyîkî altında ezilmeye olan melleterin hürriyet hususundaki mücadelerinin neticesine alâkadar bulunduklarına tamamîyle eminiz. Bundan mada, şarkta husumet besleyen bir Bolşevik hükümetinin mevcudiyeti ve kendi fîkrile bütün dünyayı Moskovanın yeni modellerine göre yeniden inşaetmek istemesi ileride bütün Avrupa hükümetleri için iyi bir netice veremeyeceğine de kanaatimiz var. Bu hükümetler daha şimdiden bu tehlikeyi anlıyarak kendilerini bundan büyük bir çin divarila ayrılmaga çalışıyorlar.

Fikrimizde ne gibi bir yardım istiyoruz?

Her şeyden evvel manevi bir yardım. Dünya

Kazakları pekaz tanıyor ve bu bildiği şey de ekserya hakkımızda doğrulu söylemek işlerine gelmeyen muhtelif melbâldardan intișar ettiği için hakikati halden pek uzak bulunuyor.

Eugün kendi kendimizden bahsle sizlerden bizim hakkımızda son bir fikir ittihaz etmeden evvel eski ve bu hususta ekseriya katıyan doğru olmayan fîkirlerinizi tamamîyle yeniden tetkik etmenizi ve bize aiyt bulunan bugünkü evsaf ve mevâdî tarihiye ve iktisadiyinin nelerden ibaret olduğunu öğrenmenizi bütün samimiyle kalbimizle rica edeceğiz. Bu suretle bizlere en büyük manevi yardımınızı göstermiş olacaksınız.

Hiç kimseyi uzun-uzadiya millî felaketiminin tarihini nakletmekle yormak istemediğimizden hürriyet ve milletimizin selameti uğrunda arası asla kesilmeyen mücadelelerle dolu olan mazimizi sükütlâ geçiyoruz. Yalnız şimdiki vaziyetimiz ve istikbale mütaallik gayelerimiz hakkında birkaç söz söylemek istiyoruz. Bunun için bizi dinlemenizi ve yalnız dinlemeyip bizi hakkîla anlamanızı ziyadesile arzu etmekteyiz.

Kazaklar Beyaz Rusların Kiyel hükümetini ve bilâhere Moskova hükümetini teşkil ettikleri vakîtlarda Volga ile Don arasında bulunan ve Azof ve Kara Deniz sagillerine kadar uzanan vasî erazide yaşayan islav kabilelerinden neset ediyorlar. Birçok milletlerin şarktan garba olan muhaceretleri esnasında geçmiş oldukları Asyadan Avrupaya giden büyük yolu boyunca yaşayan bu kabileler büyük bir mikyasta ecnebi kanîla ve bilhassa Türk kanîla karıştılar. Asırların neticesi olarak islav esasi üzerinde kurulan bu temessülden yeni bir millet doğduki o da Kazaklardır.

Asya milletlerinin nihayetsiz akînları Kazakların bir hükümet halinde teessüs etmelerini pek ziyade geciktirdi. Bu hale rağmen 14-ve 15 inci asırlarda biri Don ve diğeri Dinyeper

taraflarında olmak üzere iki Kazak cumhuriyeti meydana geldi ve bu cumhuriyetler istiklaliyeti temmelerini 15, 16 ve 17-inci asırlarda muhafaza edebildiler.

Yalnız 17-inci asırın nihayetlerine doğru Moskova hükümetinin hududu Kazak erazilerine temas etti ve bu saatlen iyitbaren de Rusyanın bu erazilerde mütemadiyen devam eden ilerilemesi başladı. 1708 tarihinde Don Kazakları çar I-inci Petro'nun ölümoademesine uğradılar ve bunun neticesi olarak memleketlerinin tahrip ve yağma edilmesi de istiklallerinin şimdije kadar kayp olmasına sebep oldu. 1775 tarihinde 2-inci Katerina mütebaksi bir müddet sonra Kuban erazisinde yerleşen Zaporocu Kazaklarının cumhuriyetini tamamıyla darmadağın ve inkıraz etti.

Istiklallerini kayp ederek Rusya hükümeti dahiline alınlara ve geçen ikiyüz senelik devri esaretlerinde Rusya Çarlarının bütün kuvvetlerile mazinin ananat ve izlerini muttazaman silmege çalışmalarına rağmen Kazaklar son zamanlara kadar eski idare ve kanunların bir kısmını muhafaza ve takip etmeye muvaffak olabildiler. Bu sebepledir ki İhtilâlin ilk dakikasından iyitbaren Kazaklar kendilerini Rusyadan kolaylıkla ayırarak hiç yoktan kendi öz teşekkürlerinini Rusyanın modellerine tamamile muhalif bir tarzda vücuda getirebildiler. 1917 ve 1918 senelerinde zirdeki cumhuriyetler hakiki ve kanûni bir surette meydana çıktılar: Don cumhuriyeti ve Kuban ve Ter cumhuriyetleri. Buna benzer bir haraket Ural, Orenburg ve Astrahan Kazakları arasında da baş gösterdi ve bu haraket en uzak köşelerde bulunan Sibirya ordularına bile sirayet etti.

Pek kısa bir müddet sonra Rusya İhtilâl hükümetinin Kazaklara karşı olan siyaseti de eski Çar hükümetlerinin siyaseti gibi merhametsiz ve müftasibane bir tarzda olduğu görüldü. Bolşevikler genç Kazak cumhuriyetlerile muharebeye girişdiler ve maalesef bir taraftan davet edilmenden tavassut eden beyaz Rus ordusunun jeneralleri Denikin ve Wrangel dolayisile ve diğer taraftan düveli muazzamın Kazak istiklaliyet haraketinin ehemmiyetini takdir edemiyerek Kazakların müsellâh kuvvetlerini Rus mukavemet ordularına tabi kılmağa çalışmaları Kazakların müdafaaşını gayet müşkül bir vaziyete soktu. Bu meşum vakaların neticesi olarak Kazaklar o vakıt umumiyyetle Bolşeviklerle beraber haraket eden Rusya milletile gayri müsavi bir seviyede muharebe etmeye mecbur oldular. Bu gibi şerait altında hezimeti izale etmek tabiatila kabil değildi ve musır bir mukavemetten sonra da bu hezimete uğradılar. Be felaketten sonra Kazaklar vatanlarının selamet ve saadetini ancak müstakil bir hükümet tarzında elde edebileceklerine tamamıyla kanaat getirdiler.

Bugün bu vatan Bolşeviklerin işgali altında bulunuyor. Hezimete uğrayan düşmanları hakkında Moskova Bolşeviklerinin nasıl zalimane

ve merhametsiz haraket ettikleri herkesce pekala malûmdir. Buna rağmen Kazakların milli haraketi uyanıyor ve her yıl daha ziyade kuvvetleşiyor, ve bu haraketi ne tazyik ve ne de zalimane muameleler mahv etmeye muvaffak olabilecek.

Memleketlerimizin Savyet hududunun çin divarla bütün dünyaden tamamıyla ayrıldığı bu sırada hukuk ve bedbaht vatanımızın müdafası yolunda seslerimizi yükseltmek mesliyet ve vazifeyi mukadesesi biz muhacir Kazaklara kalıyor. Kendi millet ve milletlerinin gizli gaye ve ümitlerile temastan geri kalmayan Kazak muhacirleri 1917 senesinde başlanılan mücadeleye devam ederek bütün dünya üzerinde kendi milletlerini temsil etmek vazifesini deruhe ediyorlar.

Eğer dünya kendisini şarktan tehditeden tehlikeden ehemmiyetini hakkila anlaya bilirse bizlere tasvip ve meşru yardımını red etmeyeceğini zan ediyoruz. Fakat her şeyden evvel bizlerden birkaç şey öğrenmesini arzu ediyoruz. Mesela pekaz kimseler Fransa inkilabının hürriyet, müsavat ve uhuvvet kelimelerinden ibaret bulunan büyük sözlerini daha pek çok evvel Kazakların kendi hayatlarına tatbik ve hükümetlerinin siyasetine esas olarak ittihaz etmiş olduklarını biliyor.

Bu hezimete rağmen Kazaklar kırılmadığı gibi sesleri de susturulmadı. Kendi memleketlerinde susturulan bu ses haricte bulunan muhacirler arasında daha ziyade yükseliyor ve hürriyet ve adalete olan haklarının tanınmasını talep ediyor.

Kazak muhacirleri „Hür Kazaklar“ cemiyeti name altında toplantılar ve bu cemiyetin münesşiri esfâr olup Prag şehrinde iki haftada bir çikan „Hür Kazaklar“ gazetesi de dünyaya Kazakların gaye ve istiklaliyete olan haklarının bildirmek vazifesiyle mükemmel bulunuyor. Bu müessesenin programı gayet kısa ve vazîh bir surette fikirlerini beyan ediyor:

Bütün Avrupa Kazaklarının erazi ve ehalelerini ve yani Don, Kuban, Ter, Astrahan, Ural ve Orenburg erazisini ve bundan mada kalmâk erazisini U.S.S.R., hükümetinin nüfuzu altından kurtarmak ve bunlardan Kazakistan ismîle müstakil bir Kazak hükümeti vücuda getirmektir.

Bu program yeni bir şey değildir. Daha 1917—20 senelerinde müttahit bir Kazak hükümetinin tesisi meselesi dört kere Kazaklar tarafından ortaya koyuldu isede ecnebi unsurlarının tavvasut ve nüfuzu dolayisile bu hususun katî bir şeki alması mümkün olamadı.

Kazakistan ismindeki böyle bir hükümet ne gibi bir şeyi temsil edecek. Altı Avrupa Kazak erazilerile Kalmâk erazisinin miktarı takriben 870.000 kilometro murabbaâna yaklaşıyor ve buralarda yaşayan ehalinin nüfusu da 11.000.000 variyor.

Bu kîsa makalenin hududu dahilinde kari-

lerimize lâzîmgelen tarihi, cografi ve iktisadi malumatları vermek imkân haricinde bulunuyor. Bu hususta alâkadar bulunanlar bu mesleler hakkında yazılmış olan hususi neşriyat ve kitaplara müracaat edebilirler. Üzerine nazarî dikkati celp edeceğimiz bir hukuk varsa o da mevadi cografiye ve iktisadiye ile hukuk tarihiyinin Kazak separatistlerinin elliinde bulunması ve bunların programlarını mevku

fîyle getirmeleri için hizmet eden en mühim delâl olmasider.

Hür Kazaklarîn yeni gayeleri umumî noktai nazardan bakılacak olursa bunlardan iyabaret bulunuyor. Bunlarla mütemeddin dünyanın önüne çıkarak bu sefer Kazak programının temeddün, adalet ve terakkî dostları tarafından muhik olan bir samimiyyet ve tasviple Kabul edileceği ümidi bir kere daha izhar ediyoruz.

И. М. Наваров. (Югославия).

Посвящается М. Рейн... дт.

* * *

Пропал мой день сегодня снова —
Не написал я Вам ни слова
Про горе рыцаря степного —
Мого народа дорогого,
Как он один — орел степной —
Был окружен вороньей тучей
И бился в гордости могучей,
И пал, сраженный ихней тьмой...
Как завладел широкой степью
Безумный Каин-супостат
И окружил стальною цепью
И стражу выставил у врат...
Судьбой обиженная птица
Одна с разбитою душой
Осталась гордая орлица
С гнездом орлят в степи глухой.

Но, горьких слез она не ронит,
Не стонет жалобно в степях —
Своих орлят она хоронит*)
От черной гали**) в ковылях.
И кормит их, и поит кровью,
Вражду вливая в их сердца,
Чтоб грозно с огненной любовью
Они отмстили за отца...
И будет день — в сияньи славы
Взлетят орлы из ковылей
И загорится бой кровавый
Среди поруганных степей.
В огне от края и до края
Пройдет восстание волной
И будет снова степь родная
Навеки вольною страной.

2 дек. 1932. Княжевец.

*) Скрывает.

**) Воронья.

С. Турчинов.

Сын Дона.

(Булавин).

Историческая драма из казачьей жизни в четырех действиях.

(Окончание).

3-е ДЕЙСТВИЕ.

Действие происходит в городе Бахмуте, на стенах и укреплениях городка. Виден частокол, пушка и т. п. Казаки решают сделать вооруженное восстание и истребляют стрельцов кн. Долгорукого. По средине один стол, один стул и скамьи вокруг.

Явление I.

Казак: (бьет в листавры). Атаманам, старшинам, казакам собираться у Круга. По велению Атамана не медлить у сбор... у Круг!. (Казаки за сценой начибают передаватъ: у сбор, у круг. С разных сторон приближаются казаки; выходит писарь и садится за стол. Слышны разговоры, смех. Выходят старшины, все смолкаютъ).

Старшина: Внимать, казаки. Все мы тут в сборе?

Казаки: Кажись все...

Старшина: Наши Атаманы против царя не идут. Не идем мы и за ними потому, что воеводы против казаков идут и клевету посыпают. Мы против тех, кто против казаков. Не забывайте, что царь может послать войско, которое одних в Москву возьмет, а других на месте перебьет.

Казаки: Жив дух у нас казачий, не дадимся!..

Старшина: Держитесь друг за друга. Довольно нам служить кому то за доброе слово! Надо старые

вольности вернуть... А вот и Атаманы идут... Атаману Кондратию Булавину и Некрасову жить в Атаманах!..

Явление II.

(Те же, Булавин и Некрасов).

Булавин: (входит в круг с булавою). Спасибо вам, братцы, что не перестали любить своего Атамана. Как добрый казак, почитаемый вами, хочу за ваше добре здорово и вольную жизнь приложить все усилия к нашему общему благополучию сберегать свои богатства для себя и никому гроша не отдавать. Сейчас же пропоем нашу старую казачью песню по нашему древнему обычаю, — как установлено было, так и будем делать. (Пояют „Много лет“)...

Булавин: Круг считаю открытым и вольное слово будет выслушано.

Некрасов: Атаман, хочу высказаться я...

Некрасов: Бессмертные казаки, из древних веков несется слава громкая о Казачестве; гремит она далеко за синими морями и многоводными реками; знают о ней в Стамбуле, знают в Хиве, в Астрахани и в Персии, знают и в Москве, где русский мужик стоит под гнетом воевод и начальников, платят им неспособно-большую дань. Не довольствуются они этим. Решили и с нас дань брать. Чистые приходы отсыпать. (Пауза). Наши праотцы дань не платили. Многовековую старину мы чтим, ей мы кланяемся и гордимся, что мы потомки славных, вольных казаков Дона и

дани тоже платить не будем. Мы не покоренный народ!..

Казаки: Правильно!.. правильно!..

Некрасов: Атаманы, старшины и казаки, ваши земли, кровью добывшие, уже начинают разбирать по окраинам. Придет Долгорукий связать нас по рукам и ногам и чтобы дань наложить, чтобы вы без сопротивления мужиками сделались... Не допустите, братцы, позору этого!

Казаки: Не допустим... (Гул голосов).

Некрасов: Не забудьте, что если вы упустите ваши вольности, ваши деги вас вечно проклинать будут за то, что вы загубили извечные вольности и работать на воевод стали.

Казаки: Ни за што не допустим!..

Некрасов: Казаки, я знаю, вы не царские слуги, вы вольные дети обширной бескрайней степи и Тихого Дона. Станьте на защиту проданных изменниками Атаманами ваших вольностей и свободы. Разделаемся с Долгоруким, пойдем в Черкасск и накажем тех, кто легкомысленно играет нашими головами. Зову всех от мала до велика, от верхов до низов, стать на защиту наших прав... И если будет нужно, все умрем! За Казачество, старую веру и волю!.. (Отходит).

Казаки: Умрем, постоим...

Писарь: Слово дано старшине.

Старшина: Мы, казаки и казачьего рода племени и доблестные воины, никому подчиняться не желаем. Для нас русский царь и турецкий султан — одно и то же. Ни царю, ни султану дань платить не будем. Нам лучше жить вольными людьми и слушать верных Казачеству Атаманов. Изменников же мы накажем. (Пауза). Способных ли у нас нету?! Наши предки в старое время умно решали дела донские. Решим их теперь и мы так, чтобы не посрамить прошлого! Послушаем Атаманов. (Отходит).

Казаки: Гоговы мы слушать! (гул).

Писарь: Говорить хочет Степан Филиппов.

II Казак: По моему, раз они желают нас подневольными делать, да дань брать, тут, знатся, нужно нам быть у места и как это они придут — наколотить. Я призываю вас к делу, чтобы узаться за оружье, коли добром не понимают! (Отходит).

Казаки: За оружье!..

Писарь: Слово имеет Атаман Вешек.

Ат. Вешек: Вольный народ! жаль наших вольностей казачьих. Нужно не допустить угнегателей. На окраине нашим казакам проходу нету. А если к нам придут, покидай родную землю, или ищи новую, да за воевавай ее, а мы знаем, завоевывать теперь трудно. Татары сильные стали, турки им помогают. Да и жаль покидать нами любимый седой Дон, красу степей. Здесь на просторе необъятных степей покоются кости борцов за веру и вольности казачьи, где никогда не знали рабства, ни унижений... Разве можно отдать такую степь, где, запустив коня, не хочешь остановить его ни перед турецким султаном, ни перед царем московским!.. (Отходит).

Казаки: Нам воля дороже царей и султанов!

Писарь: Говорить будет Атаман Булавин.

Булавин: Братья казаки! В Круг собрал я вас решить дело важное. Царь Петр дань велиг с вас собирать и ему отсыпать. В грамоте писано: „коли добром не дадут, то разгневаюсь“. Я начертал, как вы все знаете, что и мы гневаться можем. Слышишо, что Долгорукий с стрельцами придет с нас силою дань собирать. Теперь я у вас спрашиваю, за кем вы пойдете? Кому служить будете, Петру или Казачеству?!

Казаки: За тобой, Атаман!.. вольными казаками родились, такими и померем!

Булавин: Казаки, обращаюсь к вам и зову вас не только дань не платить, а нашу старую, древнюю волю и независимость отстоять! Настал час, когда мы должны показать, что мы любим нашу родину и Дон реку. Покажите, что еще жив казачий могучий дух и что вы не боитесь множества врагов и что ваши сабли могут подняться на поработителей нашего края и веры христовой. Вспомните, братцы, вы старую славу

Азова. Не пугайтесь, что нас мало, но мы — казаки! Живи, вольное Казачество!..

Казаки: Слава!.. За оружие! (Гудят).

Булавин: Казаки, теперь разойдитесь и собирайтесь в поход! (Казаки расходятся).

Явление III.

(Булавин, Некрасов, Старшина, Ат. Вешек, писарь, гонец).

Гонец: (входит) Отписка Атамана Максимова Атаману Булавину!

Булавин: (радостно) От Максимова! Давай! (берет и дает писарю). Читай! (к гонцу). А ты иди!

Писарь: (читает) „Атаману Булавину. С тобою согласиться мы не можем. Мы держимся царя Петра, его слушаем и уважаем, если он на тебя разгневается — его воля царская. Мои казаки за Петром и мой совет слушай Долгорукого и не протився и мы с тобою приятелями будем. Атаман Максимов со старшинами и казаками“.

Булавин: Максимов против вольностей казачьих, за Петра против меня. В нем нет казачьей чести. Продался, видно! Хочет унизиться перед царем... Жив дух казачий во мне! Берегись, Максимов! Со мною — казаки, верные своей старине... (к писарю) Начертай ему отписку о гневе моем к нему. Дон и его вольности мне дороже всех товарищев. Максимов будет помогать Петру. Ну, померимся!

Явление IV.

(Те же и казак).

I Казак: Атаман, кажись петровцы идут.

Булавин: (бросается к частоколу) Где?! (смотрит) Верно... Это стрельцы, кажется. Ну-ка, поглядите ты, Некрасов! (Некрасов тоже смотрит).

Некрасов: Ну да, это она.

Булавин: Казаков собрать! Пушки прочиагить, да ядрами зарядить... фитили проверить. Коней приготовить (быют тревогу, казак уходит). Час настал. Покончим с ними, пойдем в Черкасск, а там все Казачество об'единится и никакая сила нас не возьмет. Хотя Максимов и против, но это не опасно. Сговоримся, мы свои. (Пауза). Ну, вот уже близко подходят. Ты, Некрасов, с своими казаками вот тою балкою проберись к тому леску, а ты, старшина, с Атаманом Вешек в большие ворота, в лоб ударишь, я же с осгалыми с левого крыла на них нааду. Действуйте дружно и только тогда, когда пушки стрелять перестанут. Поняли?!

Ат. Вешек, Некрасов, Старшина: (все вместе) Поняли!..

Булавин: Ну, в добрый час! (Смотрит в даль и проверяет все). Приближаются... Сколько голов ляжет! Эх, да что же... своя рубашка ближе к телу. Долгорукий, кажется, впереди. Эй, Михаил, твоя тоже пушка палить будет.

III Казак: (из за кулис) Будет, усе готово!

Булавин: Гришка, Кузьма глядите лучше, не промахивайтесь!

Казаки: (за кулисами). Не бойся, Атаман.

Булавин: Ну, как там, все готово?!

Явление V.

(Булавин и один казак).

I Казак: Ды один я не успел (подбегает к пушке), но у мине усе упорядк.

Булавин: Знаю, хороший казак ты. Наводи. Готовы?! (отвечают в дали: Да!). К пушкам, стреляй! (зажигают фитили, стреляют, вдали слышится крик). К пушкам!.. стреляй! (зажигают фитили и стреляют во второй раз). Довольно палить! (вдали слышатся крики, стук копыт, лязг шашек). Эй, казаки, по коням! А вы тут лучше смотрите, к пушкам не подпускайте (уходит).

Казак: Ну и схватка, гляди-ка, как супротивляются. А Некрасов то рубит! Молодец Атаман, на своем месте (издали слышатся новые крики).

Явление VI.

(I и III казаки).

III Казак: Кондратий, Кондратий-то сдавил усех
(Пауза.. Слышатся крики, стоны, стук копыт, лязг
штыков и сабель).

I Казак: Беда... Война с христианами хуже, чем
с турками...

III Казак: Да куды им там до казаков! не успели
мы и поговорить и усе кончено. А это каво там ведут?

I Казак: Верно, Долгорукова!

III Казак: У самом деле, он и есть.

I Казак: Гляди, Булавин идет, пойдем отсюда
(уходят).

Явление VII.

(Булавин Некрасов и Старшина).

Некрасов: Один меня добре по спине достал
(пробует спину), болит немножко.

Булавин: Пройдет. Засохнет. Хорошие все таки
у Петра солдаты!.. Ну, Бог с ними!

Старшина: Пусть им будет вечная память!

Булавин: (За кулисы) Эй!.. Андрей! Собирай казаков в Круг и Долгорукого сюда доставить!

Андрей: (из за кулис). Сейчас! Казаки у Круга, на
сбор! (Казаки идут с разных сторон и между ними
раненые с перевязками).

Явление VIII.

(Булавин, Некрасов, Старшина, Атаман Вешек, казаки,
Долгорукий).

Казаки: (ведут Долгорукого). Проси милости у
Атамана и Старшины, могут помиловать...

Долгорукий: Просить?! не желаю разбойников просить.

Булавин: Заткните рот ему! Эгот князь первый раз был у меня с грамотой и отличился! Второй раз пришел с сгрельцами, чтобы уничтожить наш городок. Обыщите его (казаки обыскивают князя и находят грамоту).

I Казак: Грамоту имеет (подает писарю).

Булавин: Читай!

Писарь: (читает), „Воеводе князю Долгорукому. Божьюю милостью, я, вседержитель Руси, велю собрать дань с казаков силою. Атамана в Москву прислать со старшинами. Других казаков сам судить можешь. Если не управляешься, отойди за помощью к воеводе Зарецкому в город Воронеж. Настоящее принять и исполнить точно. Петр“.

Булавин: Слышите, братцы в Москве какого добра нам желают! Атаманов и Старшин в Москву, а с казаками тут разделаться! И все это — за что? Кто бы из нас помел поднять руку против царя?! Он себе там в Москве царь, а мы на Дону, Атаман и казаки. Мало ли мы им помогали?! Под Азов два раза ходили. Первый раз пошли — казну истратили, а Азова не взяли. Нас маловато было. А жалованья от царя не получаем и поживиться нечем было. Второй раз жалованья тоже не дали. Благодарение, что казаки поживились от турок и с хорошою добычею вернулись. С тех пор заметно стало, что царь не любит нашу вольность, а в помощи нашей нуждается, Атаманов из Москвы хочет назначать, да нашу казну грабить и нас казаков обижать будет..

Некрасов: Казаки, верно сказал Атаман. Надвигается на Дон туча грозная. Нужно взяться всем за оружие и не допустить владеть нами. Не падайте духом. Казны у нас много, оружия хватает. Все, что в поход нужно, есть, время проводить нечего. Судить Долгорукого и в путь!

Казаки: Правильно! судить ево и в путь-дороженьку!

Долгорукий: Судить меня только государь может.

III Казак: Но ты провинился у нас, а не у государя. Так што мы тебя судить будем.

Булавин: Долгорукий пришел на Дон силою наши казачьи вольности уничтожить да дань с казаков брать. Как его наказать?

Казаки: Убить его! Убиты!

Булавин: Все ли желают этого?!

Безрубашкин: Нет!

Булавин: Почему ты не согласен?

Безрубашкин: А потому, что царь скажет: его казаки убили. Убивать ево не стоит. По моему, посадить ево в куль, да у Дон спустить. (Казаки смеются).

Казаки: У куль его, да у Дон (Гудят).

Булавин: В куль, так в куль, в Дон, так в Дон! А куль то иде возврем?

Безрубашкин: Да, я ему подготовил (Показывает куль).

Булавин: Сажайте его!

Казаки: (Накидываются на князя, сажают его в куль и завязывают сверху).

Булавин: Несите в Дон! (берут его и несут. Навстречу им два казака катят бочку вина).

Казаки: Глянь, ты откуда! (Другие): Тю, чертяка! (Все смеются).

II Казак: Нужно же победу оправдновать! Усе у Кругу сидят, не вот бы приди помочь.

Некрасов: Ну, довольно тебе! Если думаешь угощать, то не медли, начинай.

Казаки: (казаки ставят бочку и выламливают верх).

II Казак: Подходи усе, по порядку, не толпись!

III Казак: Да ты то Атаманам спончала дай!

II Казак: Разумеется, Атаману первая чарка и первая палка (подносит Атаману и сейчас наливает и сам пьет).

Булавин: (беря чару). Ну, выпьем все вместе, а потом споем и повеселимся, а завтра, не забывайте, нужно идти в поход. Докажите, что вы любите Казачество и Дон. Имейте в своих сердцах любовь к нашему вольному kraю и народу.

Казаки: Докажем! (Каждый себе наливает вина и пьют).

Некрасов: Братцы, хочу выпить за здоровье нашего Атамана Кондратия Булавина. Пусть Бог даст ему здоровья и сил служить Казачеству на много лет!

Казаки: Аж до смерти!.. (Пьют все).

Булавин: Спасибо, вам, братцы. А я выпью за ваше здоровье и запою вам песню, да только вы поддержите.

Казаки: Поддержим!

Булавин: „Рано утром зарей“... (поют все).

II Казак: (Когда кончают петь). Тыфу, у роте усе пересохло. Да и песня то не діжке веселая. У мене ноги чешутся, давеселей сыграть какую нибудь, Атаман, вели.

Булавин: А ну, Степан, запой ты веселую, я не могу так хорошо, как ты.

Казаки: Затяни „Ты подуй“. (Все поют, а после первого куплета переходят на „Посеяла лебеду на берегу“. Казаки расходятся и делают круг).

II Казак: Ну вот, (выскакивает) держись! (очень легко и ловко танцует к нему присоединяется другой)...

Занавес.

4-е ДЕЙСТВИЕ.

Действие происходит в курене у Атамана Булавина.

Картина 1.

Явление I.

(Булавин, Некрасов, Старшина и писарь).

Старшина: Как я говорил, так и нужно было сделать... Раздробил ты свою силу, Кондратий. (Булавин молчалив и задумчив). Не надо было Драного от себя отсылать, ему не изменяют и тебя всегда бы поддержали. Бог ведает, где теперь он?! Брось клич ко всем Атаманам станиц... За Ивашкой пошли и укажи, чтобы казаков не распускали. (К писарю). Запорожцам пиши и упомяни, что царские войска на разорение идут... (Пауза. Писарь пишет).

Булавин: Ну, что, написал?!

Писарь: Написал. Думаю, что хорошо будет и довольно. Послушайте: „Запорожскому Войску от Атамана Кондратия Булавина. От себя наперед сего писали, чтобы нам дали от себя руку помохи и быть бы вам

с нами вкупе единодушно и меж себя советовали и души позадавали, чтобы всем вам с нашим войском Донским быть в соединении, друг за друга радеть единодушно. А ныне нам, войску Донскому, чинитца, что государевы стрельцы пришли, разоряют наши казачьи городки и хотят идти под Черкасск. Мы всем войском Донским просим у вас, у всего войска Запорожского милости, если вам слышно про приход царевых стрельцов на наше разорение и вы нам помоши бы дали, чтобы нам вкупе обще, а в разорение нам себя напрасно не отдать... Если государевы стрельцы нас разорять станут и мы им противиться будем, чтобы они нас в конец не разорили напрасно, также и вашему войску Запорожскому не учинили...

Булавин: Допиши: и чтобы нам жить вкупе и во всяком добром совете и друг за друга постоять в правде за казачью волю и свое здоровье между собою оберегать нам нужно.

Писарь: (Пишет. Вслух) „оберегать нужно“.

Булавин: (Встает и подписывает). Гонец приготовился?

Некрасов: Кажется (Подходит к двери и зовет гонца).

Явление II.

(Те же и гонец).

Гонец: (Входит) Агаману Булавину здравствовать желаю.

Булавин: Вот что, ты казак боевой, правдивый, хочу на тебя высокую честь возложить. Отвези эту грамоту (подает грамоту) Запорожскому войску, кланяйся им и возвращайся на Дон.

Гонец: Слушаю, исполню все в точности.

Булавин: Надеюсь... Ну, счастливой дороги (Целует в лоб и благословляет). Иди с Богом! (Гонец уходит. Пауза). А ты, Некрасов, собери своих казаков и пройди вниз по Дону и рекам и собери всех вольных казаков и скорее назад возвращайся. Только не медли!

Некрасов: Слушаю, отправляюсь.

Булавин: Стой. Иди и тебя благословлю (Целует и благословляет). Ну, с Богом! (Некрасов уходит).

Явление III.

(Те же и гонец).

Гонец: Славному Атаману Кондратию Булавину жить и здравствовать много лет. От твоего верного сына Сеньки отписка. Трех коней загнав, доставляю.

Булавин: (Берет грамоту и подает писарю). Читай!

Писарь: „Атаману Кондратию Булавину от Атамана Сеньки. Потерпев неудачу, о помоши просить казаки велят и если можешь со своими казаками. Сенька с казаками“.

Булавин: Вас разбили?

Гонец: Бригадир воевода Долгорукий, брат твою, с огромным войском окружил нас. На каждого казака по 10 стрельцов. Боятся и отступают на Дон.

Булавин: Еще хуже новости. Но, ничего, уладим. Иди... ты свободен. Возвращайся, впрочем, если желаешь, примыкай к нам.

Гонец: Да мене усе равно, ведь бьемся то мы за наш край, родной нам усем.

Булавин: (К старшине) Пойди с гонцом, накорми его, как следует, коня ему замени и сам передохни часок.

Старшина: Я то здоров и не измогился, а его (показывая на гонца) устрою. (Старшина и гонец выходят).

Булавин: Да, Старшина (Старшина возвращается), я совсем забыл, в мое отсутствие управляй за меня.

Старшина: Хорошо. (Уходит).

Булавин: А ты (к писарю) вели коней седлать. Казакам на два дня хлеба и жалованья выдайте. В поход об'яви. Иди! (Писарь уходит). По 10 человек на одного. Трудно будет защищаться... Их много... Эх, жаль, не вернуть нам старых вольностей... (Пауза). Казаки что-то заговориваться начинают. Недовольных появилось много. К Петру в холопы за жалованьем лезут, не понимая, что жалованье то из нашей казны дают... Ну, что будет! Врагов много... Надо собираться (Готовится).

Явление IV.

(Булавин и Гала).

Гала: (Входит) Ты куда?

Булавин: (Тихо) От Сеньки грамоту получил.

Гала: И что?

Булавин: Помощи просит.

Гала: А почему ты сам собираешься?!

Булавин: Всех разослал в разные места. Так я сам.

Гала: А Степа?

Булавин: А Степан по моему велению со своими казаками вниз по Дону пошел вольных казаков собирать.

Гала: Уехал и не простился.

Булавин: Я погорячился, велел скоро исполнить. Ты знаешь, он исполнителен и с бабою заниматься не станет, когда есть дело. (Быть вдалеке в поход. Шум, крик, потом все стихает). Собрались и все меня ожидают. Надо спешить. Посидим (садятся; молчание). Молись! В молитве вспоминаю меня. В обиду себя никому не давай. Ну пусти (Гала еще ближе прижимается к отцу и плачет).

Гала: Батинька...

Булавин: Ну, что ты, перестань!..

Гала: (Плачет) Батинька, а когда же свадьбу то? Все походы... жизнь уходит.

Булавин: Не плачь. Тяжело тебе, верю, потерпи немного... Как с похода вернусь, закажу хлеба приготовить, баранов нарезать, вина самого лучшего доставлю. Соберу всех Атаманов, старшин и казаков, да свадьбу сделаем громкую, чтобы Дон знал, что Булавины свадьбу играют...

Гала: (Улыбаясь) Ты обещаешь?!

Булавин: Обещаю.

Гала: Ах, как счастлива была бы я. (Испытывающе) Ты меня не обманешь?!

Булавин: Нет, дитя мое. Да нужно со Степаном переговорить. Ну, да он всегда согласен. Я это знаю. Ну, оставайся с Богом! (Крестит и целует ее).

Гала: В добный путь! (Булавин уходит. Гала долго сидит молча). Что то я засиделась, пойду сообщу Андрею и Груне... и к Григорьевой бабе пойду, попрошу окончить мое венчальное платье. Андрей и Груня женились и как любят друг другу... (Пауза). Иде теперь мой Степан? (Уходит. Большая пауза).

Картина 2.

Явление V.

(Андрей и Груня входят вместе).

Андрей: (Входит и смотрит на стол). Усе запылилось то... надо почистить да обмести. Ну-ка принимаюсь за работу, нечично тебе делать, — чисть!..

Груня: А ты заморился... сидел у весь день...

Андрей: Не разговаривай!.. Руки отпадают... работать не хочется, чиво то сердце ноет, недоброве чует.

Груня: Брось ты с своим сердцем. Оно у тебе, как у зайца.

Андрей: А за что полюбила, коли сказываешь, как у зайца?

Груня: За вид... за ухватку молодецкую. Только нету сердца. Казак ты без сердца...

Андрей: И чиво ты брешешь! (подходит к ней) На, слухай, как стучит...

Явление VI.

(Те же и гонец).

Гонец: (Входит) Не мог разыскать тебе у вашем курене. У Атаманском сидишь? Молодчина, от Кондратия записка.

Андрей: Давай (берет записку), а сам вылетай,

Гонец: Вылечу, не бойся (уходит).

Андрей: (читает) „Андрей, мое войско разбито. Сам я у курене скоро вернусь. Старшине скажи, чтобы верных казаков к себе собирал. Кондратий“.

Андрей: Чиво же теперь нам делать?!

Груня: Да чиво там случилось?

Андрей: (злобно передразнивая) Чиво там случи-

лось? Не слыхала, чиво я читал, оглохла или сдурела? Булавина разбили...

Груня: (молится) Боже сохрани и помилуй! Ты вправду или подшутил?

Андрей: Какой там подшутил, тово и гляди суды нагрянут.

Груня: Страсти то Господни!..

Явление VII.

(Те же и Галя)

Галя: (вскакивает) Груня, Андрей!.. Поглядите, какое платье мне Григорьева баба сшила к свадьбе... (Примеряет платье). Оно мне очень идет, а Григорьева баба красавицей мене назвала (Пауза). А вы что такие невеселье? (смотрит то на Андрея, то на Груню).

Андрей: Ничево (Переминается и прячет грамоту) по...вдо...рили...

Галя: За что? А это у тебя что?! (берет грамоту и читает; из рук выпадает платье, она садится и задумывается). Все кончено. (Андрей и Груня уходят). Таких верных казаков ему не найти... Разбиты и все мои надежды... (Плачет).

Явление VIII.

(Галя и Булавин).

Булавин: Галя, что с тобой? Ну, говори, что случилось?!

Галя: Ничего... Так прошло... Ты весь в крови, что с тобою? (Булавин, опустивши голову, молчит). Я прочитала твою записку. (Пауза). Значит, это верно? (Булавин молча опускает голову).

Булавин: Меня разбили стрельцы с казаками. Много легло на поле браня. Немногие уцелели и спаслись бегством. Могут и сюда прийти. Казаков мне нужно... Говорить с ними и помочь просить у них... Их тьма, рубили, а они не отбиваются, все идут и идут новые. Слышишо от языков, Петр разгневался очень и войска идут поставить нового Атамана, который мил Петру будет. Что будет твориться на Дону?! (Тихо). Лучше умереть, нежели видеть своими глазами расправу с вольными казаками. (Пауза). Есть еще одна надежда... Андрей!

Явление IX.

(Те же и Андрей).

Андрей: (мрачный) Чиво желаете?

Булавин: Собери всех оставшихся казаков на станичный майдан. Буду говорить с казаками. Иди.

Андрей: (не уходит, переминается).

Булавин: Чиво стоишь? Иди!

Андрей: Ды казаки на майдане Зерщиковым были смануты на царскую службу.

Булавин: Верно ли?

Андрей: Да, Атаман.

Булавин: Зерщиков!.. продажный он, изменник Казачеству. Когда он успел и тут побывать! Его отец турецкому султану Азов продавал, а сын Московскому царю казачьи головы приготовляет... в царские Атаманы лезет!

Галя: Батинька, успокойся.

Булавин: (к Андрею) А он тоже там?

Андрей: Там.

Булавин: Ну, почему быть. Пойду на майдан...

Галя: (к отцу в догонку) Батинька не уходи, пожалей свою дочку!.. (бессильно) Батинька!.. (Пауза). Боже милосердный, за что ты разгневался на нас?

Явление X.

(Галя и Андрей).

Галя: Андрей, подожди. (Садится и пишет). Только на него и надежда. (Пишет, заканчивает) „Спеши, любящая твоя Галя.“ (Ищет пять золотых). Это письмо отправишь сейчас же с быстрым казаком к Степану. Вот 5 золотых ему на дорогу. Бегом! (Андрей выбегает).

Галя: Как тяжело на сердце (Пауза)... Степа как получит, так и прилетит со своими орлятами. (Весело):

Его казаки похожи на него — смелые, веселые, храбрые (смотрит в окно), въезжает... В добрый путь! (радостно): Поскакал... Уснеет ли?! Боже милостивый, будь ему покровитель (отходит от окна и садится). Жили мы у себя тихо, хорошо, всего у нас доставало. Злым же людям в зависть наша свобода и вольность стали. Протянули руки на наше добро, на нашу вольность... Казаки смотрят сквозь пальцы, некоторые понимают опасность, другие ждут, что при царе хорошо будет. (За сценой слышны голоса. Андрей: Всем приготовляться, на майдане волнуются и кто знает что там решат... Галя вздрагивает и прислушивается) Казаки и тут волновались. Защищать приготовляются. Так что будем защищаться! (подходит, смотрит пистолет, пробует шашку, острия ли она). Тупа, сойдет. (За сценой слышен голос Булавина): Казаки, Андрей, Старшины, всем верным ко мне, Зерщиков с казаками против меня, защищаться будем вместе, слышите!? Старшина распоряжайся!

Явление XI.

(Булавин и Галя).

Булавин: (входит) Видно, что заговорила в тебе казачья кровь. Вся ты в отца.

Галя: Да, я готова...

Булавин: За Казачество! За вольность! За веру! мною было предложено казакам положить свои силы и многие полегли костьюми, но в то же время другие обманенным образом введены в заблуждение и подчинены царю... Теперь уже поздно...

Галя: Успокойся батинька, мы отстоим свою жизнь. Потерпим сегодня, а завтра Степан должен прийти на помощь (За сценой шум, крики, лязг оружия).

Булавин: (встревоженно) Напали! Все кончено. Нашему Казачеству вольности не дороги стали. В холопы к царю на жалованье лезут. Но царю не нужна вольность казачья. Ему нужны земли казачьи и казачьи руки. (Пауза). Ну, пусть послужат государю до поры до времени. Жить казакам на Дону тяжко будет. (Молчит). Галя, нужно решить.

Галя: Что, о чем?!

Булавин: Как нам быть.

Галя: Защищаться будем, я тоже сильная и за себя постою.

Булавин: Не можем, их много.

Галя: Говори, что думаешь?

Булавин: Я? по моему, убивать казаков мне — большой грех, они меня любили и уважали.

Галя: Ну, а что же?

Булавин: За их кровь грех падет на меня... Я, Галя, должен умереть...

Галя: (встревоженно) Умереть?! А я?... меня одну оставил?

Булавин: Думаю, что тебя пощадят и не тронут. Помни только, если останешься жива, смотри на жизнь смело... не забывай, что твой отец любил Дон всей душой и телом, лелеял золотую мечту о независимости Казачества, но, знать, не судьба. (Тихо в сторону) Поплю ее за вином. Галя, пойди, милое чадо... дай я тебя благословлю (Благословляет и целует ее в лоб). Пойди вина принеси!. (Галя медленно выходит. Он провожает ее взглядом). Ну теперь я кончу... (Снимает пистолет). Писать о своей смерти не желаю, сами узнаете, за что умер ваш Атаман, служивший верой и правдой Казачеству. Любил всей душой тебя, Тихий Дон. Казаки, как хорошо у нас на Дону было без чужих рук. Но, на нашу родину протянулись чужие руки и все переменилось. Мое последнее слово вам: Любите Дон, Казачество и Волю!. (Стреляет, делает шаг вперед, старается выправиться. Тихо): умирает ваш... Атаман. (В это время появляется Галя у двери. Из рук опускает посуду, стук разбитого стекла одновременно с падением Булавина).

Явление XII.

Галя: Батинька!.. (Бежит к Булавину, поднимает его) Батинька!.. (Молчание, Галя плачет). На кого же ты меня оставил, батя, добрый, пробудись (рыдает)... (За сценой шум, крик, лязг, выстрелы). Они идут сюда, за тобою (Берет саблю) клянусь, что пока жива, к твоему телу они не прикоснутся.

Явление XIII.

(Галя и Андрей).

Андрей: (Вбегает с саблею в руке) Галя, стрельцы с Зерциковым требуют выдачи Атамана.

Галя: (Прикрывая тело Булавина). Иди и скажи, что видел. (Андрей уходит. За сценой опять слышен шум, крики, выстрелы. Галя садится у головы отца, смотрит его руки и опять плачет).

Явление XIV.

Андрей: (Вбегает). Они требуют ево тело.

Галя: (вскакивая гневно). Тело?! Издеваться?! Скажи им, если кому не дорога жизнь и если у них хватит смелости, пусть придут возьмут. (Андрей скрываетсь; опять слышится шум, крик, выстрелы, лязг; Галина устраивает баррикаду у дверей; стрельцы бьют в дверь, разбивают, а потом разрушают баррикаду. Галя с пистолетом в одной руке и с саблей в другой бросается к баррикаде). Назад! (Стрельцы на минуту останавливаются).

Стрельцы: Где Булавин?! Атамана выдай!..

Галина: Ни за что!.. Атаман умер...

Стрельцы: Голову яво нам нужно-ть!

Галина: Нет! Вон отсюда, негодные! (Стрельцы бросаются к ней. Она убивает одного из пистолетов, а потом защищается шашкой, убивает другого, третьего, постепенно отступая к окну. Последний стрелец яростно нападает на нее. Открывается окно и из окна показывается стрелец. Галя его не замечает. Стрелец вонзает ей нож в спину. Галя опускает саблю и потихоньку опускается на пол. Стрельцы подходят к телу Булавина).

Галя: Конец... Батинька... (За сценой щум усиливается).

Стрелец: (Голос из за кулис) Ванька, спасайся, Некрасовские казаки рубают, бягим.

Галя: Степа... милый... Степа... Сте... (Умирает). Стрельцы направляются к дверям. Появляется Некрасов и казаки).

Явление XV.
(Некрасов, казаки и стрельцы).

Некрасов: Вы здесь! Умрите, собаки!.. (Бросается на одного и убивает, другого убивают казаки. Некрасов замечает труп Булавина...)

Некрасов: Кондратий!.. Кондратий!.. мертв... поздно мы пришли. Прости, Атаман... спешили, далеко-вато... Бог да простит тебе (Становится на колени и крестится, встает и замечает труп Галины в другом конце). Боже!.. Галя, Галя (Старается поднять ее). Галя я пришел с моими казаками... бежать можем, Галя... (Целует лоб, глаза) Галя, проснись! (Казаки в знак сочувствия к горю Атамана одни опускаются на колени, другие крестятся, вздыхают. Некрасов замечает нож в спине). Тебя подло убили сзади ножем, гнусные трусы! Но мы должны отомстить виновникам смерти твоей. Казаки, преклонитесь перед телами страдальцев нашей земли (Казаки опускаются на колени). Не думайте, что Булавин был малодушен... Нет!.. Он любил Дон беззаботно, свято, и жизнь свою положил на алтарь будущего неизбежного величия Казачества. Пройдет года, Казачество на свободной своей земле воздвигнет памятник борцам за казачью свободу и независимость, в походах казаки в своих песнях будут воспевать своих героев... А за смерть их заплатят сторицею...

(Занавес).

Борис Кундрюцков. (†).

ПОБЕДА ПАЛАЧЕЙ.

Где Воли красота была, там звон оков унылый,
Где степь просторная, как море, залегла —
Тиранов власть свое гнездо сплела

И нет предела там злодействам всем
постыльям...

Огромной тушью своей, тупой, дышащею
гниеньем,

Фундамент развалив старинных алтарей,
Над трупами глумяся, издевались...
О, власть раба... Победа палачей...

Скольз жалок пафос ваш!.. Смешон раб
достиженьем...

Где господин ваш — Царь?.. Его убили...

Народ, как зверь, кем был — таким остался...
И к нам ворвавшися, звериный свой экстаз
Явили миру вы... Но вам казак не сдался...

Идею вы степей лаптем не задавили...
Она живет в казачьих поколеньях —

Пройдя тернистый, страдный путь в веках,
Развеет по ветру часильственные звенья
Цепей былых... Из новых кандалов

Скует свистящий молот возрожденья,
Тиранов обративши в прах...

Ив. Томаревский. (Болгария).

НЕКОТОРЫМ...

Нет, не купите за злато —
Чести я не продаю...

Я идею Воли свято
В сердце с верою храню.

Путь ваш ложен... И лукаво
Вам меня не заманить...

Я душою с казаками
И иным не мыслю быть.

И склонить меня попытки
Ни к чему не приведут.
Лучше смерть, страданья-пытки,
Чем бесчестья-лжи ваш путь!

Путь мой ясен — Казакию
И Свободу возродить,
Сбросив иго-гнет России,
Казаками нам лишь быть!

Так оставьте-же... Позора
С вами я не разделю —
Своей веры и на горы
„Благ“ московских не сменю.

С. Савицький. (Бразилія).

КОЗАЦЬКА ПІСНЯ.

I

Ой, не нам про кохання співати,
Про розквітлі весною сади, —
Хай ревуть в нашій пісні гармати,
З димом в воздух взлітають кати!..

Хай тріщать скоростріли, рушниці
І в атаку літають полки, —
Доки в ярмах козацькі станиці,
Доки в тюрмах сидять козаки.

Хай виблискують шаблі на сонці,
Розривається з громом шрапнель, —
Доки в наше козацьке віконце
Не загляне Великодній день.

Сльози й кров, що пролиті братами,
Й іх Голгофа за волю степів —
Хай у пісні помстяться мечами:
Щоб наш дух до борні загорів.

Хай Сибірь воскреса перед нами
І Соловки з страхіттями їх,
Де козацтво лягло тисячами
Під московський червоний їх сміх...
... Тихорецька... Де Данта нам взяти?!...
Тут і він є безсильний з пером,
Щоб це пекло борні змалювати,
Незабутній козацький підйом!..

З кулаками в атаку ходили
На смертельні гармати катів!..

Ой, нема там побитим могили...
Хай лунає й про неї наш спів.

Хай шумлять, розвернувшись, прапори —
Не вгаває за волю борня, —
І в широких степах і на морі,
Доки зникне чеки катівня.

Як козацтво розвалить в'язниці,
Розторочить кайдани катів,
В сяйві волі побачим станиці —
Хай тоді буде інший наш спів.

II

Переповнилась чаша терпіння...
В степ залізла з Москви сатана.
Грізний чути її згук сичіння, —
Пожирає козацтво вона.

Над козацтвом панують тирані...
Закрівавилась воля свята.
В їх червонім розхристанім раї
Розливается кров, мов вода...

Обікрали церкви по станицях, —
Кров козацьку п'ють з чаш золотих...
Голос дзвону замовк на дзвіницях, —
Не покличе до пімsti живих...

Не співають пісень при покосі
Наши рідні по крові брати:
Рвуть з відчаю по тюрмах волосся, —
Так збиткують над ними кати!..

Гей, збирайся до бою, козаче!
Годі серцем боліть в чужині.
Дома мати й рідня твоя плаче —
Хто ж догодить в степу сатані?!

Хто озброєний стане на ката
І за брата в борні упаде,
Тому буде у небі заплата,
Бо ж боровся за діло святе.

І прославиться імя героя,
Що боровся за волю свою,
Що о ласку ворожу не стояв —
Згинув чесно, як лицарь, в бою.

Гей, збирайся до бою, козаче!
Вже занадто шаліють кати.
Чи ти чуєш: Козакія плаче
І о пімсту взывають брати!

І в Соловках, в холодній Сибірі,
І в козацьких широких степах
Бенкетують московські звірі:
Кров козача у них на устах!..

Пора говорить ясно!

В русской эмигрантской газете „Возрождение“, в номере 2949 от 29 прошлого июня, напечатана краткая выдержка из официального доклада своему правительству некоего иностранного наблюдателя, побывавшего недавно на Кубани и в Ставрополье.

2 сего июля в Париже А. П. Марков прочел доклад на тему „истребление Казачества“. Докладчик пользовался при этом тоже „документом иностранного происхождения“. Если сравнить содержание обоих документов (см. „Возрожд.“ от 3 июля), — не подлежит никакому сомнению, что в обоих случаях речь идет об одном и том же источнике.

Имея перед собою Ростовский „Молот“, можем только подтвердить, что мрачные данные

документа, которым пользовались „Возрождение“ и А. П. Марков, не могут быть заподозрены ни в каком преувеличении, хотя, конечно, сами большевики на страницах своего краевого официоза о людоедстве и не пишут.

Что же сообщает нам „документ иностранного происхождения?“ — Все содержание этого документа (подтверждаемое письмами из Казачьих Краев и содержанием большевицкого официоза Северо-Кавказского Края Ростовского на Дону „Молот“) сводится к следующему:

Московские оккупанты, потеряв надежду сломить сопротивление Казачества террором и высылками, решили уничтожить (физически) казачье население голодом, намеренно вызван-

ным (сначала бесжалостным ограблением и непомерными хлебными налогами, теперь — отобрианием, т. е. тем же грабежом, у хозяйственнов обессиленных казаков не только в сего хлеба, но и всего живого и мертвого инвентаря для передачи его в колхозы главным образом пришлого (колонизационного!) элемента — под предлогом коллективизации, т. е. социализации сельского хозяйства).

По сообщению того же документа (а мы это знаем и непосредственно из „М“), на „вымороченные“ казачьи земли решено переселять (уже переселяют!) крестьян из Курской и Воронежской губерний. Даже „Возр.“ называет это „колонизацией Кубани“.

— Да, колонизация! Россия, уничтожая Казачество, колонизует своими мужиками Казачьи Земли.

Мы, вольные казаки — казаки самостийники, казаки националисты — давно уже призываем казаков не закрывать глаза на действительность, не обманывать себя иллюзиями, а посмотреть правде в глаза, как бы ужасна и жестока она ни была, ибо только тогда можно серьезно ставить вопрос о действительном освобождении Казачества.

Полгода тому назад (см. „ВК“ от 10 февраля с. г.), обращаясь ко всем народам, мы писали:

„Ни для кого из нас не секрет, что нынешняя Московская власть... имеет план полной ликвидации Казачества — попросту его физического уничтожения. Чем бы такая большевицко-коммунистическая программа Красной Москвы ни прикрывалась, какие бы аргументы „классового“ или мотивы „социального строительства“ ею при этом не выдвигались, для нас все они не могут закрыть сути дела — самой главной побудительной причины, определяющей такую жестокую и поистине беспощадную политику и практику Москвы по отношению к Казачеству:

русскому мужику нужна казачья земля, а потому казаки могут и погибнуть. А если они гибнут не желают, то мы, русская советская власть в союзе с русским мужиком, „поможем“ им погибнуть. Так стоит вопрос по существу.“

Сейчас можем только с еще большей болью подтвердить, что план этот осуществляется весьма широко и дьявольски последовательно.

К сожалению, „русские казаки“ не хотят смотреть этой правде в глаза, предпочитая страусовую политику отделения действий нынешней русской власти от интересов русского мужика, жадного, как писали недавно в „Молоте“, на хорошую пшеничную землю... Даже и теперь вот идущие оттуда вести о людоедстве или им же в руки предоставляемые страшные „документы иностранного происхождения“ ничему их не учат.

Действительно, судя по отчету, помещенному в „Возр.“ З сего июля, А. П. Марков начал с того, что „хотел бы, чтобы доклад послужил к смягчению разномыслий между казаками“, а закончил призывом „помочь нашим братьям, свергнув угнетателей“. А председательствовавший на докладе ген. А. Богаевский „выступает против самостийников“ и „подчеркивает, что возглавляемый им Казачий Союз находится в

дружеских союзных сношениях с РОВС. Программой казаков попрежнему — бытье казачьих областей в составе России и непредрешенство вперед до возвращения в Россию“... Это и вся „положительная программа“ возглавителей „руssких казаков“.

— Что можно сказать против слишком всеобъемлющих фраз Маркова о желательности смягчения разномыслий среди казаков и о необходимости помочь нашим братьям свергнем угнетателей! Конечно, каждый казак мог бы подписать под такими призывами. Но этих фраз мало, ибо по существу они ничего реального не выражают, а потому и автора их или подписавшегося под ними ни к чему конкретному не обязывают.

Чтобы это доказать, стоит только спросить:

А что же делать после смягчения разногласий! Зачем смягчать эти разногласия: чтобы ничего не делать или чтобы что то делать?

Стоит ли смягчать разногласия для того, чтобы ничего не делать? Или: как же смягчать разногласия для того, чтобы что то делать, если они как раз и начинаются там и тогда, когда ставится вопрос: что и зачем делать?

И мы все время зовем к смягчению разногласий, и Марков зовет к смягчению разногласий. Но мы призываем к смягчению их для того, чтобы освободившиеся от взаимных препирательств силы направить на службу Казачеству, мы хотим примиренные между собою казачьи силы собрать под казачьими знаменами, а Марков хочет собирать их под русскими флагами для и во имя общерусского дела.

Или: что проще, казалось бы, лозунга: „долой угнетателей!“ И тем не менее, мы опять здесь расходимся с Марковыми. Марковы призывают к свержению угнетателей одних и к предоставлению казачьих сил в распоряжение угнетателей других. Мы тоже провозглашаем „долой угнетателей!“, но мы, для ясности, продолжаем: и вперед никаких уже угнетателей...

Может быть нам скажут, что мы искусственно создаем это различие. — Нет! Различие это не искусственное и, по существу, не малое. И дело, ведь, идет не о словесном только решении некоторой формулы, а о решении, которое влечет за собою весьма существенные практические последствия, речь идет о казачьей освободительной программе, о конечных целях борьбы, о наших противниках и о наших союзниках, о практической работе сейчас и о конкретной борьбе (о ее смысле) в будущем... Разные политические программы, разные конечные цели борьбы — влекут за собою и разные программы действий, по разному определяют противников и союзников, предопределяют тактику и практическую работу на сегодня...

Да и искренны ли самые призывы о смягчении казачьих разногласий в устах лидеров „руssких казаков“, когда они сами одновременно демонстрируют свои собственные разногласия: один (Марков) зовет к смягчению разногласий, а другой (Богаевский) „выступает против само-

стийников", т. е. зовет к обострению этих разногласий. На этом фоне, конечно, фальшью звучат призывы о смягчении разногласий. Пустозвонные это фразы без определенного содержания. К следующему выступлению проповедников порабощения Казачества мы можем им только посоветывать предварительно говориться между собою и смягчить свои собственные разногласия.

В выступлении г. Богаевского нет ничего нового. На „аргументацию“ г. Богаевского мы отвечали уже неоднократно и нет никакой надобности повторяться здесь на ту же тему еще раз. Следует, может быть, отметить только особое подчеркивание близости к РОВС, что вполне согласуется и с той проповедью, какую ведут на страницах „К. Казак“ ген. Науменко и г. Соламахин.

Повторяем, не будем спорить на этот раз с г. Богаевским, а предположим, что „непредрешенческая“ программа Богаевского осуществляется.

Что бы это значило? Что значит, прежде всего, „непредрешенчество“? — Это значит, что Богаевский подчиняет казачьи интересы интересам русским, решение казачьего вопроса передает на усмотрение русского народа или русской власти.

Поставь, теперь, читатель, этот вопрос перед собою во всей его полноте и попробуй найти на него правдивый ответ (сам Богаевский, как и все „непредрешенцы“, ответа на него не дает никакого).

В самом деле:

Как решит казачий вопрос русский народ?

Или: как может он решить его? Что могут ждать казаки в будущем от России Богаевского или вообще всякой небольшевицкой России? (Как решает казачий вопрос Россия большевицкая, что делает она с казаками, это все мы видим сейчас: постепенно истребляет казаков и передает казачьи земли русским мужикам).

Чтобы ответить на вопрос, как будет решать будущая Россия казачий вопрос, надо представить себе хоть немного то положение, в каком будет находиться Россия у себя дома и в Казачьих Землях в момент перехода от России большевицкой к России послебольшевицкой.

Сейчас Сов. Россия усиленно колонизует Казачьи Земли русскими крестьянами. Умышленным истреблением казачьего населения и одновременными переселениями русских мужиков $\%$ казаков в Казачьих Землях постепенно уменьшается, а $\%$ русских увеличивается. Земли же из казачьих рук переходят в руки русских (братьев Богаевского, Науменко и иже с ними!). Эти проценты будут тем невыгоднее для Казачества, чем дольше протянутся нынешняя Московско-советская оккупация Казачьих Земель.

Что будет в самой России? — Если прислушаемся к голосам самих русских, увидим,

что растет русский национализм там и здесь, а русский национализм русские слишком часто отожествляют с русским империализмом...

Возможно, что когда Богаевский говорит о воле русского народа, он имеет в виду волю будущей русской власти. — Какова же может быть власть после большевиков в России и что могут ждать от нее казаки? — Рассмотрим все возможные случаи.

Итак: какова же возможна новая власть в России? —

Возможно (больше теоретически), что нынешняя сов. власть постепенно эволюционирует к более культурным способам управления. Возможен приход монархии: абсолютной (самодержавной), или ограниченной (конституционной). Возможна „новая“ республика.

Иного решения нет. Возможна только меньшая или большая степень демократизации или олигархии (правления немногих) во всех намеченных случаях.

К этому надо принять еще в соображение и то почти общее всем русским ныне настроение, согласно которому они, принадлежащие к разным политическим группировкам, сходятся, в большинстве, на том, что большевицкую диктатуру должна сменить (хотя временно) другая диктатура — национальная!

В задачи каждой новой власти войдет: ликвидация большевицкого наследства и перестройка государства в областях: политической, социальной и хозяйственной. Для этого потребуется огромное напряжение всех сил страны — духовных и материальных.

Мы можем только напомнить здесь то, что уже не раз говорили, — что платежи по русской революции, расплата за русско-большевицкие опыты будет стоить может быть больше, чем сами опыты. — Кто будет покрывать эти новые платежи?

Теперь еще легче представить себе, чего в таких условиях может ждать Казачество от новой русской власти (если бы сбылись желания „русских казаков“).

Хотя г. Богаевский и выдает себя за „непредрешенца“, но по его совсем не скрываемым симпатиям к прошлому („Если мы вспомним, что было лет двадцать тому назад в России, — то едва ли окажется среди нас человек, который отказался бы от той формы правления“. См. „В“ от 3 июля) легко составить себе представление о том, чего хотел бы сам Богаевский — возвращения к прошлому! — Желание совершенно безнадежное.

Мы не понимаем только одного: или Богаевский действительно сам так „наивен“, что не понимает всего происходящего, или играет на наивности других. — Нельзя не считаться с тем, что происходит. При всех наших построениях надо брать обстановку такой, какова она есть в действительности. А в действительности есть уже пятнадцать лет большевицко-комму-

нистических опытов; большевики совершили разрушение старые и создали новые условия жизни в области политической, социальной и экономической; выросли новые люди, которые старого совсем не знают, эти люди имеют новую психологию, новое мировоззрение, и они, как раз, и будут править или это на них собирается опереться будущая новая власть...

— Предположим теперь, что в России будет монархия. Возьмем крайний случай — монархия абсолютная (самодержавие).

Вряд ли кто будет спорить сейчас, что такой монарх (даже самодержавный) сядет на трон „Божию милостью“ (не упадет же он с неба!). Согласие народа потребуется!

Представим себе теперь положение этого монарха на своем троне и представим возможное решение им казачьего вопроса. — Так или иначе, придет ли такой монарх к власти волею народа или против воли народа, но если он будет умным и захочет царствовать долго, то царствовать он будет в угоду большинства своего народа, т. е. будет стараться считаться с волей прежде всего русского (великорусского) народа. Ибо большинство — все равно, абсолютное или относительное — будет принадлежать в будущей России Великороссии. Против воли Великороссии не усидит на троне в Москве никакой царь.

Захочет ли такой царь ссориться с русским народом из-за казаков, из-за „казачьего сословия“ — выселит ли он русских мужиков с Кубани обратно в Курскую и Воронежскую губернии? отберет ли у них казачью землю и передаст ли ее казакам? Даст ли он хотя наименьшие права на казачье самоуправление, которых не имел бы русский в России? — Нет.

На что же и на кого надеются „русские казаки“ монархисты?

Положим, что будущий русский царь придет к власти против воли большинства с помощью активного меньшинства (не только казачьи, но и русские монархисты такую роль меньшинства хотели бы возложить именно на казаков). Предположим далее, что этот царь — умный. Тогда постепенно он все же будет стараться приобрести симпатии и поддержку большинства (к невыгоде, конечно, помогшего ему меньшинству). Если же он все время захочет править против воли большинства, — долго ли он усидит на троне и что потом сделает огромное большинство с противным ему меньшинством? — И сейчас, ведь, большевики, при уничтожении Казачества, приобретают симпатии русского народа, „вспоминая“ 1905 и 1919 годы...

Вот почему мы утверждаем, что „русские казаки“ монархисты готовят казакам окончательное физическое истребление.

Но пусть в России будет в будущем монархия ограниченная, конституционная (парламентарная или иная какая). — Что же, такой монарх, не только считающийся, но и прямо связанный волею большинства своего народа, он — выселит русских мужиков из Казачьих Краев и

даст хоть куцую автономию казакам? — Нет. И такой царь не пойдет против воли большинства. А сам русский мужик добровольно, конечно, не уйдет с казачьей земли...

Итак, всякий русский царь, даже если он использует в свое время казаков в качестве своей полиции и жандармерии, не пойдет из-за казаков против воли русского народа и, в самом благоприятном случае, уравняет русских казаков с русскими крестьянами.

— Что может дать Казачеству русская республика? — Не больше, чем монархия.

Россия никогда не признает Казачество особым народом, а волею большинства в своих представительных собраниях „на точном основании законов и идей демократии“ ликвидирует Казачество, как остатки некогда „сословного строя“ русского государства. А если бы казаки заговорили при республике о своих правах, то русское большинство только напомнит им о том, что казаки сами были когда-то проповедниками народоправства и демократии, т. е. правления согласно воле большинства.

Не следует строить казакам иллюзий и относительно Российской Федерации. Среди казаков, правда, есть и сейчас еще некоторые сторонники федерации, пробующие говорить иногда и защищать и за Казачьими Землями право на отдельные штаты в составе будущей Российской Федерации, но среди русских, даже признающих федеративный принцип устройства будущей России, нет таких, которые бы признавали право на федерацию, т. е. на отдельные штаты в Р. Федерации, за Казачьими Землями.

— Таковы перспективы казачьей судьбы в составе России будущего.

Или мы не предусмотрели всех возможностей? — тогда пусть г.г. Богаевские не лепечут общих фраз, никого и ни к чему не обязывающих, а пусть конкретно представлят свою программу решения казачьего вопроса в составе их России.

— Или, может быть, ктонибудь из „русских казаков“ возлагает надежды на ту „переходную“ диктатуру, которая в их представлении сменит диктатуру большевицкую? — Если эта диктатура (лица или партии) будет опираться на волю русского народа, то казаки ему (ей) не будут так уж нужны, чтобы из-за них он (она) захотел рисковать отношением к себе русского народа. А если то была бы диктатура против русского народа, то только безумцы или злые враги Казачества могут звать его на поддержку такой авантюры.

Итак, не только настоящая, но и никакая будущая Россия не несет Казачеству ни спасения, ни даже его сохранения.

Казакам следовало бы давно потребовать от „русских казаков“, зовущих Казачество в „новую“ Россию, дать конкретную и ясную положительную программу взамен неопределенных общих фраз. Тогда и самые ярые руссофилы увидели бы, что у вождей „русских казаков за общими фразами кроется очередной истори-

ческий обман Казачества. И не нужно быть никаким пророком, чтобы утверждать, что Богаевские и Науменки готовят казакам еще большее разочарование, чем было разочарование у них в 1919—1920 годах в деле Добрармии. — Мы не допускаем мысли, чтобы казаки были такими политическими слепцами, чтобы захотели повторить еще раз однажды (и притом недавно) проделанный (так печально окончившийся!) опыт сотрудничества одних — с русскими "белыми" силами, других — с русскими красными.

Казакам раз навсегда надо решить один вопрос: надо или не надо стремиться к сохранению Казачества как Казачества, к его развитию, к обеспечению его самостоятельной исторической жизни? — Если не надо, тогда все становится ясным, тогда никакой борьбы, тогда все — русские, тогда — одно государство и никаких иных разговоров. Если же Казачество, как Казачество, умирать не хочет, тогда надо делать из этого и все соответствующие выводы, тогда надо признать и то, что Казачество сохранится, может жить своей собственной исторической жизнью только в своем собственном самостоятельном государстве. Вольное Казачество и стоит на этой второй точке зрения.

Для тех казаков, которые имеют глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, — для тех весь смысл призывов "русских казаков" или их

патронов к смягчению разногласий и обединению совершенно ясен. Смысл этот таков: "нижние чины" — ваши (т. е. казаки), а командиры — наши (т. е. русские); вы, казаки, будете бороться, а мы, русские, будем спорожаться; мы будем вести вас, а вы будете идти за нами...

И еще один вопрос „русским казакам“: помогут ли казакам русские в борьбе с большевиками? — Нет. Русские сами еще ничего не сделали для освобождения России от большевиков. Даже Богаевский и Марков никогда не баловали казаков такими обещаниями. Они, ведь, работают прежде всего для того, чтобы казаки, отвергнув самостийную казачью программу, помогли русским повторить еще раз дело Деникина-Врангеля.

— Нет, не „русские казаки“, сами не имеющие своей программы решения казачьего вопроса, выведут Казачество из настоящего тяжелого исторического положения. — Спасение Казачества только в осуществлении программы В. К!

Поэтому: не тратьте, братья казаки, своих сил на работе в чужих лагерях; смягчайте разномыслие и идите в свой казачий лагерь делать свое казачье дело. Только в казачьем лагере можно работать действительно над освобождением Казачества, только в казачьем лагере можно ковать счастье казачье и строить казачье историческое будущее.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть I.

(Годы 1917-18).

(Продолжение).

Для характеристики состояния частей Добровольческой армии и настроений добровольческого рядового офицерства во второй половине октября 1918 г. приведем здесь следующую выдержку из книги Деникина "Очерки русской смуты" (т. III, стр. 232):

"18-го октября в одной из хат станицы Рождественской собралось офицерство 3-й (Дроздовского), от части 2-й (Боровского) дивизий; я ожидал, что после перенесенных безмерно тяжелых боев и ставропольской неудачи увижу хоть тень моральной усталости и разочарования... И был глубоко обрадован их настроением. Они жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшее ведение борьбы. Я видел части сильно поредевые, истомленные, полуобморозшие, в отрапаной легкой одежде — зимняя стужа наступила в этом году рано — и тем не менее готовые к новым боям..."

А Деникин в это время, очевидно „для улучшения общего положения“, вел упорную борьбу с кубанцами, пользуясь услугами помешанных на любви к „единой и неделимой России“ кубанских политиков; на Черноморском побережье уже вел войну с Грузией; всячески третировал своего конкурента, Донского атамана Краснова; через Лукомских, Соколовых, Харламовых, Скобцовских, Сушковых, Филимоновых и им подобных, старался сбить с толку, деморализовать и „обезвредить“ кубанских самостийников, указавших своему народу

правильные пути спасения от нашествия армий красной Москвы. Описывая сентябрьские и октябрьские бои, Деникин называет их „безмерно тяжелыми“, он говорит, что „сентябрьские бои обескровили нас и противника“, он сам не раз указывает на отсутствие резервов у него... И это в то время, когда кубанское казачество поголовно восстало и дало в армию десятки тысяч действительно доблестных бойцов; это и то время, когда восстал Терек и разорвал сообщения кубанской группы большевиков с XII большевицкой армией, действовавшей на Тереке; это в то время, когда операции кубанцев и добровольцев на Северном Кавказе были надежно прикрыты Донской армией с севера, от большевицкой базы — от Москвы, где имелись колоссальные запасы людского боевого материала и многочисленные огромные склады вооружения царской России, где имелись хорошо оборудованные военные заводы, где людская масса воодушевлялась на борьбу с Югом ради получения отсиюда, с Юга, „даровых“ продуктов питания населению Москвы, где людская масса воодушевлялась на борьбу идеями русской мировой революции, где десятки тысяч русского офицерства старой армии, по тем или иным мотивам и причинам, горячо взялись за организацию большевицкой армии; и это в то время, когда на Кубани и Ставрополе пришлоось иметь дело, главным образом, с иногородней массой населения, давшей на Кубани пополнения для большевиков и отдельную Таманскую армию, в Ставропольшине — ополчения весною и летом и две Ставрополь-

ских дивизии в сентябре месяце и пополнения в октябре месяце; и это в то время, когда среди большевицких руководителей военной и гражданской жизни на Кубани и на всем Северном Кавказе происходила почти беспрерывная внутренняя борьба: в марте-апреле месяцах между начальником гарнизона города Екатеринодара Золотаревым и исполнительным комитетом, закончившаяся расстрелом Золотарева и его ближайших помощников — Дьяченка, Симоненка и Редутова (Ладоха, стр. 115); в апреле и мае месяцах жестокая и открытая борьба между главнокомандующим армией Кубано-Черноморской советской республики Автономовым и областным центром, исп. комитетом советов, между чрезвычайным штабом обороны и Автономовым, в сентябре-октябре месяцах — между Сорокиным и центр. испол. комитетом северо-кавк. сов. респ., между Сорокиным и ревоенсоветом, закончившаяся расстрелом пяти, наиболее видных, членов комитета и убийством самого Сорокина в Ставропольской тюрьме... Этот последний конфликт разыгрался именно в то время, когда большевики приступили к выполнению двух задач — соединения кубанской группы большевицких войск с XI армией на Маныче и с XII на Тереке.

Разбирая сентябрьские и октябрьские операции на фронте Маныч-Ставрополь-Армавир-Невиномысская-Лаба, Деникин говорит:

„К концу сентября относится также перемена на стратегического плана большевицкого командования: было решено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабе и у Армавира, отступить на юго-восток, в общем направлении на Невиномысскую. Признаки одхода колонн и обоза мы замечали еще в 20-х числах сентября“ (Деникин, т. III, стр. 190).

Как мы уже видели большевики успешно выполнили этот план в первой его фазе: организовав в северной и северо-восточной части Ставропольской губернии 1-ю и 2-ю Ставропольские дивизии, они повели наступление на Торговую, в разрез соединения Дона и Кубани, на запад — в сторону Тихорецкой и на юг — в сторону Ставрополя, и принудили Деникина и донское командование направить в этот район значительные военные силы — кубанскую дивизию Улагая, сводный кубанский отряд генерала Станкевича, бригаду донцов и кубано-добровольческую 2-ю дивизию (Боровского). Бои с 1-й и 2-й Ставропольскими дивизиями и отрядом Рыльского начались с половины сентября месяца, достигли наибольшего напряжения 6-14 октября и закончились успешно для нас.

Оттянув силы кубанцев и приковав внимание Деникина на север Ставропольской губернии, большевики вывели Таманскую армию из Армавирского района в Невиномысский и 10-го октября повели наступление на Ставрополь. Выбив из этого района группу войск Дроздовского, 13-14 октября большевики заняли Ставрополь. 14-го же октября главнокомандующий Сорокин произвел переворот в Пятигорске, расстреляв 5 членов центр. к-та. Пока большевики ликвидировали это выступление Сорокина: созывали съезд в Невиномысской, ловили Сорокина и его единомышленников и помощников, естественно, их войска потеряли общее руководство, наступательные их операции временно прекратились. Цитированный нами уже Ладоха по этому поводу пишет:

„Вызванное Сорокинским выступлением фактическое отсутствие в течении нескольких дней командования гибельно отразилось на судьбе проводившейся операции. После взятия Ставрополя Таманская армия, ввиду отсутствия распоряжений, оставалась на месте, отражая попытки противника взять Ставрополь обратно.“

Белогвардейцы использовали этот момент. Они бросили через Невиномысскую в тыл Таманской армии массу конницы. Таманская армия оказалась окруженней тесным кольцом противника“.

Мы уже знаем, что эти, как говорит Ладоха, „массы конницы“ составляли Кубанские казаки дивизии Покровского, дивизии Врангеля и отряды Шкуро, успеш-

но ликвидировавшие большевицкие отряды между Лабой и Кубанью в весьма тяжелых боях 10-23 октября.

Началась ликвидация Таманской армии большевиков, остановившейся в Ставрополе и, после захвата кубанцами Невиномысской, охваченной уже с трех сторон — с юга, с запада и с севера.

В то время, когда кубанцы успешно ликвидировали большевицкие войска на линии железной дороги Армавир-Невиномысская-Курсавка, Деникин приказал 2-й дивизии Боровского и 2-й Кубанской дивизии Улагая прекратить операции против большевиков в северной части Ставропольской губернии и спешно направиться к Ставрополю на помощь разбитому таманцами Дроздовскому. К 18 октября эти дивизии подошли к Ставрополю с севера и с северо-запада и, вместе с дивизией Дроздовского, заняли фронт Дубовка-село-Пелагиада-Ново-Марьевка, в 13-20 верстах от Ставрополя. Во все эти дивизии были направлены усиленные пополнения с Кубани.

Деникин приказал этой группе войск, об'единенной под командов. Боровского, выбить Таманскую армию из Ставрополя. По поводу этих операций у Деникина читаем следующее:

„Первые успехи на Урупе (Кубанская дивизия Врангеля) и под Невиномысской (кубанцы Покровского) вызвали большой под'ем в нашей Ставропольской группе, несколько отдохнувшей и пополненной.“

22-го ген. Боровский перешел в наступление по всему фронту. 2-я и 3-я дивизии направлены были на Ставрополь с севера по обеим сторонам железной дороги, 2-я Кубанская дивизия — через Надежденскую с востока. В первый же день Боровский имел некоторый успех: пластины (кубанские) заняли Сенгелеевскую, Улагай — Надежденскую, а 2-я и 3-я дивизии (Дроздовского и Боровского), хотя с тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23 бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья...

Далее войскам Боровского продвинуться оказалось не под силу. 24-го противник сам переходил многократно в контр-атаки, особенно настойчивые на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка; обе стороны понесли тяжелые потери и наше наступление захлебнулось“ (Деникин, т. III, стр. 230-237).

Эти жестокие бои 22-25 октября целых трех Кубано-добровольческих дивизий с одной только, сравнительно незначительной и руководимой кубанским ино-городним обер-офицером Ковтюхом, группой большевицких войск были весьма показательны. Занимая большой город, окруженная с трех сторон нашими войсками, эта большевицкая группа разбила все надежды Деникина овладеть Ставрополем при помощи только трех дивизий: „Наступление наше захлебнулось“, пишет он.

Тогда Деникин послал в Екатеринодар просьбу-требование отсрочить открытие Кубанской Краевой Рады, назначенное на 24 октября. В этом домогательстве ему было отказано. По этому поводу в книжке К. Н. Соколова „Правление Деникина“ читаем следующее замечание:

„Главнокомандующий телеграммой со ставропольского фронта попросил отложить первое заседание еще на несколько дней, чтобы дать ему возможность лично присутствовать на открытии сессии; это вызвало в кубанских „сферах“ крайнее возбуждение. Вопрос страстно обсуждался в правительстве и в совещании членов Законодательной Рады. Кубанские „самостийники“ мобилизовались и резко обрушились на Главное Командование, обвиняя его чуть ли не в саботаже. Атаман Филимонов самоотверженно полемизировал с ними“.

Дело в том, что много кубанских офицеров, дравшихся на фронте с большевиками, были избраны станицами в состав членов Рады; были и рядовые казаки в армии, тоже избранные в Раду. Эти кубанцы лично видели все операции войск, об'единенных под юма

ванием Деникина, они из непосредственных наблюдений знали и значение добровольцев и значение кубанцев в боевых операциях; видели также, что задержка операций у Ставрополя, занятого кубанцами еще 8-го июля, задержка операций у Армавира и у Невиномысской об'ясняется не только храбростью большевицких войск, но главным образом, неумением Деникина и его штаба руководить военными операциями, они воочию видели, что в управлении военными операциями наших армий царит полный хаос...

Ведь теперь, за границей уже, Деникин признается, что общее отступление большевиков с Кубани началось с 20-х чисел сентября месяца и приводит факты, доказывающие справедливость этого его утверждения... Что же делает Деникин во время полного раз渲ала и дезорганизации в военном и гражданском управлении у большевиков?

Он спокойно наблюдает отход большевицких войск от Армавира к Невиномысской, сосредоточение их там для похода на Ставрополь. Он отдает Ставрополь большевикам... Кубанские войска громили большевиков под Торговой, Белой Глиной, под Тихорецкой, под Кореновской-Выселками, под Тимошевской и Екатеринодаром, а ведь, силы большевицких войск Сорокина, Кальнина и группы у Маныча в июне месяце 1918 г. сам Деникин определял в 80—100 тысяч, тогда как Кубано-добровольческий отряд насчитывал тогда восемь с половиною девять тысяч человек!

Почему такие огромные силы большевиков мог громить сравнительно небольшой отряд Кубано-добровольцев, а в сентябре-октябре месяцах вся восставшая Кубань, давшая в армию только по мобилизации 10 призывных возрастов (более 70 тысяч прекрасных бойцов), затруднялась разгромить почти равные большевицкие силы, упавшие духом, отрезанные от базы снабжения — Царицына. Многие кубанцы обвиняли тогда Деникина в простом, но преступном саботаже военных операций, чтобы держать Кубань под постоянной угрозой нового большевицкого нашествия и этим заставить население ее быть говорчивым с добровольческим командованием.

Расстояние от Мечетинской до Торговой через Тихорецкую до Екатеринодара, равное по прямой линии 320-350 верстам, армия прошла за время с 10-го июня до 2-го августа, или за 53 дня, очистив за это время большую половину Кубани. Ведь сам Деникин немедленно после занятия Екатеринодара 2-го августа писал Кубанскому Атаману: „Трудами и кровью воинов Добровольческой армии освобождена почти вся Кубань“... Важно здесь не то, что вождь русских писал открытую и наглую неправду об освобождении Кубани Добровольческой армией, когда в действительности роль добровольцев при освобождении Кубани была весьма и весьма скромной; важно то, что уже в начале августа, по признанию Деникина, была освобождена „почти вся Кубань“. К началу сентября большевицкие разрозненные силы были зажаты между Лабой и Кубанью, а со стороны гор были отрезаны восставшими казаками горной части Кубани. И на их ликвидацию ушло полтора месяца, хотя расстояние от Армавира до Невиномысской равно, приблизительно, 80-90 верстам и большевицкие армии в сентябре-октябре месяцах не были сильнее большевицких сил в июне-июле месяцах, а силы Кубано-добровольческих войск, даже согласно данным Деникина, возросли с 8—9 тысяч в июне месяце до 35—40 тысяч в начале сентября месяца, не считая войск Шкуро и других кубанских отрядов. Причем на стороне освободителей Кубани было безусловное моральное превосходство, превосходство духа войск в сравнении с деморализацией и внутренними переворотами и казнями, охватившими большевицкие войска.

Над основательностью или неосновательностью обвинений Деникина в умышленном ведении военных операций так, чтобы большевицкие армии висели над Кубанью во время работ Кубанской Краевой Рады, мы далее останавливаться не будем. Мы только констатируем, что такое обвинение Деникина и его штаба в саботаже боевых операций предъявлялось и предъявляется кубанскими самостийниками. Соголов правильно констатирует факт, что самостийники „резко обрушились на

Главное Командование“, фактам есть и то, что Филимонов „самоотверженно полемизировал с ними“.

Деникин хотел появиться в Раде в роли победителя над таманцами под Ставрополем. Этого он хотел достичь, приказав наступать на этот город трем вышеупомянутым дивизиям — Боровского, Дроздовского и Улагая.

24 открывались заседания Кубанской Краевой Рады, а наступление на Ставрополь началось 22 октября,

„23 октября бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительно атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья“, пишет Деникин. „Я с ген. Романовским и несколькими офицерами штаба, следя с 2-м Офицерским полком, вошли в монастырь несколько преждевременно: попали под контр-атаку противника, вскоре, впрочем, отраженную“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

К моменту открытия Кубанской Рады Деникин не смог победоносно войти в Ставрополь со 2-м Офицерским полком и на другой день выступить перед Радой в роли победителя. Офицерский полк, конечно, „случайно“ должен был войти в Ставрополь первым, а за ним и дивизия Дроздовского.

Большевики-таманцы расстроили этот план Деникина. Он немедленно послал телеграмму в Екатеринодар об отсрочке заседания Рады, а его верный слуга, Филимонов, „самоотверженно“ проводил в жизнь план Деникина. Каждый исполнял свою роль.

Что же сделал Деникин, чтобы все таки представить паред Радой в роли победителя под Ставрополем над остатками Таманской армии?

„Так как к тому времени, пишет Деникин, левобережные дивизии закончили свою операцию (Врангель, Казанович и Покровский), я получил возможность в се с и лы Добровольческой армии направить против Ставрополя.

Ген. Боровскому на северном Ставропольском фронте приказано было временно перейти к обороне; ген. Врангелью, очищая попутно правый берег Кубани в сторону Убеженской и Николаевской, сосредоточиться в Сенгилеевской для атаки Ставрополя с запада; Казановичу — наступать через гору Недремянную и Татарку с юга; Покровскому, совместно с Партизанской дивизией Шкуро, через Темнолесскую — юго-востока; для удержания Невиномысской остался отряд ген. Геймана — пластунские батальоны I-й и I-й Кубанской дивизии, а ополчения Баталпашинского отдела должны были обеспечивать операцию со стороны Минераловодской группы противника... В течение четырех дней большевики вели упорные атаки на всем фронте Боровского... В то же время 2-я советская Ставропольская дивизия, воспользовавшись ослаблением заслона Станкевича, с 17-го окт. перешла в наступление и к 24-му отбросила его от Большой Джаглы к Тихвинскуму, где он и сдерживал в дальнейшем противника“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

К 29 октября город Ставрополь был окружён железным кольцом наших войск буквально со всех сторон, так как Деникин стянул сюда дивизии Дроздовского Боровского, Улагая, Покровского, Шкуро, Казановича и Врангеля.

„Большевицкое командование решило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го советские войска крупными силами обрушились на весь фронт ген. Боровского и отбросили 3-ю дивизию (Дроздовского), понесшую вновь громадные потери, версты на две от ее позиций. На прочих участках многократные атаки противника успеха не имели... На рассвете 31-го октября большевики вновь атаковали на севере фронт группы Боровского, на юго-востоке конницу Покровского. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й (Дроздовского) и 3-й (Боровского) дивизий не выдержали и, опрокинутые и преследуемые противником, спешно уходили на северо-запад, остановившись только на высоте селения Пелагиады (верстах в 20-и от Ставрополя). Конница Улагая отошла к

Дубовке. Части Покровского были также несколько потеснены. Отбиваясь от наступающих большевиков с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контр-атаки, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен...

Так Деникин описывает разгром большевиками войск 2-ой и 3-й дивизий, в которых были и добровольческие полки.

Видя это, „Врангель... с 4-мя полками кубанцев, свернув на Новомарьевку, ударили в тыл наступавшей там левой колонне противника и, отбросив их к северо-востоку, занял вновь монастырь и предместье Ставрополя оставленное дроздовцами...“ (Деникин, там же).

Большевики вырвались из кольца.

1-го ноября кубанская конная буирада ген. Бабиева захватила ставропольский вокзал и только 2-го ноября кубанцы заняли Ставрополь окончательно. Далее Деникин пишет следующее:

„... Четыре дня еще шли бои возле Ставрополя и только 7-го, путем полного напряжения сил... войска противника были окружены, разбиты на голову и обратились в паническое бегство“.

Ликвидацию остатков Таманской армии совершили кубанцы дивизии Врангеля и Улагая в районе Тугулук-Дубовка-Пелагиада. В это время 2-я Кубанская и 1-я Конная кубанская дивизии были соединены в Кубанский конный корпус под командой Врангеля. Этот корпус преследовал разбитых большевиков в направлении Петровского.

„10 ноября части корпуса одновременно овладели: 1-я Конная дивизия селом Константиновкой, 2-я Кубанская — селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но не могли остановить наше победоносное шествие. II-го ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги“ („Белое Дело“, т. V, стр. 92—96).

После тяжелых и весьма кровопролитных боев у Петровского 12—21 ноября кубанцы корпуса Врангеля разгромили здесь большевицкие войска, при чем было захвачено вновь 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. После этого большевики вновь перешли в весьма энергичное наступление на Петровское, но снова были разбиты на голову кубанцами, захватившими при этом 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запрятке. „В течение 4-х дней нами (кубанцами) взято 3500 пленных, 11 пушек, 70 пулеметов и большое число обозов. Я (Врангель) получил телеграмму главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством в генерал-лейтенанты“, пишет Врангель, командовавший тогда этим кубанским конным корпусом (Белое Дело, т. V, стр. 92—96). Этими военными операциями была окончательно разгромлена Таманская армия большевиков, отступившая на северо-восток от Ставрополя.

„Восточную группу красных, отходивших на Северо-Марьевское и Бешпагир, преследовали части Покровского (кубанцы) и Шкурко (кубанцы).“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

От Невиномысской вдоль линии Владикавказской дороги наступала кубанская пехота и кавалерия, обединенная под начальством генерала Ляхова (10.000 штыков и шашек, 30 орудий).

„Против наших частей находилась XI армия красных, общей численностью около 70.000 штыков и шашек при 80-100 орудиях, расположившихся в 4-х группах: против кубанцев генерала Станкевича, между озером Манычем и селом Овощи — 15.000; против кубанцев корпуса Врангеля — 10.000; против Казановича — 10.000, против генерала Ляхова — 20.000. В резерве в районе Кизляр-Моздок-Розовый — 12.000. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая-Великокняжеская. Важный для нас железнодорожный путь Торговая-Екатерино-

дар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд Станкевича был подчинен мне и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против Станкевича... К 1-му декабря поставленная корпузу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское-Винодельное-Кистинское (Врангель, Белое Дело, т. V, стр. 92—96).

Как мы уже знаем, кубанцы, при помощи донцов и добровольцев, в период времени с 10-го июня по 1-е июля, разгромили Манычскую группу большевиков, насчитывавшую в начале этих боев до 12 тысяч при 17 орудиях, разгромили 30-ти тысячную армию главнокомандующего Кальнина в районе Тихорецкой и 1-го июля заняли эту, когда-то неприступную, станцию; в первой половине июля месяца кубанцы значительно потрепали 30-35 тысячную армию Сорокина и принудили ее оставить южный Дон и постепенно отступить с потерями в район Тимошевки; во второй половине июля месяца кубанцы не только спасли дивизии Дроздовского и Казановича, 14-го июля направленные Деникином для взятия Екатеринодара, но кубанцы разбили большевицкие армии у Кореневской-Выселки, у Тимошевской, у Усть-Лабы и Екатеринодара и принудили дезорганизованные большевицкие силы постепенно отступить на левый берег Кубани, оставив Екатеринодар. В этом же июле месяце кубанцы Шкурко заняли Ставрополь и потом успешно отражали наступление большевицкой армии на этот город; за август месяц кубанцы очистили от большевицких войск всю юго-западную часть Кубани и Черноморскую губернию до Туапсе; вся тяжесть боев в сентябре и октябре месяцах по очищению юго-восточной Кубани от отчаянно драшившихся большевицких войск пала почти исключительно на кубанцев; за это время Дроздовский успел сдать большевикам 13-го сентября Армавир, а 14-го октября — Ставрополь; в это же время кубанцы разбили в начале октября в северной части Ставропольской губернии две дивизии большевиков — 1-ую и 2-ую Ставропольские; все усилия Деникина ко дню открытия Кубанской Крайской рады (24-го октября) захватить Ставрополь войсками Боровского-Дроздовского-Улагая не имели успеха и потребовалось полное окружение Ставрополя 7-ю дивизиями, чтобы выбить большевиков из этого города. Причем, дивизии Дроздовского Боровского были разбиты большевиками, прорвавшими окружение Ставрополя на фронте этих дивизий. И снова, как было это под Кореневкой в июле месяце, разбитые дивизии спасают кубанцы; кубанцы же во многих боях на северо-восток от Ставрополя снова разгромили большевицкие войска в ноябре месяце... О весьма и весьма тяжелых потерях дивизий Дроздовского и Боровского свидетельствуют следующие слова Деникина.

„Основные части Добровольческой армии во второй раз, казалось, гибли. 2-ю и 3-ю дивизии, некоторые пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения...“ (Деникин, т. III, стр. 230—237).

До взятия Ставрополя прошел ровно год с начала организации Добровольческой армии. И что же мы видим? Все усилия добровольческих генералов и вообще русских людей дали, в общем, весьма печальные результаты. Несомненно большинство русских генералов и русских офицеров вообще, по тем или иным мотивам и причинам, с весны 1918 г. деятельно взялось за организацию русской красной армии. Добровольческое противобольшевицкое движение не собрало вокруг себя сколько-нибудь значительных сил русских людей в сравнении с поставленными задачами — вырвать власть во всей бывшей России из рук русских большевиков и реставрировать старую Россию.

Донской Атаман Краснов и при личном свидании с генералом Деникиным 15 мая 1918 г. и в письмах многократно настаивал на том, чтобы Добровольческая армия шла к Царицыну и потом за Волгу или на север Дона. Ген. Деникин в опубликованных им за границей „Очерках Русской Смуты“ не раз говорит о том, что будто-бы и верховный руководитель Добровольческой армии, генерал Алексеев, настойчиво поддержал

мысль о походе на Волгу. Однако, Добровольческая армия, как известно, туда не пошла. Почему? Добровольческие генералы хорошо знали о том, что запись новых русских добровольцев идет весьма и весьма тую. Деникин даже за границей с горечью и явным раздражением пишет о распоряжении Донского Атамана Краснова о переходе донцов из Добр. армии в Донскую, ибо это естественное и вполне понятное распоряжение „расстроило сильно некоторые наши части“, как поясняет Деникин. Много волнения в добровольческом командовании, как известно, вызвала и временная задержка на Дону отряда полк. Дроздовского...

Если об'ективно и подробно разобрать все военные операции Кубано-добровольческой армии с июня месяца до взятия 2-го ноября Ставрополя, разве не станет ясным не только отсутствие военных талантов у Деникина — руководителя этих операций, но и чрезвычайно слабые силы самих русских добровольцев. Деникин теперь пишет за границей о том, что он будто-бы не раз угрожал Кубанскому Правительству оставлением Кубани и уходом на Волгу. Мы не имеем подтверждения существования подобных „угроз“ со стороны Деникина. Может высказывать только сожаление о том, что Деникин не попробовал уйти в Россию. Если принять во внимание силы самих добровольцев, можно ли на одну минуту не сомневаться в исходе этого „ухода“. Что кубанские казаки не пошли бы с добровольцами, в этом не сомневался ни Деникин, ни Алексеев. В то же время уход добровольцев значительно облегчил бы ведение борьбы за освобождение Кубани. У кубанского казачества и горцев нашлись бы, как это было и на Дону, свои казачьи руководители, которые организовали бы, казаков на борьбу с большевиками.

Если вдумчиво и спокойно разобрать всю историю втягивания кубанцев под власть русских генералов, от русского народа убежавших на казачьи земли, и не только кубанцев, но и Казачества вообще, разве мы не увидим тут игры русских людей? Разве вся эта история с присылкой на Кубань Покровского и Эрдели, вся эта история низкого и подлого предательства Кубани Филимоновым, эта присылка на Кубань „донских сватов“ во главе с В. А. Харламовым, все эти угрозы переворотом на Кубани, это домагательство Деникина, чтобы „на Кубани не было сепаратизма“, вся эта закулисная игра с некоторыми кубанскими генералами и старшими офицерами и недопущение этих офицеров на высокие командные должности; вся эта спекуляция несуществующими в действительности силами русских добровольцев, что вот, мол, Добровольческая армия успешно наступает, доблестно бется, успешно освобождает и т. д. история введения в обман населения и иностранцев несуществующими успехами русских добровольческих армий — все это разве достойно честных народных вождей, поставивших себе высокие цели — освобождения Родины от большевицкого насилия?...

Действительно, с беззаветной храбростью дрались с большевиками русские офицеры — Корниловы, Марковы, Дроздовские, Неженцевы, но бездарная политика Деникиных в гражданском и военном управлении губила не только дело национальностей, желавших вырваться из русской тюрьмы, но губила одновременно и русское белое дело!

Деникин не брезгал никакими средствами! Не удовлетворяясь услугами Кубанского Атамана Филимонова и „донских сватов“, добровольческое командование постепенно перетягивало на свою сторону других кубанских полковников и генералов. Укажем только на некоторые факты, которыми пестрит история взаимоотношения Кубани и этого командования. На Кубанской Краевой Раде, собравшейся в Екатеринодаре 24-го октября 1918-го г. среди представителей Добровольческой армии кубанцы с удивлением увидели бывшего начальника полевого штаба Кубанской армии, генерала Науменко. Этот кубанский офицер окончил среднюю школу, окончил военное училище и Академию генерального штаба, он видел или должен был видеть, чего хотят и за что кровь проливают кубанские казаки; он видел также какими методами и к чему идет добровольческое командование, он должен был бы хорошо понимать, что это командование всеми мерами борется

против той линии государственного и общественного строительства, которую проводит население Кубани через Раду, — и при всех этих условиях Науменко согласился в Раде представлять Добровольческую армию, он взялся поддерживать политику, стремившуюся к построению единой, неделимой, монархической России. И это делалось в такое тяжелое для кубанского Казачества время!

Генерал Врангель в своих „Записках“ говорит следующее:

„Ставка (Добровольческое командование) усиленно выдвигала генерала Шкуро, рассчитывая, погодимому, использовать его для борьбы с самостоятельным казачьим течением“ (Врангель, Белое Дело, т. V).

Вместе с тем, тот же ген. Врангель дает следующую характеристику деятельности этого офицера еще на фронте мировой войны:

„Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большую частью болтался в тылу, пянистовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван“ (Врангель, там же).

Относительно деятельности ген. Шкуро в 1918 г. Врангель пишет следующее:

„На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки, как прибывшие, так проживавшие в тылу офицеры вели себя непозволительно распущенno, п'янистовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование „волчий“... Сплошь и рядом ночью после попойки, партизан Шкуро со своими „волками“ несся по улицам города, с песнями, с гиком и выстрелами... В войсковой гостинице, где мы стояли, происходил самый бесшабашный разгул... на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попоек закончилась трагично. Офицер-конвоенец застрелил офицера татарского дивизиона. Все эти безобразия происходили на глазах штаба главнокомандующего (Деникина), о них знал весь город и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат“... (Белое Дело, т. V).

Почему же Кубанский Атаман Филимонов и генерал Деникин позволяли в центре Кубани, во время заседаний Краевой Рады такое безобразное, разнузданное, порочащее честь Кубанского Войска и армии, чисто хулиганское поведение этих генералов? Почему ни Филимонов, ни Деникин своею властью не прекратили в корне этот преступный разгул?

Ответы на этот вопрос находим у Филимонова, Врангеля и Деникина. Филимонов пишет:

„Расправа с Радой намечалась еще в конце 1918... Ко мне приходил и генералы Покровский и Шкуро и предлагали при их содействии взять всю власть в свои руки“ („Архив русской революции“, т. V, ст. Филимонова, стр. 322).

У Врангеля читаем:

„Находившиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед переворотом“ (Белое Дело, т. V).

Деникин повествует:

„Генерал Романовский доложил мне (в ноябре месяце 1918 г.), что генерал Покровский и полковник Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимо-

нова, принять на себя всю полноту власти" (Деникин, т. IV, стр. 42-53).

При чем генерал Деникин изображает это дело так, как будто оно было для него неожиданностью, о которой он узнал случайно от начальника штаба Романовского. Генерал в своем повествовании и в этом случае, как и во многих других, расходится с истиной, ибо только с его разрешения могли прибыть с фронта, из-за Ставрополя, поездами со своими конвоями эти два кандидата в переворотчики.

Не случилось переворота на Кубани во время заседаний Кубанской Краевой Рады в октябре-декабре месяцах 1918 г. только потому, что председатель Кубанского правительства Л. Л. Быч, член правительства по военным делам, генерал Савицкий, и министр внутренних дел А. И. Кулаубухов приняли необходимые меры полицейского и военного характера, чтобы в корне подавить всякую попытку переворота. Об этом и сам Деникин, между прочим, рассказывает следующее:

„Я приказал начальнику штаба вызвать ген. Покровского и передать ему, что категорически воспрещаю выступление.

Кубанские правители считали, тем не менее, несомненным участие в предполагавшемся перевороте и Добровольческих частей. Позднее в мои руки попала „диспозиция на случай тревоги“, составленная кубанским комендантом Екатеринодара, полк. Ледовским, и кубанским „военным министром“ полк. Савицким. В ней указывалось подробно занятие городских кварталов „верными правительством“ кубанскими запасными частями, которым вменялось в обязанность встречать пулеметами всякую воинскую часть, показавшуюся на улицах города“ (Т. IV, стр. 42-53).

Известно, что, разыгравая историю запугивания и третирования Краевой Рады, генерал Шкуро, как представитель одной из станиц Баталпашинского отдела в Раде, выступил с речью в этой Раде и пробовал угрожать вмешательством фронтовых частей в работу Рады, если только последняя не будет поддерживать Деникина. На это ему, генералу Покровскому и их сторонникам председатель правительства Быч с трибуны Рады немедленно ответил: „Руки прочь!“. После этого переворотчики притихли. И только через год, при других уже обстоятельствах, они сделали то, что не смогли осуществить в ноябре 1918 г.

Открытие Кубанской Краевой Чрезвычайной Рады состоялось 24 октября. Казаки и горцы в Раде составляли 89%, а иногородние 11%, 25% членов Рады составляли кубанские офицеры, 15% иные интеллигенты, казачьи и неказачьи, и 60% рядовых казаков, горцев и иногородних. В первом же заседании Рада избрала своим председателем бывшего председателя Войсковой Рады, председателя Законодательной Рады, бывшей в походе, Н. С. Рябовола.

Н. С. Рябовол — казак станицы Динской, сын станичного писаря. Окончил Кубанское войсковое реальное училище, потом учился в Киевском политехническом институте. Принимал самое энергичное участие в постройке кубанскими станицами Черноморско-кубанской железной дороги и перед войной 1914 г. был председателем правления ее. Деникин такими словами характеризует Н. С. Рябовола: „украинофил, самостийник и явный недоброжелатель Добровольческой армии“.

На торжественном открытии заседаний Рады 1-го ноября выступил с большой речью командующий Добровольческой армией генерал Деникин. В этой речи, между прочим, он сказал следующее

... „Командование Добровольческой Армии взяло на себя за этот шаг (поход на Кубань с Дона в июне месяце 1918 г.) нравственную ответственность перед Родиной, глубоко веря, что на Кубани нет предателей, что, когда придет час освобождения, вольная Кубань не порвет связи с Добровольческой армией и пошлет своих сынов в рядах ее вглубь России, в смертном томлении жаждущей избавления...“

... Россия нужна сильная, могучая армия...

Не должно быть армий Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единой Русской армии, с единым фронтом, единственным командованием, облеченный полной мощью, и ответственным лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти... Нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть...

... Единение возможно и потому, что Добровольческая армия признает необходимость и теперь, и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства и крайне бережного отношения к вековому укладу казачьего быта...“ (Т. IV, стр. 42-53).

Добровольческое командование какой угодно ценой хотело похвалиться перед Радой победой под Ставрополем, оно не постыдилось подстроить все так, чтобы во время самой речи Деникина в Раде из штаба армии Деникину принесли телеграмму „о взятии Добровольческой армии“ города Ставрополя. Деникин „поделился“ этой вестью с Радой и получил, конечно, овации со стороны Рады. Как известно, Ставрополь был занят только 2-го ноября, а Деникин говорил в Раде 1-го ноября. Этот мелкий факт красноречив сам по себе без всяких комментариев.

Программа, начертанная Деникиным перед Радой, не была новой. Это самая шаблонная программа всех русских единодельцев.

Мы уже говорили о способах воздействия на общественное мнение, применяемых добровольческим командованием и русскими людьми, собравшимися вокруг него; говорили об умышленном замалчивании геройских подвигов кубанских казаков и горцев в освободительной войне; о прославлении подвигов добровольцев; о роли Кубанского Атамана Филимонова, кубанских офицеров В. Г. Науменка, А. Г. Шкуро и многих других, всегда поддерживавших добровольческое командование; говорили мы и о роли кубанцев Ф. С. Сушкича, Д. Е. Скобцова, П. М. Каплина и др., за кулисами пообещавших поддерживать русскую политику, проводимую русскими людьми, собравшимися вокруг Добр. армии; приводили мы также документальные данные и о роли „донских сватов“ во главе с председателем Донского Войскового Круга, В. А. Харламовым...

С моментом открытия Краевой Рады усилился настиск русских людей на общественное мнение Кубани и на членов Рады, в частности. Русские партии, русская пресса заработали во всю. Они всячески старались подорвать в глазах населения авторитет местных деятелей-самостийников, много писали и говорили о полной яко-бы дезорганизации и совершенном упадке национальных движений, на разные голоса восхваляли русское противобольшевицкое белое движение, говорили о его поразительных успехах; Деникин назывался спасителем России, другим Иваном Калиотовым; ежедневно писалось о повсеместных восстаниях против большевиков в самой России, о совершенно близком падении в Великороссии власти комиссаров, о близком возрождении великой, могучей белой России, которая не прости измены ей. По адресу самостийников писались и говорились открытые угрозы расправой. Тон всему этому задал сам Деникин в своей приветственной речи в Раде:

... „В последнее время идет широкая агитация, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогреваемая людьми, которые жадными руками тянутся к власти... хотят поселить рознь в рядах армии и особенно между казаками и добровольцами... Мне хочется сказать этим господам: Вы думаете, что опасность более не угрожает вашей драгоценной жизни. Наприсно... Не трогайте армию. Не играйте с огнем. Пока огонь в железных стенах, он греет. Но когда вырвется наружу, произойдет пожар. И кто знает, не на ваши ли головы обратятся расщепленные вами подгоревшие балки...“

Для усиления своей аргументации Деникин привел в Екатеринодар Корниловский полк и расположил его в самом центре города Екатеринодара и распорядился о приезде с фронта генералов Шкуро с „волками“ и

Покровского с его конвоем, хотя в это время в Ставропольских степях шли кровопролитные бои с большевицкими войсками и сам Деникин „оплакивал“ гибель кадров добровольцев...

Когда в Раде стал вопрос о Конституции Кубани, об отношении Кубани к соседям и к России, о кубанской армии, о задачах дальнейшей борьбы, русские люди, привыкшие за несколько столетий к господству над другими народами и землями, заволновались еще больше. А так как на Кубани в то время скопились в большом числе осколки классов и сословий, получавших прежде наибольшие выгоды от этого господства России над другими народами, тем более понятно их крайнее раздражение и ненависть против непослушных „казаков“ и против „доморощенных политиков“. Русские помещики, русские бюрократы, русские купцы, русские офицеры, в подавляющем своем большинстве, уклонялись от выхода на фронт, они очень охотно заполняли многочисленные тыловые добровольческие учреждения, заполняли рестораны и кафе тыловых городов, отдел пропаганды, редакции газеты, предоставляя „казачкам“ воевать с большевиками... Деникин в это время лил крокодиловы слезы над гибелю кадров добровольцев и принимал меры для вывода кубанцев на широкую московскую дорогу, уже обильно устланную костями казачьих предков...

Как коршуны, русские люди впились в тело Кубани, агитируя против кубанской Рады, распространяя ненависть, недоверие и подозрительность. После кровавого периода красной лжи и провокации, усилиями кубанского казачества, горцев и немногочисленных, сравнимо, добровольцев сброшенного с Кубани и большей части Ставрополья, Кубань принуждена была выдыхать в себя весь чад беспардонной стаи налетевшего на нее воронья... А в это время Шкуро и Покровский с гиком и свистом носились по улицам Екатеринодара или под рев п'янных песен разливали рекой водку и вино по ресторарам столицы Кубани.

Кубанское Правительство принуждено было закрывать русские газеты за безудержную клевету против Кубани, против Рады, против соседних республик, а, иногда опечатывались и типографии, где печатались особенно клеветнические и подрывающие авторитет кубанской власти сведения. Эти распоряжения вызывали новые и новые припадки политического кликушества и небывалого бешенства среди русских.

При такой обстановке, совершенно понятно и естественно, один из „союзников“ — Доброармия — в кабинетах Деникина и Кубанского Атамана Филимонова обсуждал вопрос, не настал ли момент вооруженного переворота, а другой — Кубанское Правительство — издавал секретные распоряжения по гарнизону Екатеринодара о занятии по тревоге важных пунктов и о расстреле из пулеметов всякой воинской части, которая появится на улицах Екатеринодара. Под этими, враждебными Кубани, частями разумелись, конечно, те, которые попробовали бы производить переворот в Екатеринодаре.

Долго ли мог существовать такой „союз“ между Кубанью и Добровольческой армией и могли ли такие „союзники“ расчитывать на успех в борьбе против все возраставшей красной армии (Деникин, как мы видели, признает, что русская красная армия, организовывавшаяся русскими генералами и офицерами, к 1-ому ноября 1918 г. возросла уже до 500 тысяч человек)...

А в это время на фронте от Маныча до Кавказских гор шли жестокие бои в страшные ноябрьские холода 1918 г... Люди умирал в боях, умирали от тифа, начавшего косить обильную жертву... На фронте не хватало патронов, почти не было перевязочных средств... 1-го ноября в Раде Деникин клеветал против украинского освободительного движения, а 6—7 ноября просил председателя Кубанского Правительства об ускорении получения оружия с Украины... Деникин „скорбел“ о гибели кадров добровольцев, а сам заявил своим ближайшим помощникам, что если только они захватят, — „Я (Деникин) завтра же Корниловским полком разгромлю кубанское правительство“... (Деникин, т. IV, стр. 42—53). В это время Донской казачий фронт, измученный восьмимесячными непрерывными боями с все

новыми и новыми полчищами „братьев русских“, начал уже колебаться, не видя реальной помощи ни со стороны так наз. Южной армии русских, организуемой Атаманом Красновым, ни со стороны Астраханской армии... С уходом немецких войск с территории Украины, большевицкое командование начало поход на Украину, угрожая охватом Дона с северо-запада и запада. Для Всевеликого Войска Донского создалось грозное положение.

Большевицкая Москва, удерживая крепко в своих руках Царицын на Волге, постоянно угрожала походом оттуда на Кубань по линии железной дороги Царицын — Тихорецкая.

Красный враг дышал на казаков смертельным огнем десятков тысяч ружей и сотен пушек, а белый „союзник“, расположившись, хоть и не совсем удобно, в самом центре Казачьих Земель, тоже нападал на казачьи парламенты и на казачьих вождей, не жалевши впутывать казаков в борьбу красной России с Российской белой, в борьбу русских рабочих и крестьян с русскими помощниками, фабрикантами и вообще русскими капиталистами...

При таких ужасных условиях должна была работать Кубанская Краевая Рада и дать ответы на первостепенной важности вопросы; Кубанская Рада должна была ясно наметить путь, по которому пойдет Кубань и Казачество вообще к лучшему, счастливому будущему.

Деникин звал спасать всю Россию, он доказывал необходимость своей единоличной диктатуры... Имея верных тайных союзников среди кубанцев в лице Филимонова, Сушкина, Скобцова, Каплина, пообещавших ему поддерживать в Раде Добровольческое командование, он украсил свою делегацию в Раде генералом В. Г. Науменком, который чувствовал, очевидно, какую роль на себя взял, исподлобья, волком поглядывал на членов Рады, говоривших открыто и голосовавших против всех положений, выдвинутых Деникиным перед Радой... По улицам Екатеринодара были пущены бесшабашно пьянистовавшие и угрожавшие разгоном Рады генералы Шкуро и Покровский, а за кулисами Рады в уши кубанских деятелей, как старый разбитый колокол звонил добровольческую генеральско-русскую песню председатель Большого Донского Круга В. А. Харламов... Все это было напрасно: Кубанская Рада решительно отвергла притязания нового Ивана Калиты.

Деникин настаивал на своей диктатуре, Рада выдвинула принцип соглашения между новыми государствами. Деникин требовал единой русской армии, Рада выдвинула принцип построения самостоятельных национальных армий. Деникин настаивал на единоличной власти, „ответственной лишь перед русским народом в лице его будущей законной верховной власти“, а Рада настаивала на проведении в жизнь широкого народоправства. Деникин говорил о том, что „Добровольческая армия признает необходимость и теперь и в будущем самой широкой автономии составных частей русского государства“, а Рада высказалась решительно за построение национальных государств со своими органами исполнительной, законодательной и судебной власти, со своими самостоятельными армиями. Деникин восхвалял русский народ, доказывая его ненависть к большевикам, а Рада единогласно констатировала, что большевизм „далеко еще не изжил себя в Центральной и Северной России“.

Рада, далее, единогласно постановила о необходимости организации представительства от южно-русских государственных образований на предстоящей мирной конференции.

Так сказала Рада, состоящая, как говорил Деникин, из людей „умудренных горьким опытом и тяжелыми испытаниями“, так ответили на притязания русских людей „боевые соратники (Деникина) по славным походам нашим, своими подвигами и кровью добывавших свободу Кубани (Деникин, т. IV).

В ноябре 1918 г. русские и кубанские единонеделимы понесли серьезное моральное поражение. 200 лет Россия угнетала и русифицировала Казачество Донское и др.; под ее непосредственным надзором и управлением 100 лет на Кубани без конкуренции работали правительственные и общественные русские

руссификаторы, старательно умерщвляя старые казачьи принципы широкого народоправства и государственной независимости; как в большом котле, железней мешалкой русская власть и русская общественность перепутывали население Кубани, насаждая среди него и всеми мерами поддерживая сторонников России; Кубань прошла хаотические времена Областного Исполнительного Комитета в 1917 году, пережила времена терзаний Кубанского Войскового Правительства в июле-

ябре того же года, испытала нелегкий путь раскоца между кубанским Казачеством и иногородними летом и осенью первого года революции и смутное и путаное время искаания соглашения между этими группами населения в ноябре-декабре месяцах 1917 г.; она пережила упадочное время конца 1917 и начала 1918 г., она выпила до дна чашу кошмарной и кровавой большевицкой власти, беспомощного блуждания по территории Кубани Кубанского правительства и Рады, она с небывалым героизмом начала весною 1918 г. по необходимости кровавую, навязанную ей, освободительную борьбу с большевицкой властью, она переносила в августе-ноябре месяце организованный натиск на нее множества русских людей, прилетевших сюда из России, с Украины, с Дона...

Кубань называлась в церковные звоны и наподобилась хлеба-соли, встречая русских "генералов-освободителей" — Деникиных, Врангелей, Покровских, Кутеповых, Дроздовских, Казановичей и множества других...

Но Кубань видела, что боевая масса армии составляется не из русских добровольцев, а из казаков и горцев... Кубанское население видело беспрерывные веерины прибывающих в станицы раненых казаков; кубанское население встревоженно прислушивалось к все чаще разносившемуся по степям и горам Кубани заунывному похоронному звону по погибших в боях с большевиками героям Кубани. Кубань почти не видела русских добровольцев, но должна была почти каждую

неделю посыпать на фронт все новые и новые пополнения...

Кубанская Краевая Рада состояла не из присяжных политиков, искушенных в парламентской работе долгим опытом, а из рядовых представителей трудового населения Кубани, хорошо знавших его нужды, его настроения и его народные желания... Эти представители, в подавляющем своем большинстве никогда не изучали ни административного, ни государственного, ни международного права, ни форм государственного устройства и управления... В их душах теплился огонь старых казачьих традиций беззаветной любви к свободе, к свободе, к мирному свободному труду, и не ненависть, а пренебрежительно-насмешливое отношение к панам, к русским барам-белоручкам, к русским бюрократам... Казаки уже тогда видели, какую грубую игру ведут добровольческие генералы, спекулируя силами восставшего кубанского Казачества, выдавая победы, одержанные кубанцами, за победы русских добровольцев; кубанское Казачество уже тогда подозрительно присматривалось к напыщенной фразологии русских людей, зазывающих казаков освобождать Мать-Россию... Русских генералов встречали хлебом солью, русских генералов — Покровского, Деникина и др. — многие станицы приняли (по ошибке, конечно) в почетные казаки, но Кубанская Рада единодушно отвергла посягательства Деникина на кубанскую независимость, отбросила претензии единой-неделимой России на новое владение покоренными Россией народами.

Кубанская Рада не хотела зла и русскому народу! Стремясь возродить на Кубанской земле принципы старого народоправства, стремясь установить с соседними государствами союзно-федеративные государственные взаимоотношения, Кубанская Рада хотела, чтобы и в России восторжествовал принцип широкого народоправства.

(Окончание I части следует).

Т. Стариков.

К 225-ти летию смерти Донского Атамана Кондратия Афанасьевича Булавина.

Жизнь каждого народа можно уподобить морской волне, приливу и отливу океанов. Она чередуется моментами подъема и упадка, творчества и разрушения, энергии и апатии, расцвета культуры и ее упадка, военного могущества и бессилия, прогресса и регресса, обединения и раз'единения и т. д.

На верху и низу каждой такой волны, каждого прилива и отлива непременно стоит какоенибудь событие, которое или толкает народ вперед или сваливает его в пропасть. Эти события являются исходными точками, отправными пунктами в истории народов.

В политической жизни Донского Казачества были такие события, которые играли роковую или благодетельную роль, вздымали волю и энергию Казачества на большую высоту или приводили его к упадку, апатии, безразличию.

К числу таких событий относится, напр., возвращение на Дон Азовских казаков в 1549 г. во главе с атаманом Сары-Азманом и укрепление их в низовьях Дона. С того времени начинается обединение всех Донских казаков, расцвет их сил и могущества, захват нижней Волги, Урала, Терека, покорение Сибири и пр.

Устройство крепости Борисом Годуновым на Донце (Царев-Борисов), направленной против Донских казаков в связи с другими его мероприятиями, толкнуло их к царевичу Дмитрию. Началась жестокая борьба, закончившаяся избранием на Московский престол Михаила Федоровича при помощи Донских казаков и признание их полной независимости.

Всем известно, какое влияние и значение имели в истории Дона такие события, как убийство ими московского посла Карамышева, взятие донцами Азова, восстание и смерть Разина (присяга); разгром партии не-

зависимости Дона (1688 г.); покорение Азова Петром I-м. Последнее событие дало возможность Москве твердо встать на Дону и решительно вмешаться во внутреннюю жизнь Донских казаков. Это и повело к восстанию Дона. Самой высшей точкой, гребнем напряжения борьбы была смерть вождя восставших казаков — Атамана Кондратия Афанасьевича Булавина. Отсюда началось раздробление сил казаков, жестокая расправа Петра, завоевание им Дона и потеря им своей самостоятельности.

Прошло двести с лишним лет. Дон служил России, но был свободной жизни не забыл и забыть не мог. При первой же возможности донцы (как и другие казаки) обявили его самостоятельной республикой. Началась новая жестокая борьба с московской, на этот раз коммунистической, властью.

Во многом эти две эпические борьбы сходны между собой, как по причинам их возникновения, по ошибкам, так и последствиям. С тою лишь разницей, что масштаб последней борьбы более грандиозен.

В то время волновался весь Юг. Восстал Астрахань, восстал Башкирский народ, восстал Дон и восстала Украина во главе с Гетманом Мазепой. В Россиюшел непобедимый Карл XII. Над нею нависла катастрофа. Но Петр справился с опасностью. Он искусно направлял один народ против другого, "одних варваров против других". Донские казаки усмирили астраханцев, калмыки — башкир, украинские полки вместе с калмыками и войсками Петра залили кровью Дон... Карл был разбит. Петр торжествовал победу. Он подчинил себе всех тех, кто помогал усмирять других. Воля и независимость для них сменились рабством.

В булавинские времена русским нужна была плодо-

родная казачья земля и бахмутская соль. Петр потребовал, чтобы для русских поселений донцы очистили р.Хопер, Медведицу, Иловлю и бахмутские земли для Слободских казаков [Украинских]. Первого приказания казаки не выполнили, за бахмутскую соль стали бороться с оружием в руках. Петр пред'явил новое требование — не пускать на Дон беглых. Казаки плохо исполнили указ царя. Тогда Петр послал на Дон кн. Долгорукого с вооруженной командой. Дон восстал. Долгорукий был убит, отряд его уничтожен. Петр воспользовался этим, чтобы окончательно подчинить своей воле донских казаков, уничтожить их свободу, покорить их. Он направил против Дона огромные силы с трех сторон и взял его в „клещи“. С севера шел брат убитого Булавина князь Василий Долгорукий, с востока двигался Хованский с 10.000 калмык и русскими полками, с запада пошел против казаков полковник Шидловский с Слободскими полками; послал против Донцов свои полки и гетман Мазепа. В тылу казаков находилась крепость Азов с русским гарнизоном, готовым всегда ударить на них.

На несчастье казаков они разделились на сторонников Москвы и сторонников независимости Дона. Прежде всего началась борьба между ними. Войсковой атаман Лукьян Максимов выступил против Булавина и разбил его на р. Айдаре. Атаман доносил Петру: „... и мы, атаман Максимов с войском, осадили Булавина на Айдаре у г. Закотного ... не дожидаясь света на них бились ... переимав многих, наказание чинили, носырезали больше ста человек, иных плетьми били ... в Руслы выслали, а пущих заводчиков близ десяти человек на деревьях за ноги вешали, иных перестреляли на смерть, 12 человек послали к тебе, величайшему государю“. [С. Соловьев, И. Р. т. III стр. 242].

Булавин спасся и ушел в Запорожье просить помощи. В просьбе было отказано. Но охотники уходили к Булавину. Весной 1708 г. он появился на Хопре и снова поднял казаков. Атамана Максимова выступил против него вместе с полком Азовских казаков. Булавин разбил их наголову. На его сторону перешел теперь весь Дон:

По Хопру . . . 26	городков с	3.670	казаками,
По Медведице . 14	"	1.480	"
По Бузулку . 16	"	1.470	"
По Донцу . . . 12	"	1.680	"
По Дону до Черкасска . . . 43	"	13.370	"

А всего 111 городков с 21.670 казаками.

у Атамана Максимова остались только 5 Черкасских городков с 1780 казаками.

Собрав 15.000 войска Булавин двинулся к Черкасской и подошел к нему 23 апреля. 2 мая город был взят. Максимов вместе с несколькими старшинами был казнен. Булавин избран атаманом.

Чтобы иметь представление о тех конечных намерениях Петра, которые он собирался осуществить, надо познакомиться с его основным приказом, данным им Долгорукому: „... когда пойдешь назад, то по Дону лежащие городки, також и по Донцу и прочим рекам по сей росписи разори, а над людьми чини по указу [людей рубить, заводчиков на коля]. Надлежит опустошить по Хопру сверху Пристанской по Бузулук, по Донцу сверху по Лугань, по Медведице по Усть Медведицкой, что на Дону [ныне ст. Усть Медведицкая], по Бузулку все, по Хопру все, по Деркулу все, а по Иловле по Иловлинской на Дону [Иловлинская станица].

С такими задачами Долгорукий двинулся к Черкасской.

Булавина между тем постигли неудачи: отряд старшины Драного был разбит на Донце; Бахмут захвачен войсками Шидловского; засевшие там запорожские казаки в числе 1.500 человек были поголовно истреблены; небольшой отряд на р. Куртлаке разбит Бахмутевым; атака Азова не удалась — казаки были отбиты многочисленной крепостной и судовой артиллерией. Этими неудачами и слухами, что Долгорукий направляется к Черкасской, воспользовались враги Булавина бросившись к его дому, осадили его и „по тому дому из ружей и пушек стреляли“. Булавин застрелился. Это произошло 7 июля [по н. ст. 20-го]. Близжайшие его помощники, сын, брат, сын Семена Драного и др. в числе 50 человек были выданы Долгорукому. Атаманом избран Зерциков, который с большими почестями встретил Долгорукого на р. Аксе. Казаки были приведены к присяге. Через несколько дней Долгорукий пошел вверх по Дону выполнять царский указ об его очищении, с каким настроением оншел на это дело, видно из его отписок. ... „Как в Черкасске, так и по всем городкам ... все изменили сплошь ... по всем станицам первые люди все сплошь воровству [восстанию] причастны“...

Донские казаки, несмотря на разгром, избрали своим атаманом недавнего члена партии независимого Дона. Таким образом, верных людей на Дону не было. Работы Долгорукому предстояло много. Из сведений, почерпнутых из Истории России Соловьева и приведенных выше видно, что на Дону тогда было всего способных носить оружие казаков 23.450 чел. Из них Долгорукий только в порядке репрессий казнил от 7 до 10, т. е. свыше одной трети.

По сообщениям же кн. Долгорукого в боях участвовало 29.000, из которых были убиты 16.323 чел., да ушло на Кубань с Некрасовым 2.000 ч. Если в среднем казнено было 8.500 ч., то Дон потерял всего 26.823 ч.

Указанные Петром городки были выжжены, свыше одного миллиона десятин земли отнято у донцов, в том числе и Бахмутская провинция вместе с соляными варницами и отданы русским крестьянам и Слобожанам.

Петр торжественно праздновал победу над Донскими казаками. В апреле 1709 г. он побывал в Черкасской и здесь решил продемонстрировать полное подчинение себе казаков. Он приказал принести головы Булавина и казненного им, избранного казаками, атамана Зерцикова, воткнуть их на коля и поставить на площади. После этого он вышел на эту площадь со своей свитой и с „разумной“ казачьей старшиной.

Дон был покорен и на 210 лет потерял свою самостоятельность.

Уже из приведенных весьма кратких данных о булавинском восстании видно, как недавно было действительно много общего с тем, что происходило тогда.

Тогда, как и теперь, русскому крестьянству была нужна казачья земля; тогда России нужна была бахмутская соль. Теперь донецкий уголь, кубанская пшеница, терская нефть...

Как тогда, так и теперь казаки раскололись на сторонников Москвы и сторонников независимости Казачества; как тогда, так и теперь Юг действовал разрозненно и за это жестоко поплатился... Как тогда, при царе, так и теперь, при большевиках, истребляется казачье население.. Казакам надо подробно изучить обе эти трагедии в жизни Казачества, чтобы научиться быть единодушными в своих действиях, чтобы понять, наконец, что только единство спасет Казачество, нужно понять, продумать и прочувствовать, что только обединенное в своем государстве Казачество спасет себя от окончательного истребления.

В болгарской газете „Утро“ (София), в номере 7162 от 7 сего июля, помещена небольшая редакционная статья на тему: Право Казачества на свободу.

А Ленинов.

Знаменитый мореплаватель казак С. И. Дежнев.

(Исторический очерк).

Рвут и мечут молнии б. казачьи вожди в адрес В. К., трясясь от бессильной злобы на зыбком фундаменте „казачьей единонеделимской идеологии“. Все шире и шире распространяется влияние и значение В. К., с каждым новым днем увеличиваются ряды вольных казаков самостийников, таким же темпом в обратной пропорции уменьшаются ряды „казаков“ сторонников единой неделимой... И да будет вперед ведомо г. г. идеологам „казачьей единонеделимской идеи“, что не так уже „плачевна фигура практического деятеля, ищущего для себя подпоры на историческом кладбище“...*)

Вольные казаки, разрабатывая казачью самостийную идеологию, альфой и омегой последней считают историю Казачества, сущность коей и определяется в должной мере и степени на страницах вольноказачьей печати. Гордые верой в правое и святое дело освобождения и грядущего возрождения Казачества, мы, вольные казаки, идем в авангарде казачьих национальных сил за раскрытие многострадального Казачества от российских уз и опеки!!!

Черпая многое из собственного опыта, каждый казак обязан знать и ведать о том, как и где отличать правду от кривды во всем, что касается судеб Казачества. Последнее же обстоятельство всегда разрешимо, если казаки будут знать свою собственную историю, которую так тщательно оберегали и оберегают г. г. идеологи „казачьей единонеделимской идеи“ от казачьего пытливого взора и ума... Учите, казаки, историю родного казачьего народа, разумейте, что „история — учительница жизни“ даст нам (казакам) подлинное осознание той исторической роли, каковую мы (казаки) обязаны выполнить ныне, вступив в период действенной борьбы за освобождение Казачьих Земель из под власти Москвы и последующее создание казачьей державы — Казакии.

В период 1492—1498 г. г. были открыты Багамские острова и часть восточного побережья Сев. Америки, чем на вечные времена было прославлено имя Христофора Колумба. Спустя 156 лет после этого открытия, Енисейский казак С. И. Дежнев совершил свой знаменитый морской поиск по Северному Ледовитому Океану и обогнул Чукотский полуостров, пройдя первым через пролив (впоследствии названный Беринговым проливом), разделяющий Азию и Америку. О своем открытии С. И. Дежнев говорит в челобитной 1664 года, так; „С Колымы реки поднялся я морем проведать новых рек и прискал вновь сверх тех прежних рек новую реку Анадырь“.

Открытие, совершенное С. И. Дежневым, поставило последнего в ряды величайших мореплавателей и открывателей новых земель, причем знаменитый историк О. Пешель*) (O. Peschel) считает деяние С. И. Дежнева самым замечательным из всех открытий, которые были сделаны после Христофора Колумба. Тем не менее имя С. И. Дежнева пребывало в полной неизвестности ровно 250 лет. За это следует винить лишь явно недобросовестное отношение к Дежневу российской государственной власти... Как и почему, станет ясным казаку читателю из нашего последующего изложения!

Лично мне пришлось услышать впервые имя Енисейского казака С. И. Дежнева, а равно и познакомиться в общих чертах с его открытием от моих не забвенных наставников в деле изучения истории Казачества, блаженной памяти Митрофана Петровича Богдаевского и полк. Василия Викторовича Короченцева. Но если в свое время они не имели под рукой нужных и необходимых исторических материалов о С. И. Дежневе, то обстоятельство это разрешается вполне благо-

*) См. Д. Скобцов „Самостийность и национальная задача“. № 32 (125). журн. „Путь Казачества“ Прага. 1928 г.

*) Peschel „die Geschichte der Erdkunde“.

гоприятным образом в данное время, ибо в заграничных архивах и книгохранилищах имеется более чем достаточно и материалов и документальных данных по истории Казачества, с помощью которых возможно приоткрыть завесу и над великим открытием Енисейского казака С. И. Дежнева

Не щемит ли грусть казачью душу, не наносится ли удар казачьему национальному достоинству, когда читаешь: „Огибая восточный мыс Азии 8(20) июля (1878 года) в 11 часов утра, мы приветствовали это событие, выкинув флаги и огласив окрестность шведским салютом. Наконец, достигнута была цель, к которой стремилось столько наций. Нам (т. е. шведам) позволительно было исполниться известной гордости, когда наш желто-синий флаг (шведский) взвился на верх мачты, и раздались выстрелы шведских пушек в том проливе, где „Старый свет“ протягивает руку „Новому“ (из мемуаров знаменитого полярного путешественника шведа Норденшельда). Жестоко ошибался Норденшельд предполагая, что честь открытия пролива между Азией и Америкой, принадлежит ему (Норденшельду)... Известный немецкий историк академик Миллер, ведя исследовательскую работу в Якутском остроге, в казенных архивах б. Сибирского приказа обнаружил документы (челобитные и т. д.), при помощи коих и было неосторожно доказано что пролив, соединяющий Азию и Америку, был впервые открыт С. И. Дежневым. 250 лет казенные архивы б. Сибирского приказа хранили тайну открытия пролива, но и когда все было опубликовано, то память великого казака не былаувековечена должным и достойным образом. Лишь в 1898 году по распоряжению Николая II т. н. мыс Восточный (Большой Каменный Нос) был переименован в мыс Дежнева, но пролив, который он открыл, так и остался называться Беринговым проливом, по имени русского капитана Беринга, командовавшего т. н. Великой северной экспедицией в 30-х годах XVIII ст.

„В Сибири, по Тобольску и по Енисейску и по великой реке Лене и иным рекам двадцать лет приказным человеком...“ указывает места своей службы С. И. Дежнев в челобитной, поданной царю в день 13-ого февраля 1665 года. При детальном рассмотрении этапов последовательной службы С. И. Дежнева, явствует, что последний в 1636 году был переведен из гор. Тобольска в гор. Енисейск, далее в 1638 году следует назначение его на „государеву службу“ в Якутский острог, с тем, чтобы в следующем 1639 году участвовать в экспедиции в Оргутскую область для взымания дани с непокорных оргутских якутов. В 1641 году С. И. Дежнев получает в числе других „служилых людей“ командировку по сбору дани с тунгузов, проживавших на р. Яне, что впадает в Северный Ледовитый Океан в 450 верстах на восток от р. Лены. В 1642 году С. И. Дежнев уезжает в командировку по сбору „ясака“ (дань) с юкагиров, обитающих на р. Оемокон, являющейся притоком р. Индигирки, что впадает в Северный Ледовитый Океан в 500 верстах на восток от вышеуказанной реки Яны (или же в 950 верстах на восток от р. Лены). В том-же 1642 году С. И. Дежнев совместно с другими „служилыми казаками“ спускается по р. Оемокон вниз до реки Индигирки и далее уже прямо в Северный Ледовитый Океан. В 1643 году С. И. Дежнев находится на р. Алазее, впадающей в Северный Ледовитый Океан, между р. р. Индигиркой и Колымой. Наконец, в 1644 году партия „служилых казаков“, в коей находится и С. И. Дежнев, проникает на р. Колыму, впадающую в Северный Ледовитый Океан в 1600 верстах на восток от р. Лены.

Говоря о личности С. И. Дежнева, надлежит отметить, что до 1646 года последний явился в роли обыкновенного „приказного“ подчиненного другим начальникам экспедиций. В указываемый период нахождения

*) Nordenskiold „La voyage de la Vega autour de l'Asie et de l'Europe“. Paris.

в „государевых службах“, С. И. Дежнев был пять раз ранен, именно: первый раз по дороге в Якутский острог в 1641 году в схватке с тунгусами он был ранен стрелами в локоть правой руки и в голень правой ноги. В 1642 году в экспедициях против юкагиров С. И. Дежнев был последовательно ранен стрелой в кисть левой руки, стрелой в голову и, наконец, ножем в плечо левой руки. Как парадокс, отметим и тот годичный „государев оклад“, который получал С. И. Дежнев, именно „денег 5 рублей, хлеба 5 чети с осьминою ржи, 4 чети овса да 2 пуда без чети соли“. Мало того, что подобным содержанием (жалованьем) было весьма тяжким делом поддерживать свое существование, С. И. Дежнев указывает и на то, что (из членитной 1662 года) „за две лошади дал я 85 рублей и платышико и всякой служебной завод покупаючи в Якутском остроге у торговых и промышленных людей дорогой ценой, стал под'ем больше ста рублей“. Московская власть в службах коей пребывал С. И. Дежнев, возместила оные расходы по снаряжению в экспедицию на р. Яну в 1641 году... спустя 4 года, т. е. в 1665 году, причем С. И. Дежнев должен был лично с'ездить в Москву за получением тех денег и это в ту пору, когда средством передвижения могли служить лишь лодки, олени и лошади, а путь-то был весьма и весьма неблизкий, всего лишь более десяти тысяч верст!!!

20 июня 1648 года в Северный Ледовитый океан вышла казачья флотилия под главенством С. И. Дежнева, имевшего своей целью дойти до реки Анадыря, где по слухам было много „рыбьего зуба“ (клыки). Недоходя до Большого Каменного Носа, несколько кочей отделилось от флотилии С. И. Дежнева. Много позднее стало известно, что казаки, отделившиеся от Дежнева, проникли на побережье Сев. Америки, где и обосновались в поселке Кингсвей на реке Хеуверен. Дабы дать полное представление о всех трудностях настоящего морского похода С. И. Дежнева на р. Анадырь, необходимо принять во внимание горосы Северного Ледовитого океана, а потом и устройство тех казачих „кочей“, из коих состояла флотилия С. И. Дежнева. Первый сибирский историк исследователь Фишер пишет:*) „Сии суда (т. е. „кочи“)... длинаю в 12 сажен, плоскодонные и обо одной палубе: можно на них ходить греблею и на парусах“.... „Кочи не необходимо должны быть об'явленной величины: довольно того, когда они вид судна имеют и затем нужда научает всему: вместо железных скоб и гвоздей употребляют там деревянные, вместо железных якорей делают деревянные, к которым привязывают великой тяжести каменъя; ремни из оленых кож употребляются на канаты, сыромятные оленьи кожи служат вместо парусов“... На таких судах (точнее, имеющих только вид судна), С. И. Дежнев со своими казаками прошел Северный Ледовитый океан, обогнул Чукотский полу-

*) „Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке профессором древностей и истории Иоганном Ебергардом Фишером“. Санкт-Петербург. 1774 год.

остров и даже прошел за Большой Каменный Нос, где и должен был произвести высадку на берег. Спустя короткое время „кочи“ вновь вышли в океан, на этот раз в Тихий, где в конечном итоге после страшных бурь уцелел лишь один „коч“, на котором находился С. И. Дежнев, спустя несколько дней выброшенный со своими спутниками на берег. „От морского разбоя (бури, урагана) на море потонуло и на тундре от иноземцев побито, а иные голодной смертью померли и зимним путем на лыжах с нарты, со стыда с голоду и со всякой нужи безвестны стали, а всего семидесят и семь человек“, отписывал С. И. Дежнев в одной из своих членитных. В конечном итоге с С. И. Дежневым осталось всего лишь 13 казаков (из 90 человек первоначального состава экспедиции) И вот „холодны, голодны, босы и наги“, С. И. Дежнев и его тринадцать казаков поднимаются вверх по р. Анадырю, где и ставят укрепленный „острожек“, причем в первой же схватке с чукчами, С. И. Дежнев получает ножевую рану в грудь.

На р. Анадырь в 1650 году, привлеченные слухом о имеющемся изобилии „рыбьего зуба“, последовательно прибывают казачьи отряды Семена Моторы, Михаила Стадухина и Юрия Семиверстова. Скоры, имевшие место между указываемыми начальниками отрядов, приводят к тому, что следует предписание С. И. Дежневу и др. явиться в Якутский острог, сдав зимовья и служилых людей на р. Анадыре назначенному представителю Московской власти. По прибытии в Якутский острог (в 1662 году), С. И. Дежнев подает докладную записку Якутскому воеводе Ивану большому Голенищеву-Кутузову с просьбой выдать ему (Дежневу) жалованье за все годы нахождения на „государевой службе“.

В Якутском остроге денег не оказалось, хлеб отсутствовал в „государевой казне“ и поэтому воевода Иван Большой Голенищев-Кутузов приказал выдать С. И. Дежневу в виде жалованья лишь одну соль, каковую последний и получил в количестве 33 пудов с четью!!!

В 1664 году С. И. Дежнев прибыл после двухлетнего путешествия в Москву, где вновь потребовал жалованье за 19 лет службы в сумме „128 рублей 1 алтына и 4 денег“. Но и тут надежды С. И. Дежнева пошли прахом, ибо московская казна дала ему всего 42 рубля, остальное же возместила сукном... Пользуясь пребыванием в Москве, С. И. Дежнев в членитной к московскому царю, выразил и свое сокровенное желание, именно ... „за ту мою службу, и за кровь, и за раны, и за ясачную прибыль (сбор дани) вели, государь, меня поверстать в свою, великого государя, службу по якуцкому острогу, в сотники“. Сим скромным образом выражал свой честолюбивый помысл С. И. Дежнев, человек бросивший к ногам московского царя землю (Чукотский край) величиной с современную Германию.

Ответ московского царя был следующий: „1730 году, в феврале в 25 день, по указу великого государя, окольничий Родион Матвеев Стрешнев, слушав сии выписки, приказал: за ево Сенькину [С. И. Дежнева] службу и за приск рыбы зубу, за кость и за раны, наверстать в атаманы и оклад ему учинить против ево браты атаманов, 9 рублей денег, за хлеб 7 чети, да 4 чети

Важное историческое свидетельство.

В пражской (чешской) газете „Národní Politika“, в номере от 5 сего июля, в статье, посвященной св. Кириллу и Мефодию и написанной согласно данным только что вышедшей в свет книжки dra F. Přikryla: „Памятники св. Кирилла и Мефодия“, есть и такое место:

„Первая апостольская дорога вела обоих братьев в Македонию. По возвращении были недолгое время в Константинопольском монастыре, а после император Михаил послал их к донским казакам. Там, около Херсона, они нашли“ тело св. Климента, четвертого Папы римского, изгнанного императором Траяном“...

Свидетельство это относится к половине IX столетия. Свидетельство для казаков важности чрезвычайной, ибо оно подтверждает, что у казаков были с проповедью христианства сами Кирилл и Мефодий, что казаки стали христианами раньше тех славян, какие извже образовали Московию, и что Казаки существовали далеко раньше чем начало складываться Великорусское племя

овса, да 2 пуда с четью соли". Таким образом и здесь С. И. Дежнев оказался обойденным, власть не пожела-ла его наградить званием сотника, ибо по мнению московских верхов это была бы слишком высокая награда для С. И. Дежнева... Напомним параллельно и о том, что Христофор Колумб был назначен вице-королем открытых им земель, а равно пожалован и чином адмирала.

Весной 1578 года Атаман Ермак Тимофеевич с своей казачьей дружиной двинулся вверх по р. Каме, выйдя на р. Серебрянку, где и заложил т. н. Ермаково Городище. 12 июня 1580 года Ермак двинулся в свой второй поход, на бударах по р. Каме и прошел до истоков р. Серебрянки, откуда 1 мая 1581 года волоком пересеяся на речку Жаровлю, затем по р. Баранче спустившись плотами до р. Ташла и перейдя на струги, двинулся вниз по р. Туре. К концу июля дружины Ермака подошли к устью р. Товола. 26-го октября 1581 года Атаман Ермак Тимофеевич со своими казаками вступил в гор. Искер, свершив покорение Сибирского царства. Со смертью Ермака, его соратники продолжали начатое дело... С одной стороны, казаки двинулись по р. Иртышу вниз к югу и создали связь с Бухарой, с другой же они вышли по р. Оби на крайний север и в 1600 году достигли Тазовской губы, где и основали гор. Мангазею. Сверх того казаками были основаны, в 1584 году — гор. Тюмень, 1587 г. — гор. Тобольск, 1592 г. — остроги Березов и Сургут. К концу XVI века весь бассейн р. р. Оби и Иртыша был занят казаками. К 1610 году казаки появляются на р. Енисее, совершая одновременно движение на юг по р. р. Кети и Крыму [притокам р. Оби]. В 1604 г. казаками основан гор. Томск, в 1616 году — гор. Кузнецк, в 1618 г. гор. Енисейск, 1621 г. — гор. Красноярск, 1631 г. — Братский острог на р. Ангаре. В 1632 году казаки появляются на р. Лене, где и закладывают Якутский острог, в 1635 г. — гор. Олекминск на р. Лене. В 1637 г. казаки открывают р. Яну, в 1638 г. — р. Индигирку, в том-же году казаки основывают гор. Усть-Янск на р. Яне. В 1639 году казаками исследуется р. Алазея, в 1644 году р. Колымы: основываются в 1641 г. — Верхоленский острог, в 1644 г. — г. Нижне-Колымск, в 1647 г. — г. Баргузинск.

В 1643 г. казаки перешли Становой хребет и, спустившись к р. Амуру, дошли до его устьев. В 1649 г. казаками построен гор. Хабаровск, г. Верхне-Удинск, 1656 г. — г. Нерчинск, 1666 г. — г. Селенгинск. В 1697 г. казаки, выйдя из Анадырского острога, вышли на Кам-

чатский полуостров и основали Камчатский острог. Вскоре после этого казаки проникли в Аляску, каковая и была закреплена за Россией.

Итак, Атаман Ермак Тимофеевич начал, Енисейский казак Семен Иванович Дежнев кончил, выйдя в 1648 году с р. Колымы, пройдя по Северному Ледовитому океану, обогнув азиатский материк, проплыв через пролив соединяющий Азию и Америку, открыл самую далекую сибирскую реку Анадырь. Известный русский историк Соловцов считает,* что до 1662 года казаками присоединено к Московскому царству свыше $4\frac{1}{2}$ миллионов квадратных верст территории Сибири! — Современным казакам следует твердо помнить об этом...

Описав в кратких чертах великое открытие, сделанное Енисейским казаком С. И. Дежневым, нельзя не пожалеть о том, что память о С. И. Дежневе весьма слабо сохраняется в казачьей среде. Будем же помнить о великом деянии Енисейского казака С. И. Дежнева, об отношении Московской власти к нему и его лишениях... "И будучи на тех твоих государевых службах в те многие годы всякую нужду и бедность терпел и сосновую и митвенную кору ел и всякую скверну приimal двадцать один год" (Из челобитной С. И. Дежнева).

Настоящий 1933 год является (1648—1933 г. г.) 285-летним юбилеем с момента великого открытия, о котором знаменитый историк О. Пешель (O. Peschel) говорит: "Путешествие казака Дежнева с р. Коломы вокруг северо-восточной Азии к Анадырю обнаружило, что Старый Свет отделен от Нового."

Будем верить, что многострадальное Казачество, сбросив иго Москвы и став на путь национального возрождения, сумеет достойным образом чтить память своих героев, одно из первых мест среди которых занимает С. И. Дежнев. Придет время, когда в Дежневом (но не Берингом!) проливе появится казачий флот, взовьются на мачтах казачьи национальные сине-желто-малиновые флаги, раздастся салют из казачьих орудий и громкое казачье ура возвестит, что казаки достойным образом чтят память великого мореплавателя казака С. И. Дежнева, статуя коего, возвышаясь на Дежневом мысе, неизменно будет указывать всем нациям, что честь открытия пролива между Азией и Америкой, принадлежит енисейскому казаку С. И. Дежневу...

*) Соловцов „Историческое обозрение Сибири“.

Ингерманландия.

(Информационная статья).

"Населению Петербурга неизвестно, что обозначает слово „Ингерманландия“, хотя в нашей столице издается газета под этим названием. Русские солдаты не знают, что такое из себя представляет Ингерманландия, хотя одно из значительных мест нашей армии, Красное Село, находится в центре Ингерманландии. Им известно только то обстоятельство, что вокруг лагеря живет чуждый им народ, говорящий на чужом языке и устраивающий свои посевы так, чтобы они во время маневров непременно растоптались, а казна должна была бы потом платить за причиненный вред большое вознаграждение. Нашим офицерам и солдатам неизвестно, что, в случае войны, этот народ по всей вероятности стал бы на сторону нашего неприятеля".

В таком духе выразился редактор "Нового Времени" 25 лет тому назад об Ингерманландии и ингерманландах. Полагаю, что для читателей "ВК" не безинтересно будет познакомиться с народом, о котором орган царского правительства счел нужным выдать такой "лестный" атtestат.

Русско-Финляндская граница на Карельском перешейке [между Ладожским озером и Финским заливом] проведена насильно, ибо тот же самый народ, который живет в свободной Финляндии, живет и за ее границами на 130 км. к югу; те же самые финны, что и в

самой Финляндии, населяют приблизительно 15.000 кв. км. (окрестность Петербурга) — территорию, называемую Ингерманландией или Ингрией.

Ингерманландия населялась с незапамятных времен финскими племенами. Ее коренное население состояло из народа, называвшегося в одьёю, о котором имеются сведения уже с IX-го столетия. Независимость води продолжалась, по всей вероятности, до XI-го века, когда их покорили новгородцы и стали называть ту страну "Водскою пятиной" [т. е. пятой частью Новгородского Княжества]. В новгородском вече у води были свои представители.

1333 году Новгород уступил большую часть Ингерманландии в ленное владение Лифляндскому князю Наримонту за оказанную последним Новгороду поддержку в борьбе против Московских князей. В 1478 г. Иван III покорил Новгород, присоединив его со всеми его владениями к Москве. Таким образом и Ингерманландия была присоединена к Москве. Постоянные войны, голод и болезни наносили тяжелые удары водскому народу. Благодаря энергичной русификации продолжавшейся в течении многих веков, русским удалось достигнуть своей цели — слить этот народ в одно с русскими. В настоящее время число людей водского племени едва ли превышает 1000 человек. Старшее поколение говорит еще по-водски, но молодое уже весьма мало знакомо с языком своих предков.

Другое коренное население Ингерманландии — относящееся к восточно-финскому племени ингры. Количество их может насчитываться около 20.000 человек. Они, также как и вода, боролись храбро против своих врагов, но пали под напором Новгорода. Так же, как и вода, они сильно потерпели от войн между шведами и русскими.

В 1617 г. в д. Столбове, недалеко от гор. Шлиссельбурга, заключен был между Швецией и Россией „вечный мир“ и Ингерманландия была присоединена к Швеции. В 17 столетии в опустошенную Ингерманландию переселилось много народа из Финляндии; от этих переселенцев и происходит большая часть [около 130 тыс.] нынешнего населения Ингерманландии [около 150 тыс.].

Шведы навели в стране порядок и начали заботиться о народном просвещении. Был произведен приходский раздел, в городах начали основываться школы. Финское национальное чувство и материнская вера укрепились до того, что они смогли противостоять последовавшему потом долговременному влиянию со стороны русских.

В 1701 г. в Ингерманландию пришли опять русские под предводительством генерала Апраксина, разорив многие села и деревни. В мае 1703 года Петр I был уже хозяином Невы и основал при устье этой реки, в центре чисто финского населения, новую столицу своего государства. Страна начала наполняться русскими переселенцами, местности переименовывались с финского на русский язык. Наименование самой страны „Ингерманландия“ было устранино со списков в 1710 г. и прежняя Ингерманландия стала называться Петербургской губернией. Свободный крестьянин-ингерманландец попал в крепостную зависимость к русскому помещику, имея для себя лишь мозолистые руки да сгорбленную спину.

В 1861 г. Александр II вынужден был подписать манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Это конечно не могло не повлиять и на положение в Ингерманландии. Ингерманландец мог уже посвятить свое время работе на собственном крошечном участке земли, ему не надо было идти на бесплатную работу к помещику.

Но прекращение крепостной зависимости повлияло не только материально на жизнь в Ингерманландии, оно принесло с собою много улучшений и в культурном отношении. Уже в 1863 г. основана была в дер. Колпане, поблизости гор. Гатчина, финская учительская семинария. Новые школы стали открываться с каждым годом, национальная жизнь начала развиваться с большой быстротой. Образовались певческие хоры, духовые оркестры, добровольные пожарные дружины, общества трезвости, общества молодежи и т. д. В 1891 г. в первый раз устроен был обще-ингерманландский певческий и музыкальный праздник, а после шесть таких же праздников. Нужно ли упоминать, что

программы были исполнены исключительно на своем родном, финском языке.

1860 г. вышла первая финская газета в Ингерманландии, с 1879 г. издавалась весьма содержательный „Финский Календарь“, который имелся в каждой семье. Для певческих праздников и хоров было издано три „Сборника Ингерманландских песен“.

Из Финляндии выписывалось множество газет и журналов, оттуда же доставлялись все книги на родном языке. Почти в каждом приходе имелась финская библиотека; в Петербурге был финский книжный магазин, а перед Рождеством Христовым переходящие книгопродавцы распространяли в деревнях значительное количество религиозной литературы и журналов.

Ингерманландия — страна песен. Песнею утешался ингерманландец в угнетении, песнею же ободрялся он в борьбе против своих угнетателей. Песня сохранила в нем любовь к честности, справедливости и свободе; песня удержала его от слияния с русским народом. Когда ингерманландский старец отпускал своего сына или свою дочь из дома, то он обыкновенно говорил: „Когда придешь в деревню, то войди в ту хату, из которой песню услышишь: там живут добрые люди“.

До чего богата поэзия маленькой Ингерманландии, видно из того факта, что из финской национальной эпопеи „Калевала“ 9 толстых томов, содержащих около 15.000 стихов собрано в Ингерманландии. Любой большой народ мог бы гордиться таким результатом.

В конце XIX века учитель Моисей Путро сочинил и скомпонировал „Ингерманландский национальный гимн“, начало которого в переводе гласит: „Вставай, Ингрия, на работу! Утренняя заря тебе уж отражается, В твою ночную жизнь свет уж разливается... Но царский цензор не стеснел здесь слова „Ингрия“ и поэтому оно должно было быть замененным словами „народ мой“!

В 1917 г. казалось, что Ингерманландии действительно „отражается утренняя заря“. После февральской революции, 23-го апреля в Петрограде собрались представители всех финских приходов и волостей вырабатывать основу для грядущей национальной жизни. Собрание постановило единогласно, что с осени во всех учебных заведениях обучение должно пойти на родном языке и по национальной программе. Приступлено было к расширению семинарии и основанию междуокружного об'единения. Общества молодежи об'единяются в союз. Сельско-хозяйственные общества и кооперативы были организованы уже раньше и об'единяются теперь вокруг своего ингерманландского центрального кооперативного союза „Айта“.

До тех пор обращавшиеся в Ингерманландии газеты и иные публикации печатались в Финляндии [главным образом в Выборге и Вильманстранде], теперь же основывается своя финская типография на кооперативных началах. Учительство финизируется все больше и больше; в 1918 году в Ингерманландии было 314 на-

В „Возрождении“ от 10 сего июля приведены прекрасные слова из заявления французского премьер-министра Даладье:

„...Когда в плане международных событий встает вопрос общечеловеческого значения, французское правительство, как и прежде, неизменно будет возвышать свой голос в защиту свободы и справедливости“,

сделанного им по поводу „мер против евреев в Германии“.

— Есть сейчас страна на свете, где нет не только свободы и справедливости, но где люди уничтожаются тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч страшным террором, высылками, голодом... В той стране жизнь людская не стоит ничего, особенно, если она принадлежит не к господствующей нации. В той стране в смертельных муках изнемогает распятое оккупационной властью Казачество...

Мы нисколько не сомневаемся в искренности французского премьер-министра и верим, что до сих пор он не возвысил своего голоса в защиту жизней миллионов людей только потому, что за пятнадцать лет стояны жертв бесчеловечной Чеки не дошли до Парижа... Но, дойдут, в конце концов, они и туда и тогда французское правительство возвысит свой пламенный голос и в защиту уничтожаемого Казачества!

родных школ и в них уже 248 учителей с финским родным языком. Вырабатывается проект для школьного самоуправления, в губернских и уездных земствах учреждаются особые финские отделы народного просвещения под руководством своих людей; сельские общества выбирают для своих школ специальные правления заботиться о материальном благополучии школ и для выбора подходящих учителей для своих детей. Ингерманландский народ был уверен, что в конце концов он таки достиг долгожданного освобождения.

Но это был лишь призрак, минута ясной погоды перед грозой. Вскоре показались мрачные тучи на ингерманландском небосклоне, и не пришлось долго ждать, как свирепый ураган уже безжалостно ломал этот крошечный, но жизнеспособный народ. Подобно буре, советское правительство начало уничтожать все, что с трудом в течение десятилетий было восстановлено, все, что во время многих поколений было собрано.

Ингерманландец привязан к своему маленькому участку земли и своей лютеранской вере, он любит беспредельно индивидуальную свободу. Безбожничество и богохульство огорчают его глубоко. И поэтому ингерманландцы взялись за оружие, чтобы выгнать своих новых угнетателей.

Весною 1919 г. был в Эстонии организован Ингерманландский полк, храбро и с успехом сражавшийся против большевиков. Но в то же время наступающие к Петрограду „белые русские“, верные своим империалистическим традициям, не моглистерпеть успешную деятельность ингерманландцев. Командир т. н. Северного Корпуса ген. Родзянко разоружил и расформировал Инг. полк за то, что [по его словам], „ингерманландцы хотят организовать свою республику и назначили в Сойковскую волость уже своего коменданта“. Обезоруженных же ингерманландцев он хотел распределить по своим русским полкам. На это первые,

конечно, не могли согласиться и почти все покинули Северный Корпус, кто бежав через залив в Финляндию, кто отправившись в Эстонию. Из оставшихся в Эстонии был образован еще особый Инг. багальон, сражавшийся под эстонским командованием до начала 1920 года, когда между Эстонией и СССР был заключен мир.

Другой Ингерманландский полк был образован в Кирьясало [Сев. Ингерманландии] под командованием финского подполковника Эльвенгрена, принимавшего участие и в освободительной войне крымских татар. Этот Северно-Ингерманландский полк наступал дважды на большевиков, но из-за своей малочисленности и отсутствия поддержки со стороны Финляндии вынужден был отступать под напором многократно превосходящих сил большевиков. В декабре 1920 года, после заключения мира между Финляндией и СССР и этот полк расформировался.

Ингерманландия вновь попала под игу русского империализма, на этот раз превосходящего все терпение. Около 15.000 ингерманландцев находится теперь в ссылке в Сибири, Соловках или на Хибинских рудниках на Кольском полуострове, изнемогая от недостатка пищи и одежды, от чрезмерных принудительных работ и вредных для их здоровья климатических условий. Но советскому правительству народ не хочет подчиниться и из депортационных поездов раздается псалм „В Боге замок наш могучий“. А когда остающихся еще дома хотят принудить идти в колхозы, они отвечают: „Подайте больше товарных вагонов и набейте их нами. Мы лучше умрем в изгнании с честными людьми, чем примем вашу позорную систему“.

Такой народ, как бы малочислен он ни был, имеет полное право на существование и самоопределение и мы уверены, что он добьется своей долгожданной свободы.

Думы и мысли.

Где — жизнь, а где — прозябание.

Милостивый Государь,
г-н Редактор!

Еще в прошлом году я написал открытое письмо полк. Соламахину и просил его, чтобы он прекратил дальнейшую высылку мне своего журнала „В. К.“, т. к. по всей вероятности он, читая уважаемый нами Ваш журнал „Вольное Казачество“, отлично знает, что я состою в рядах Вольного Казачества. Об этом я неоднократно писал письма и они были помещены в Вашем журнале. И вот, несмотря на все это, г. Соламахин продолжает высылать на мое имя свой журнал, в котором я совершенно не нуждаюсь. Что думает и чего от меня хочет полк. Соламахин, я не знаю. Мне приятнее читать милый и дорогой по содержанию журнал „Вольное Казачество“, а не какую-то „информацию“, издаваемую полк. Соламахиным.

В нашем журнале освещается все, о чем только пытливый ум чистокровного казака хотел бы знать. В нашем журнале, как в настоящем казачьем органе, пишется только то, что было, что есть и что будет с нашим дорогим Казачеством.

Перечитывая старые номера журнала „В. К.“, невольно останавливаешься на очерках „Наше прошлое“ старейшего из генералов Кубанского Войска (моего бывшего командира 1-го Лин. полка) генерала П. И. Кошкинко. В № 65 за 1930 г. он пишет: „... Едва смолкли орудия и Сечь перешла на мирное положение, как она была окружена (1775) отрядом генерала Текели, имевшим около 70.000 человек и к нему подошел еще Прозоровский с 20.000. Все это против 8000 Запорожцев, находившихся в Сечи! Должно быть страшным казался этот „зверь“, что по расчету потребовалось больше 10 человек на одного, чтобы повалить его!“

Сечь была разгромлена и разрушена...

Думал ли этот простодушный народ, что проливая

свою кровь и жертву жизнью за успехи русского оружия, он роет сам себе могилу? Это была вторая смертельная рана, нанесенная русским правительством (после Богдана Хмельницкого) Украинскому Казачеству.“

Дальше в № 66: „Первые Черноморцы совершили такие подвиги, которыми восхищалась сам Суворов. Первые избранные Черноморцы вполне оправдали их доверие, не щадя ни жизни, ни труда, чтобы заслужить те милости свыше, о которых они мечтали и надеялись. Не думали они, что приближаются к такой же могиле, в какой уже похоронено было Запорожье. Разница заключалась только в том, что прежняя засыпана была лопатами сразу, а новая будет засыпаться постепенно горстями земли, набрасываемыми с некоторыми промежутками времени...“

Какой горький осадок остается на сердце, когда читаешь о таком кошмаре, творимом в прошлом над Казачеством русскими властями.

Казачество хотело жить, но ему Петр I и Екатерина II не давали. Не давали жить Казачеству и последующие цари, как это видно из дачных в журнале „В. К.“

Правду сказал старый казак Иван Будяк в 130-й номере журнала „В. К.“, что голос истинного Казачества для этих господ не обязателен. Ведь там, дома не родной земле, собирались истинные народные, законные представители Казачества. Они думали казачью думу и „всенародную душой“ выносили свои постановления. Вот Кубанская Краевая Рада 13 февраля 1919 года приняла единогласно и такое постановление:

... „Проповедь устную и печатную, как большевизма так и монархизма... признать преступной и подлежащей действительному прекращению путем принятия самых строгих мер и издания соответствующего закона, карающего пропаганду и агитацию в пользу большевизма и монархизма...“

„Так сказала Краевая рада, состоявшая более чем из 500 представителей Кубани. Представителей закон-

ных, действовавших на родной земле, в родной обстановке...“

Когда читаешь „информацию“ полк. Соламахина № 5. „От Кубанского Войскового Атамана“, так просто волосы на голове дыбом становятся: „За последнее время участились случаи самоубийства казаков. Особенно часто это явление имеет место среди кубанцев, сосредоточенных в Югославии. Во всех указанных случаях единственная причина — тоска по Родине и семье. Люди истосковались, изверились, не имея должной моральной поддержки и, павши духом, наложили на себя руки.“

Какое горькое признание, что „люди истосковались, изверились, не имели должной моральной поддержки и, павши духом, наложили на себя руки“.

В таком случае единственным утешителем истосковавшимся, изверившимся, не имеющим должной моральной поддержки и павшим духом является дорогой наш журнал „Вольное Казачество“, где говорится без задней мысли, как должно быть воздвигнутое порабощенное русскими большевиками наше дорогое Казачество и спасены наши милые многострадальные семьи.

В „информации“ полк Соламахина ничего подобного не было, нет и не будет, а поэтому и не последние случаи самоубийства „русских казаков“.

Из рядов Вольного Казачества, люди уходят в лучший мир по воле Божией. Идея Вольного Казачества бессмертна. Она способна творить чудеса; из самой опасной пропасти она может вывести людей на путь счастливой жизни.

Советскую полк. Соламахину не пичкать меня больше своей смердячей „информацией“, т. к. у меня есть чего читать от Центра Вольного Казачества, которое вселило в меня живую веру в светлое будущее.

Вольный казак Н. Боровлев.

Кто кому мешает?

Милостивый Государь г. Редактор!

Прошу напечатать следующее:

В журнале „Кавказский Казак“, № 5 за 1933 г. напечатана заметка, что „набат“ допек Билого до того, что последний подал в суд. Ну и что ж, какое кому дело? чему тут радоваться? Или что ген. Стариakov в гражданской войне был „всадником без головы“. Верней сказать, не смог освободить москаля от москаля. Зато Деникин и Ко были с двумя головами и проиграли войну Троцкому.

Билый получает деньги. Если это правда, то часть и слава Билому, что нашел источник, из которого черпает средства и на них проводит казачью идею для пользы Казачества. А кто же вам, господа из „К. К.“, не дает получать средства от какого нибудь москаля и на них помогать урезывать права казачьи?

„Кавказский Казак“ считает себя органом заграничного казачества. Казалось должен был бы стараться слаживать всякие недорозумения, могущие быть помехой общему делу, Казачества, а он, наоборот, старается очернить каждого...

Все равно, рано или поздно, Казачество само разберет кто Андрей, а кто Остап. Для меня важно только то, что раз какой казак стремится делать благое дело Казачеству, значит ему мешать не надо. Прежде всего надо освободить свой край от красного москаля, а потом видно будет, что делать дальше.

Лучше было бы, если бы все казаки работали только на благо Казачества, а лапотник пусть сам за себя подумает.

Атаман об'единенной казачьей станицы в г. Дижоне, сотник Куб. Каз. Войска

Яков Львович Безгласный.

2-VII-1933.

„На аудиенции“.

(Вместо фельетона).

— Здравия желаю, Н. Н.!
 — Здравствуйте. Присаживайтесь...
 — Спасибо, Н. Н., не могу. Я к Вам, г-н председатель с просьбой-жалобой.
 — Что случилось? Расказывайте...
 — Да я вот на счет нашево сброва. Вы же знаете, что у нас должны быть перевыборы?
 — Да, да! Конечно, знаю.
 — Ну, так вот я и пошел за разрешением, чтобы нам собрать наш сброд...
 — Ну так. Дальше что было?
 — А оно не тут то было: Эти вольные казаки так скомпрометировали нас, казаков, что нам даже не разрешают собираться...
 — Ну, так я и знал. Расказывайте, как было дело.
 — Я пошел за разрешением собрать наш сброд, а меня и спрашивают: „А кто вы такой будете?“ Я им говорю: „я козачки поглавар, атаман у Смедереву“, а они мне свое: „здесь мы знаем казачью станицу, атаман которой г. Гнилозуб, а вас мы не знаем“. Я им начал об'яснять, что Гнилозуб со своими казаками идет против русских и за это их я и русские не признаем“, а они мне опять свое: „так вы не казак? вы русский? — я им отвечаю, что я русский казак, а они мне опять свое: „если вы русский, то идите в русскую колонию,

а если казак, то идите в казачью станицу и защищайте ваши казачьи интересы, а так на половину казаком, а на половину русским нельзя быть“. Так мне собрать сброд и не разрешили... Но так как я считаю себя прежде всего русским, а потом уже казаком, то я и пришел к Вам, чтобы Вы похлопотали за нас.

— Так что же Вы хотели бы от меня?

— Я хочу, чтобы Вы похлопотали за нас, чтобы нам собрать наш сброд, а мы уж Вам послужим верой и правдой...

— Хорошо, но только у Вашем сброде буду председательствовать я.

— Да мы, Н. Н., всегда к Вашим услугам, а только, чтобы не так ярко бросалось казакам в глаза, мы Вас сделаем почетным председателем...

— Ну, тогда хорошо. Сейчас я иду и Вы не беспокойтесь... все будет в порядке...

— Вот Вам и разрешение... Соберите Ваш сброд к 7 час. веч. да смотрите не сплошайте. Вы должны остаться в той же роли, которую играли и до сих пор. Когда соберется Ваш сброд, доложите мне.

— Слушаю, Н. Н. Постараемся. Большое спасибо за уважение. До свидания!

Подслушал: Верный Казачеству.

Пять лет

„Вольного Казачества—Вільного Козацтва“

Сборник избранных передовых статей

должен иметь каждый вольный казак!

Их было пять!...

И мелки же стали некоторые „русские казаки“ — неразборчивы в словах, безответственны? Вот взять хотя бы последний номер „Казака за рубежом“, который издает „на правах рукописи“ якобы общеказачья студенческая станица в Биро.

Нужно вначале заметить, что таковой станицы фактически уже давно не существует. Все члены этой организации, которым хотелось учиться, кончить высокие школы — таковые давно уже пооканчивали и раз'ехались.

Пока было в Бирне ядро, основавшее станицу, последняя была всегда пропитана вольным духом. Документально это могут подтвердить 2—3 номера рукописного журнала „Репей“, как и отход руссофилов.

К сожалению, ослабленная численно незначительная часть вольных казаков не могла удержать дальнейшее ведение станицы в своих руках, перешедшей с помощью лиц, ничего общего с казачеством не имеющих, в руки задержавшихся в Бирне казаков разных оттенков великорусского толку.

Началась глухая борьба: вольные казаки поняли бессмысличество дальнейшего топтания в общеказачьей неопределенности, подбитой великорусским пушком „нового ведения“.

Их уход из отжившей теперь организации был потому вполне понятен, а дальнейшая работа весьма показательна. Признает ее и „Казак за Рубежом“... Но как и какими выражениями!?

Его гром и молнико по адресу пяти (забыли других!) — не выдерживают критики; его подзaborная младорусская литература (главное — русская), одборная ругань и клевета — подтверждают только правильность взятого „бывовскими хлопцами“ пути: выхода на мировую арену с открытым казачьим забралом.

Какой широкий, полный творчества и возможностей путь!...

Пять „ребят“ (с высокошкольским образованием!) с „рабской“ душой, не побоявшись ядовитых насмешек храбрых приверженцев „Казака за Рубежом“ (не миллионы ли их, случайно?) и их высоких друзей (тех наивных миллионы!), преодолев все другие препятствия — гордо и с любовью несли казачье имя в „ка-

зачьей сокольской“ форме по улицам второго города республики, показали казачьи танцы под казачью зурну...

Не главное: с кем и как шли, как танцевали...

Важен орлиный взлет казака, каковым он всегда был; важна вера в идею, в народ казачий, в его силы!...

Важно осведомление других народов о казаках и правде казачьей.

Презрения достойно подзaborное подглядывание, змеиное шипение „своих“...

Их было пять!... Количество у казаков никогда не играло роли. Другими качествами Казачество охраняло свои земли и заветы предков!

Их было пять! Зарадуется вновь сердце каждого казака-удальца, кому так дорога честь и имя казачье!...

Их было пять! Пусть это будет нам, волю казачью превыше всего любящим, новым сигналом к бою за свои права, степи, реки и леса!...

Их было пять — слава им!

За казачью Державу!...

Ничего нового не говорит, да и говорить не может ни душе ни сердцу казака и остальная жвачка доморослых безымянных политиков.

Жалко бумаги, ей богу! Фимиам один — банкротство! (Терского атамана исключая. Его Бирно не особенно долюбливает за „радикализм“)...

И все вокруг „станичной колокольни“ (стр. 25).

Не хочется верить, что писали „Казака“, люди, окончившие высшие школы, в которых могли бы хотя немного познакомиться с политическими науками, современными течениями и мыслями. О литературе вообще и современной политике и говорить, конечно, не приходится.

Чем так писать — лучше не срамиться, а у А. К. Ленинова поучиться!

Он, наверняка, всех вас заткнет за пояс и посоветует лучше поздно присоединиться к голосу своего я, если он еще казачий, чем в проруби хвататься за чужие соломинки...

Slovensko.

Петр Терский.

Казачья эмиграция.

На Большой Круг ВК.

Поступило: от NN 100 кч.

Памяти Н. С. Рябовола.

27. июня исполнилось 14 лет со дня трагической смерти председателя Кубанской Рады, Николая Степановича Рябовола, предательски убитого врагами Казачества. Дабы почтить память борца Казачьей воли и независимости, члены правления В. К. станицы в гор. Тулусе, собравшись на заседание под председательством станичного атамана вах. Хрипушкина, постановили: собрать сбор 24 июня в субботу под воскресение, дабы каждый член станицы мог быть свободным от работы и присутствовать на соборе. Просить Е. М. Якименко прочитать реферат о жизни и деятельности Н. С. Рябовола.

24 июня в Тулусе на ул. Гамбета № 39 был снят зал, который был украшен по средине большим национальным флагом Казаки, под флагом щит с умело разведенными меньшего размера национальными флагами каждого в отдельности Казачьего Войска, входящего в состав Казакии. Рядом с казачьими флагами красовался жовто-блакитный флаг, нашей соседней державы Украины.

Под флагами вывешен большой герб Казакии, сделанный нашим станичником, художником С. Турчаниновым.

В 9 час. вечера вольные казаки собрались в тес-

ную свою семью, были и приехавшие за несколько десятков километров. Собрание открывает станичный атаман следующими словами:

27 июня исполняется 14 лет со дня трагической смерти Председателя Кубанской Рады Н. С. Рябовола, павшего в 1919 году в Ростове жертвой преступления врагов Казачества. 27 июня — день Казачьей скорби. 14 лет назад сраженный пулей врагов Казачества, пал смертью славных один из лучших сынов Казачества. Враги Казачества, идя на убийство Рябовола, знали хорошо, на что шли, знали, как лучше можно нанести самый жестокий удар по Казачеству. Но убийцы упустили из виду одно, что можно и через смерть идти к жизни и воскресению. Они физически убили Рябовола, но они духовно воскресили его в казачьих сердцах. Заканчивая свое слово, прошу присутствующих почтить память Рябовола и его сподвижников вставанием.

После этого выступает с речью Е. М. Якименко: Мне, братья казаки, уже не раз приходится выступать с рефератом о Н. С. Рябоволе и думаю, что не многие еще казаки знают хорошо Н. С. Рябовола. Многие еще думают, что он был просто казак ст. Динской, член Рады и ее председателем, а что он делал, в чем его работа заключалась, не многим известно. Так вот я и хочу осветить всю его работу и деятельность.

Далее оратор читает подробный реферат о Рябоволе, начиная с самого его рождения, именно: в какой семье родился, как учился, в каких условиях жизни жил, как пробивал себе дорогу, к чему стремился, ка-

кая идея проводилась им в жизни казачества и т. п. Не могу всего здесь написать, т. к. собранный Е. Якименко материал о жизни и деятельности Н. С. Рябовола настолько богат, что лучше бы его издать отдельной брошюрой. Видно, что Е. М. Якименко над ним поработал довольно хорошо. И действительно, прочитанный реферат произвел сильное впечатление на всех собравшихся, т. к. многие в первый раз узнали, кто такой был Рябовол и кого в лице Рябовола потеряла Кубань.

По прочтении реферата, станичный атаман поблагодарил докладчика. В свою очередь и я, как представитель журнала „В. К.“, сердечно благодарил Е. М. Якименко за прочитанный доклад и просил, чтобы он и впредь знакомил казаков со всеми борцами за Казачество, за его волю, счастье и независимость.

В заключение всего выступает с речью С. Турчинов, начиная так: Докладчик прочитал нам биографию Рябовола, его жизнь и политическую деятельность. Происходя из казачьей семьи без „родовитости“, Рябовол еще совсем молодым человеком выдвинулся, благодаря своим способностям и желанию служить Казачеству. Он был казак в полном смысле этого слова. И вот в этот момент подные руки убийц из-за угла лишили жизни лучшего сына Кубани. Гром выстрела покатился повсюду, раздалось эхо протестов в станицах и хуторах, ждали выяснения: кто убил и за что был убит? Загадочное убийство могло быть выяснено, но увы! дело было прекращено. Здесь, лишь через 15 лет, оно выясняется. Нам ясны стали ошибки замалчивания. Пусть же будет легка ему земля! Вернувшись на родину, казаки не забудут воздвигнуть памятник истинному казаку В. Кубани. Пусть знают наши противники всех толков, цветов и оттенков, что ни гнет насилия, ни подлость, ни коварство, ни гнусные опыты не смогут подавить нашего свободолюбивого духа, пропитанного национальным патриотизмом.

За Дон! за Кубань! за Терек! за Украину! за все Казачество! Каждый за свой угол! Обшим сговором — к великому светлому будущему!

На этом доклад был закончен и долго еще сидели казаки, разговаривая на тему наших прошлых ошибок.

Представитель журнала „В. К.“ И. Курило.

Памяти полк. В. И. Балабина.

Безвременно скончавшийся 3 июня с. г. полк. Владимир Иванович Балабин, казак Всевеликого Войска Донского, сын полк. Ивана... Балабина, которого, моложе еще тогда полковника, на другой день после личного производства царем, уволили в отставку „за вольнодумство“ без пенсии, так как он еще не выслужил и 20 лет, и внук генерала от кавалерии, который был уволен в отставку без пенсии и тоже „за вольнодумство“.

Родился он в 1875 году 8-го июня в хуторе Балабинке Семикаракорской станицы и воспитывался на руках своих родителей в своей родной казачьей семье; благодаря этому его любовь к родному своему Казачьему народу и его вольности и была так горяча; во имя блага и счастья Родины Казакии он шел на жертву и работал до последнего своего воздыхания.

Являясь в качестве одного из его близких сотрудников по борьбе и спасении от чужого русского ига родного и вольного нам казачества за последние два года до его смерти, приведу несколько фраз нашего покойного борца и старого соратника, деда Балабина.

Сядься за стол для разрешения острых вопросов по существу повестки дня, покойный всегда говорил:

„Не забудьте заветы отцов, дедов и прадедов, что только в борьбе, в борьбе беспощадной, мы, казаки, обремет наши права, сообразно чему требуются от нас и наши жертвы. Мы, вольные народы Казакии, жертвовали, будем жертвовать и об'язаны жертвовать на свою Родину все наши жизни до последней капли крови. Ибо, так жертвовали наши отцы, деды и прадеды из веков и их кровью орошена наша Казачья земля и костями их она усыпана!...

Говоря о любви покойного к своей родине, я прихожу следующие характерные эпизоды из его жизни. Находясь на военной службе в качестве командира 36-й

отдельной казачьей сотни, покойный был начальником и одновременно брат и друг казака. Как прекрасно сейчас это помню из рассказа сослуживца двоюродного моего дяди, по фамилии Дж-нов, во время великой войны слова: „командир Балабин в строю, во время занятий так был строг, что строже его нельзя было найти, но, вне строя или после занятий, он с нами был брат, друг и отец. Бывало, подходит он к нам, вынимает из своего кармана серебряный порт-сигар и подносит всем „закуривайте ребята“ и начинает распрашивывать „кто какой станицы или хутора? и т. д. Ответишь ему только какой станицы, а он начинает по пальцам пересчитывать, то дядю Бэмба, Пурвэ и т. д., а также наших братьев-казаков; одним словом, что называется, у всех почти знал всю родню...“

„Вот за это, за любовь к своим братьям-казакам и за общение с ними чуть было, бедный, не попал в беду однажды.

Случилось это следующим образом. Об отношении его и любви к своим братьям-казакам узнал начальник Киевского Военного Округа ген. Медер, которому подчинялась и наша сотня. Будучи осведомленным о поведении с „нижними чинами“ (с рядовыми казаками) нашего командира, генерал Медер, приказывает:

„За панибратство с нижними чинами я должен буду Вас арестовать и предать суду!“ На свои слова ген. М. получил следующий ответ: „Ваше превосходительство! вы не учитываете того, что я казачий офицер, а казачий войска крепки и сильны тем, что офицер с казаком спят и едят вместе из одной чашки. Я с ними родился и вырос. Я знаю не только их, но и всю ихнюю родню... Как-же я с ними не буду разговаривать, здороваться и давать руку, когда они для меня дороже всего на свете. И поверьте, что я со своей сотней сделаю больше, нежели Вы с целым полком солдат. Знайте, что те только полки хороши, где офицеры и казаки представляют из себя одно целое. Я в строю Бог. И казаки повинуются и исполняют с быстрой молнией все, что я прикажу. Вне строя я им брат и отец... Этим все дело и кончилось.

Еще один случай. Покойный вызвал одного офицера, командира Н. отд. каз. сотни, на дуэль. Во время одного из строевых занятий, один из казаков был замечен, что он развязно вел себя на занятиях. По окончании занятия командир Н. сотни вызывает к себе из строя этого казака, а тот, разумеется, летит к нему стрелой.

В мгновение командр вышеназванной сотни, в присутствии командря соседней сотни Балабина, вынимает свой револьвер и направляет на казака. В этот самый момент командр Б., не долго думая и ничего не спрашивая, протягивает плеть по руке офицера, целившего в казака. Рука офицера падает вниз, а револьвер повисает на шнурке у офицера. Так казак остался незастреленным.

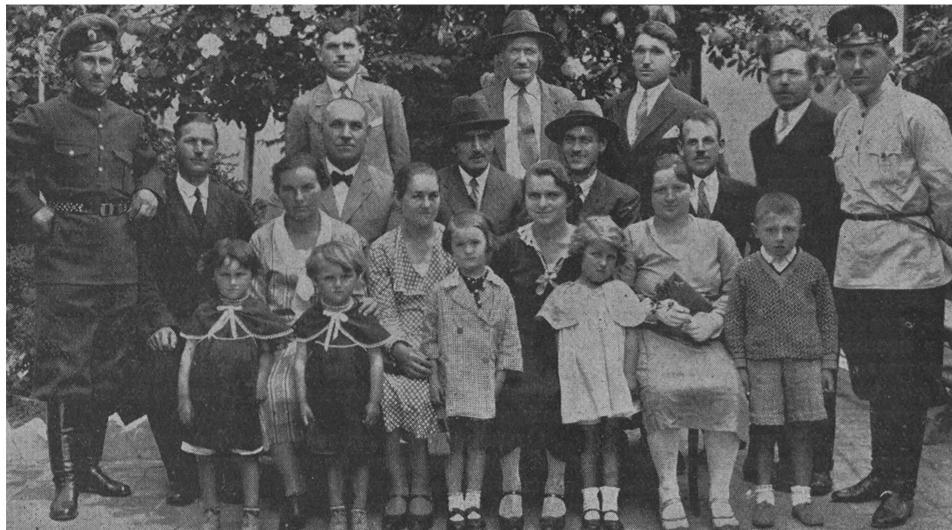
Все расходятся по квартирам. Наш командр Балабин ждет у себя до 9-ти час. веч. вызова на дуэль от офицера, оставшегося оскорблением и такого же командря, как и он. — Ничего нет.

Тогда командр 36-й отд. каз. сотни Балабин, не дождавшись секундантов, посыпает ему свою визитную карточку, вызывая его на дуэль. Командир Н. сотни отказывается от дуэли и подает рапорт в офицерский суд чести, но здесь ничего не выиграл, а лишь получил еще „лестный“ отзыв от Балабина в присутствии всех офицеров „суда чести“: — „Вы не офицер, а трус! Вы недостойны носить звание офицера! Вы отказались от вызова на дуэль офицера, в то время как Вы себя считаете оскорблением“.

Это лишний раз свидетельствует нам о его любви к своему народу; Покойный защищал везде и всюду казаков от чего бы то ни было.

Мы, калмыки, в лице полковника В. И. Балабина потеряли не только казака — патриота, но, вместе с ним, большого друга и знатока быта, нравов, религии и языка Калмыцкого народа! Мало этого, покойный больше всего гордился тем, что у него „течет Калмыцкая кровь!“

Вечная тебе память, дорогой наш соратник и отец! 25-го июня, Южин. Аршинов.



Группа вольных казаков в г. Суботице (Югославия).

В. К. в Суботице.

Многоуважаемый господин редактор, не откажите в любезности поместить в журнале „В. К.“ следующее:

Группа в. к. в г. Суботице 2-VII 1933 г. сделала первенцы старшего группы. Большинством голосов избран им Ситников К. Группа в. к. в г. Суботице постановила держать тесную и неразрывную связь с центром всего В. К. в г. Праге и с центром студенческой станицы в г. Белграде и со всеми организациями в. к. движения, находящимися за рубежом.

Суботицкая в. к. группа просит всех казаков, кто не забыл нашу казачью песню (Не застыла в нас кровь казачья и как быть врагов не забыли мы...), тот должен становиться в ряды под знамя В. К., ибо это есть один из праведных путей Казачества.

Группа в. к. в г. Суботице шлет свой братский привет и наилучшие пожелания скорого успеха нашему непримиримому Редактору и его сотрудникам и всем в. казакам.

Желающим иметь переписку с группой в. к. в г. Суботице сообщаем свой адрес:

Sitnikov K. Fabrika Zorka, Subotica. Jugoslavija.

В Белграде.

Белградская О. К. С. станица, сделав в течение года большое количество докладов по истории Казачества, решила устроить встречу казаков в семейной обстановке, с какой целью и была устроена семейная литературно-музыкальная вечеринка.

В воскресенье, 25 июня, к 6 часам вечера в помещении станицы стали собираться казаки со всех концов Белграда. Шли сюда и старики, шли и молодые; были здесь и семейные, были и холостые. Особенно отрадно было видеть подрастающее поколение.

Еще до 6 ч. в., до начала программы, помещение станицы было переполнено, а потому пришлось перейти в соседнее помещение, в четверо большее, которое к половине седьмого было также переполнено казаками и братьями украинцами.

До начала программы станичник С. Щепихин играл на своей знаменитой гармонии, насчитывающей сотни клавиш и, кроме того, издающей такие приятные для слуха по своей чистоте и силе звуки, что не видя ее, можно подумать, что это орган.

В программу вечера вошли следующие номера:

П. С. Поляков прочитал целый ряд своих произведений, еще не появившихся в печати.

А. П. Черный, известный наш бандурист, несколько раз выходил на bis и услаждал слух расчувствовавшейся публики. И. Ф. Букин, станичный атаман, в I отделении продекламировал „Родимый Край“ Ф. Д. Крюкова, а во втором пропел два романса под аккомпанемент гитары студента украинца А. Бондаренко. Первый

романс „Мой Край вдали“ — слова покойного Б. А. Кундрюцкова, муз. Н. Ф. Букина, а второй — „На старом кургане“.

А. Аф. Чекомасов прочитал два стихотворения на злобу дня, резко отличающихся одно от другого по своему духу. Вот одно из них:

ДИПЛОМАТЫ.

Собрались политики
На общий конгресс
Для споров и критики,
Чтоб двинуть прогресс:

„Давайте, почтенные,
Войну прекратим,
Запасы военные
Огнем предадим!

Довольно, ребятушки,
Оружьем махать:
Давайте-ка матушку
Земельку пахать.

Довольно дурачиться
И кровь проливать:
В спокойствии, значится,
Начнем поживать.

И ляются прекрасные
Слова без конца,
А звери опасные
Стоят у крыльца.

Испробуем практику
Открытых дверей,
Любясь на тактику
Красных зверей.

Расстрелы, грабительство
Тринадцать уж лет —
Такого правительства
Не видывал свет.

Зачем же нам мучиться —
Вопросы решать? —
Пусть каждый научится
Скотам подражать.

Конгресс наш закроется —
Домой удирая! —
Повсюду устроится
Обещанный рай...

Г. С. Козлов прочитал свои два стихотворения. Станичник С. Щепихин прочитал также два стихотворения, еще не напечатанные. Его стихотворения произвели сильное впечатление.

Донец И. В. Машинцев прочитал два стихотворения: „Курган“ и продекламировал известное произведение укр. нац. поэта Тараса Шевченко: „Бьют пороги“, чем вызвал дружные аплодисменты. После декламации станичника И. В. Машинцева „Бьют пороги“, импровизированный хор исполнил эту чудную вещь в пении. Этот хор, в котором участвовали и старики и молодые, исполнил потом целый ряд казачьих песен, из которых одна была „юбилейной“ „25 июня открылся нам огонь“.

Н. М. Дмитренко прочитал 4 стихотворения из „В. К.“.

Антракты заполнялись гармошой. Гости все были довольны проведенным временем и благодарили главных распорядителей П. С. Полякова и Н. Ф. Букина. Многие интересовались уже следующей вечеринкой.

Казаки-студенты всеми способами стремятся устраивать встречи казакам, где бы можно было и попеть свои родные песни и поговорить о наболевшем общем казачьем вопросе; поделиться сведениями оттуда, вспомнить о родном крае, о родных и близких...

(Соб. кор.)

Группа вольных казаков в г. Сосновице (Польша) во главе со своим атаманом А. Ляшко шлет привет всем вольным казакам.



В Ески-Джумая.

В. К. Донская Селимийская Св. Николаевская станица 28 мая с. г. произвела перевыборы членов ст. правления.

Единогласным решением сбора опять были переизбраны на новый годичный срок службы, а именно: атаманом М. К. Туроверов, помощником — М. Н. Гусаков, казначеем и писарем И. Д. Кузнецова. Доверенными избраны: Е. Л. Филатьев, И. Ф. Сватенко и, вместо умершего доверенного М. Б. Парфенова, избран И. Т. Лысов.

Сбор также подтвердил и в дальнейшем вносить по 5 лева на Большой Круг ВК, как это было постановлено в прошлом году.

На оставшиеся от похорон и от поминок в сороковой день смерти покойного М. Б. Парфенова деньги поставленому скромный каменный шестиконечный крест (высота 1 метр, ширина 30 см., толщина 15 см.)

На камне под крестом выбита следующая надпись: „Здесь покоятся тело М. Б. Парфенова. Казак ст. Краснощековской В. В. Донского. Род. 13-VIII-1873, ум. 7-X-1932. Мир праху твоему“.

Первая жертва.

Русские и их казаки, видя свое бессилие в борьбе с вольными казаками, прибегли к последнему аргументу борьбы — к борьбе кровью.

20 сего июня в Смедерево прибыла команда джигитов Приймака и Стибы. По окончании джигитовки, атаман Смедеревской казачьей станицы пригласил всех джигитов провести вечер с казаками станицы. Джигиты охотно согласились побывать в гостях в чисто казачьей среде. Вечером того же числа в гостиницу „Радничка Касина“ собралось до 30 человек казаков, куда и прибыл атаман со своими гостями, джигитами. Вечер-беседа проходил очень оживленно и весело. Много было сказано речей, пелись казачьи песни. Подх. Стиба, выступая с речью, указал на спокойную казаков в Смедереве и что он в Смедереве видит истинно вольных казаков, с которыми они, джигиты, вполне солидарны и, что лично он, Стиба, вольный казак, а если писали о нем в журналах, то это писал не он, а от его имени другие — русские люди, чего он им не разрешал и с их мнениями не согласен.

Беседа затянулась за полночь, а может быть продолжалась бы и до зари, если бы не печальный случай, произшедший в 2 час. ночи. Еще с вечера в гостиницу, где сидели вольные казаки со своими гостями, пришли и два „русских казака“: Василий Гордиенко и Александр Кошкадаев. Войдя в гостиницу они тут же начали затевать скору, всячески задевая вольных казаков. На просьбу казаков и хозяина гостиницы покинуть помещение и не устраивать здесь скору,

они, Гордиенко и Кошкадаев, и слушать не хотели. Вольные казаки, не подозревая злых умыслов пришедших, мало обращали внимания на их выходки. В 2 часа ночи пришедшие решили привести свой злой замысел в исполнение. Около дверей гостиницы непрощенные гости — Кошкадаев и Гордиенко — попрежнему продолжали ругань в адрес в. казаков. Вблизи сидевший каз. Степан Плис обратился к стоявшему около него Гордиенко с просьбой прекратить ругань и покинуть зал, но т. к. Гордиенко об уходе и слушать не хотел, а, наоборот, еще больше начал хулиганить, то Плис толкнул его к двери, намереваясь силой удалить из помещения, но в это время стоявший сзади Ал-др Кошкадаев ударил Плиса в спину, а когда тот обернулся лицом к нему, то Кошкадаев вторично ударили его в бок уже ножом. Подскочившие казаки немедленно схватили Кошкадаева и передали полиции, а пострадавшего Плиса отправили в городскую больницу.

Нанесенная рана относится к разряду тяжелых. Раненый в данное время находится в больнице.

Это первая жертва в. казаков в Смедереве, закрывшая собой другое лицо, на которое готовилось покушение.

Раненому станичнику желаем скорейшего и счастливого выздоровления и много лет жизни на страх врагам и благо казачьего Отечества.

Д. Захаров.

Информация Брненской станице.

Ввиду того, что члены Брненской Общеказачьей станицы распространяют исковерканые „информации“ о дне славянских танцев, а именно то, что вольные казаки-сокола шли под украинским флагом (что, очевидно им, станичникам, не понравилось), считаю необходимым дать соответствующее разъяснение.

Накануне празднества было решено, что флаги в процессии не понесутся, а потому в процессии были только два знамени сокольских: болгарское и украинское.

Процессия была так перемешана, что трудно сказать, кто под каким сокольским знаменем (не под флагом)шел.

Вольные казаки, сокола гор. Брна, не считают для себя позорным ити в процессии под сокольским знаменем, какому бы народу оно ни принадлежало. Если бы нас устроители поставили за сокольское знамя русских соколов, мы так же спокойно за нихшли, как за каждым другим сокольским знаменем, как вероятно пошли бы русские сокола за казачьим сокольским знаменем. Считают ли члены Брненской станицы для себя позорным ити под украинским сокольским знаменем, мы, вольные казаки-сокола гор. Брна, считаем себя вправе сделать из этого соответствующие выводы.

За казачью секцию Краловопольского Сокола
Инж. Карпушкин.

Праздник Смедеревской станицы.

Сбились-то, наконец, заветная мечта — увидеть своего старейшего казака-кубанца, „патриарха“, как мы его называем, истинного патриота казака-националиста Петра Ивановича Кокунько и послушать, что он нам скажет.

По приглашению казаков в.-к. Смедеревской ст.-цы Петр Иванович Кокунько 1 июля в 4 $\frac{1}{2}$ ч. в. выехал автомобилем в гор. Смедерево в сопровождении Окружного Атамана П. С. Полякова, станичного атамана в.-к. Белградской Студ. ст.-цы Н. Ф. Букина, хорунж. К. А. Карнаухова из Парачина и ст.-ка П. И. Нестеренко из Кральево. „К смедеревцам на их станичный праздник я с удовольствием поеду“, — сказал ген. Кокунько.

Точно в 6 с половиною часов вечера автомобиль подъехал к дому станичного атамана Смедеревской ст., где правление ст.-цы в полном своем составе встретило долгожданного гостя. Улыбка счастья отразилась на лицах правления. Не менее был рад и гость, видя своих дорогих кубанцев. В сопровождении огромной свиты ген. Кокунько прошел в дом станичного Атамана.

Весть о прибытии высокочтимого гостя моментально облетела гор. Смедерево. Знали об этом все, даже местное коренное население: смедеревцы не могли не делиться своим счастьем. Постепенно, комната, где сидел генерал, была переполнена казаками настолько, что многие находились в соседней комнате. С каждым казаком Петр Иванович (не любит генерал когда его титулуют) здоровался, подолгу задерживая руку и всматриваясь в лицо станичника. „Какой станицы, как фамилия“ и т. п. были первыми вопросами.

„А-а, знаю, знаю... как же“, или: „Так это-ж мы одного отдела“... Там были вот такие-то, а там вот такие-то, словом не было ни одного казака, чтобы Петр Иванович кого-нибудь не знал из его станицы. Пока происходило знакомство, казачки-жены беспокоились об ужине. За время ужина случайно поставленным вопросом одним станичником разговор перешел на политику касаясь, главным образом, устройства Кубанского Правительства — Рады и политики ее отдельных лиц. Живой свидетель последних страниц казачьего истории, свидетель, с мнением которого считались еще тогда многие на Кубани, многое рассказал казакам. Об этом когда-нибудь. С большим вниманием, жадно ловя каждое слово своего „патриарха“, слушали казаки и внимали. Неоценимая старина; живая энциклопедия по всем отраслям жизни; живой памятник казачьего национализма; яркий тип запорожца с длинными седыми, нависшими на грудь, усами; черкеска и кинжал; что-то такое внутренне специфическое казачье, что можно только чувствовать и выразить одним словом — национализм, — бесконечные сведения по истории Казачьего Народа, — словом все то, что только мог своим присутствием вселить в измученные души казаков горячо либимый патриот-генерал, в сознании казаков выливалось в определенную форму: наше дело право, нам есть смысл жить, нам есть за что бороться...

Радости, при виде генерала-старика, не было, как говорится, ни конца, ни краю...

Разговоры, как всегда у казаков, часто сменяются песнями... „Казаки разговаривают песнями“, — часто приходится слышать такое выражение.

А вже-ж років з двісти

Як козак в неволі — полилась казачья песня, стройно и с чувством пролетая всеми присутствующими под управлением станичного регента хора ст.-ка Финяка.

П. И. Кокунько, сидя в глубоком мягким кресле, слушал, понуря голову. Что он думал, наш „патриарх“?..

Так в приятной беседе и пении родных казачьих песен продолжалось до 10 ч. в.

В этот же вечер около 9 часов члены Окружного Правления посетили станичное Правление, где было человек пятнадцать казаков, из которых одни играли в лото, а другие читали. Чистота и вообще образцовый порядок оставили очень хорошее впечатление у членов О. П. Каждому вошедшему первое что встречается на пути это чистота, каковая и поддерживается постоянно. Станичное Пр-ние занимает две комнаты. Первая — меньшая, где стоит длинный стол и скамейки; вторая — огромная зала, стены которой украшены всевозможными плакатами с изречениями, портретами политических работников и др. В углу в глубокой раме образ св. Николая Чудотворца искусной рукой убран цветами.

По стенам развесаны плакаты с изречениями:

„Казаки, поддерживайте ваш журнал „Вольное Казачество.“

„Наш девиз — казачья Воля, Казакия — наша цель“. „До булави треба голови“.

„Казаки! Верьте в самих себя, верьте в свои силы“. „Верьте своим, не верьте чужим“.

„Брати-козаки, гуртуймося свій до свого“.

Под большим национальным флагом Казакии, растянутым вдоль стены, плакат:

„Казачеству одна дорога — Вольно-Казачья дорога. Собирайтесь все на эту дорогу и не доверяйте больше тем, кто однажды уже обманул ваши надежды“.

Герб Казакии еще первого образца висит прямо на стена перед входом в залу.

Затем рамы с портретами и надписями:

Ген. Кокунько, И. А. Бильный, проф. Щербина;

Ген. Гейман, Окружной Атаман В. К. в Югославии П. С. Поляков, проф. Ливицкий, Петлюра; Борис А. Кундрюцков, А. И. Кулабухов, К. А. Ленинов.

На противоположной стороне югославский флаг и на нем Е. К. В. Король Александр I.

У окна на улицу стоит стол. Стулья и скамейки вносятся в залу только при необходимости.

Слева, при входе, стоит большая библиотека, по одну сторону которой большой портрет Б. А. Кундрюцкова, а по другую — карта земель Европейского Казачества.

Каждый станичник всегда может знать положение казначайской части: все отчеты материальные занесены в ведомости и висят здесь же, в зале. Словом, если хочешь знать их „Верую“ — войди в их храм, и если сердце твое умело „сладкой болью невыразимо близкой и родной“ — поступай так же, как смедеревцы.

Небольшая группа казаков в этот же вечер зашла в ресторан, где совершенно никого не было и здесь в разговорах о своем и пении песен провели до полуночи. Пели здесь даже и священные псалмы до того хорошо и чинно, что даже и здесь им было место. На псалмы перешли под влиянием станичника Карнаухова, а вообще говоря, это характерная черта казаков — религиозность. К. А. Карнаухов поражал здесь знанием и толкованием Святого Писания. Приводя бесконечное число цитат из Св. Книги, он соответствующие из них толковал, относя все на стремления Вольного Казачества.

(Окончание следует).

К казакам ст.-цы Староминской.

Станичники! Еще раз обращаемся к вам с просьбой прислать пожертвования на сооружение станичной школы в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Пожертвования посыпать по адресу: Jugoslavija, Beograd, Края Александра № 93, П. И. Булатецкий.

Староминцы

В августе, как всегда, „В. К.“.

выйдет один раз двойным номером.

Кубанская дивизия на работах в Югославии.

Уманцы на постройке моста шоссейной дороги в 1923 году.

(Фотография прислана на станичником Г. Луговским).



Казаки в Манчжу-Го.

Под таким заголовком в „Возрождении“ 10 сего июля помещена корреспонденция из Харбина г. Даиона, которую мы приведем ниже почти целиком, сделав только несколько необходимых замечаний. Вот она:

„На территории Манчжурии имеется совершенно особый русский „уезд“ особая область, именуемая Трехречьем.

Этот небольшой, но благодатный край почти целиком заселен забайкальскими казаками, ушедшими за рубеж во время отступления армии атамана Семенова.

Всего казаков вместе с детьми и женщинами насчитывается в Трехречье около шести тысяч человек. И живут они в общем сравнительно не плохо.

Сохранился прежний казачий уклад. Хутора управляются выборными атаманами. Имеется своя кооперация, своя торговля, позволяющая реализовать итоги богатейших урожаев.

В 1929 году в тяжелые времена советско-китайского конфликта над Трехречьем нависла кровавая туча. Красные банды стали делать набеги. Было вырезано все население нескольких хуторов, включая женщин и малолетних детей.

Сейчас положение в Трехречье резко улучшилось.

Область имеет свою полицейскую охрану, состоящую из самих же казаков. Охранники составляют конные отряды, которые надлежаще вооружены и получаю прекрасное жалование. Недавно власти разрешили ввести в области самоуправление, напоминающее то, которое имелось у казаков в Забайкалье. Атаманом всего Трехречья, населением выбран полковник Дмитрий Иокимович Мунгалов, лицо в казачестве весьма популярное. Атаман Трехречья соответствует прежнему

атаману отдела. Атаманы хуторов — станичному атаману. Глава Трехречья, помимо полноты административной власти наряду с выборными от казаков „мирвыми“, составляет суд первой инстанции, который является безапелляционным.

В настоящее время трехреченцы забыли про набеги хунхузских шаек, взятки и произвол властей. Сейчас взаимоотношения выборных казачьих органов с губернатором и его японским советником не оставляют желать лучшего. Благосостояние жителей резко изменяется к лучшему. Хутора лихорадочно огстраиваются. Разработан план школьного и церковного строительства.

Новые хозяева положения Манчжу-Го вообще очень благосклонно смотрят на оседание русских на землю. Об этом можно уже писалось в одной из предыдущих корреспонденций. На примере Трехречья видимо желают показать какого преуспения могут достигнуть русские земледельческие колонии Манчжурии.

А необходимые наши замечания вот какие:

Оказывается, что „уезд“ то не русский, а казачий. И оседают на землю не русские (где вообще они осели на землю?), а казаки. И вопрос идет о преуспении не русской земледельческой колонии, а казачьей земледельческой колонии.

Для нас же, казаков, это еще одна наука: Если казаки сумели так хорошо устроиться на чужой земле, то какие же есть причины предполагать, что казаки на своих собственных, освобожденных и отделенных от московских опекунов землях были бы худшими хозяевами и не справились бы со своим государственным строительством, как об этом твердят нам все время „русские казаки“?

В Казакии.

По советским газетам.

22 июня в „Молоте“ читаем: „В каждую бригаду — селькоровскую тревогу за быструю уборку, за первоочередную хлебосдачу!..“ — Этот основной приказ „сдавай весь хлеб сов. государству“ — лейтмотив всей „тревоги“ сейчас краевой прессы оккупантов Казачьих Земель.

Там же: В Славянском районе „районные организации сознательно уменьшают планы сева, развязывают антигосударственные тенденции“...

„Сопротивление вольных и невольных саботажников перестройки Грознефти еще не сломлено...“

23 июня: „Либерально-мягкотелое отношение к недостаткам подготовки уборочной и хлебосдачи грозит повторением прошлогодних ошибок...“

„В Обливском, Павловском и Тихорецком зерносовхозах пытаются обмануть государство...“

Оказывается, что „на Северном Кавказе в ряде наших совхозов в прошлом году сильны были буржуазные тенденции. Факты показывают, что эти тенденции есть и сегодня.“

Например, Обливский зерносовхоз, желания снизить себе план сдачи, — дает на первое июня сведения, что ожидает урожай озимой пшеницы в 2 центнера с гектара. Рядом лежащие с ним колхозы дают сведения об урожае в 4,1 центнера с га. А межрайонная комиссия по определению урожайности устанавливает урожай по совхозу озимой пшеницы в 6 центнеров! Не ясно ли, что здесь на лицо прямой обман государства со стороны совхоза.

Такое же положение в Павловском зерносовхозе. Здесь агротехчасть дает сведения об урожае ржи — 3 центнера с га. Эти сведения идут в трест и фигурируют как официальные, но в межрайкомиссию, по определению урожайности, эти сведения пошли без подписи директора.

Почему? Видимо, потому, что урожай преуменьшен, так как рядом лежащие колхозы показывают ржи 5,8 центнера.

Составление сводок по урожайности не техническое дело, а дело сугубо политическое и именно с этих сводок в прошлые годы начинались всякие махинации.

Однако, несмотря на всю важность составления сводок по урожайности, на 1-е июня сведения дали только 18 зерносовхозов из 36 и к 15-му июня, когда суммарные сведения нужно представить в Москву, опять не все зерносовхозы дали сведения об урожайности.

Не ясно ли, что за недачей сведений скрывается нежелание показать истинное положение дел в совхозах, стремление скрыть урожайность.

Кроме того, ряд совхозов не дает сведений, боясь снижения оценки урожайности из-за плохого ухода. И даже больше. В краевой комиссии по определению урожайности заявляют, что руководитель Зернотреста тов. Катенев распорядился не составлять сводки на 1-е июня.

На краевом хлебном совещании райполномоченные комитета по заготовкам СНК приводили факты преуменьшенных планов по ряду совхозов. Уполномоченный тов. Макаенко заявлял, что „Гигант“ может сдать на миллион пудов больше, чем ему определено.

Однако, на днях в „Гиганте“ снижают урожайность на 0,5 центнера с гектара. Не ясно ли с какими целями?

Уполномоченный по Тихорецкому району приводил факт, что в совхозе урожайность кукурузы — 14 центнеров, а сдать с га нужно 4,7 центнера! В прошлом году Тихорецкий совхоз сдал кукурузы более 10 центнеров с га...

В свете этих фактов требует особого внимания также заявление на совещании начполитотделов, начальника политотдела Тимашевского зерносовхоза т. Макаренко. Тов. Макаренко заявил, что по сообщению директора Тимашевского совхоза Каньковского, в Приазовском зерносовхозе, по распоряжению т. Катенева, оставляется какой то фонд, почему ему и дан меньший план... Среди директоров гуляют понятия о создании фондов „на всякий случай“.

„Меланхолически настроен“, „Молот“ 24 июня: „Сотни гектаров погибли от сорняков“ (в Павловском районе). „Морозовские оппортунисты саботируют прополку...“ „Выходу на работу представлены самотеки...“

— Приводим далее некоторые вырезки из „М.“ за конец июня и начало июля:

В Морозовском районе:

„Не все колхозы Морозовского района следуют примеру передовых. Колхоз „Борец октября“ прополол только 50 проц. забитых бурьяном хлебов. В пятой бригаде этого колхоза из 65 чел. трудоспособных на полку выходят только 30-35 чел.

Кулацкие агенты — Сиволобова Наталия и ее сестра Маркина Федосья ведут упорную агитацию против прополки. — Зачем полоть, ведь все равно хлеб отберут, — заявляет Сиволобова.

— Лучше полоть на своем огороде, — вторит своей сестре Маркина, дочь выселенного за вредительство кулака. Та и другая выходят на работу в 5 дней один раз и ведут среди полольщиц разлагательскую работу, но отпора ни от кого не получают.

В этом же колхозе царит уравниловка. Лодыри и прогульщики имеют одинаковую запись в трудникожах.

Хорошие полольщицы: Гладенко Мария, Подлепинская Мария и Белокобыльская Мария приходят в поле с зарей и уходят с полки поздно вечером, систематически перевыполняют нормы, а трудодни им записаны одинаково с саботажницами — кулачками Сиволобовой и Маркиной.

Ни правление колхоза „Борец Октября“, ни партячейка не интересуются ходом полки и учетом труда в колхозе.

Секретарь ячейки Кравченко, вместо разъяснительной массово-политической работы в поле, кричит на бригадиров и запугивает их судом и арестом. В бригадах, в поле он никогда не бывает...“ (М.“ 24-VI).

В Азовском районе:

... „Как руководит работой тов. Борзенко, председатель колхоза „Завет Ильича“, Пешковского сельсовета, Азовского района?“

В этом колхозе 664 трудоспособных колхозника, а на работу выходит меньше половины. В результате — из 1277 га колосовых прополото всего 500 га.

Что же делает т. Борзенко? Как он борется за трудовую дисциплину в своем колхозе?

Тов. Борзенко, ставя этим под удар колхозный урожай, рассуждает просто:

— Мы просить и принуждать никого не будем. Если не идут колхозники на полку, мы возьмем рабочих из города и все уберем! (М.“ 54-VI).

В Ванновском районе:

„С успехом проведя весенний сев, Ванновский район позорно проваливает прополку.

Особо неблагополучное положение с подсолнухом и кукурузой. Сорняки окончательно забивают эти культуры. Сорняки после прошедших дождей, немоверно разрослись, крепко сжали посевы. Местами, из-за сорных трав, не видно, какая где культура сеялась. Местами сорняки достигают метра вышины. Это осложняет прополочные работы.

Больше всех отстают колхозы: „Новое поле“, „Артиллерист“, „Единство“, „1-е мая“, „Северо-кубанский партизан“, „Терско-Коломбский“, выполнившие свои задания только на 20—30 процентов.

В этих колхозах расстроена трудовая дисциплина. На работу выходит не больше 50—60 проц. Например, в колхозе „Северо-кубанский партизан“ из 300 трудоспособных работает ежедневно 100—120 чел., остальные сидят по хатам или заняты на прополке своих огородов, а большинство их походило без ведома колхоза на работу в соседние совхозы.

В колхозе „Артиллерист“ из 360 трудоспособных работает 70—80 человек. В полеводческих бригадах, в которых должно быть не менее, чем 40—50 чел., работает 20—30. Производительность бригад резко понизилась. Например, первая бригада: 35 колхозниками вырабатывается ежедневно 3—4 га, что приходится на каждого 0,10—0,11 га. Участились случаи ухода с работы.

Борьба за урожай встречает со стороны руководителя колхоза явное сопротивление. К нарушителям трудовой дисциплины, к кулацким прихвостям, затесшившимся в колхоз, никаких мер не применяются. Вот колхозники из первой бригады колхоза „Артиллерист“ — Силка Роман, Феногенов Александр, Яровой Василий, Выбый Иван, Сачко Григорий, Крыжный Петр, Паук Галина, Станушенко Матрена, Опросцева Елена, Ковалева Мария — за невыход на работу были оштрафованы правлением колхоза по 5—10 трудодней, но и после наложения на них штрафа, продолжают укрываться от работ, от прополки.

Председатель колхоза Голубов хорошо сжился с лодырями.

Кто сколько может, тот столько и вырабатывает! — заявил Голубов.

Эти факты открытого саботажа руководителями колхозов директив в полке обясняют и поведение коммунистов в бригадах. На прополке их совсем не стало. Например, в колхозе „Северо-кубанский партизан“ уполномоченный райкома Макарский, закончив сев, без ведома райкома выехал в Ростов и не является в колхоз в течение 12-ти дней.

Районное руководство также демобилизовалось, успокоилось на успехах сева, не замечая, что в колхозах орудует классовый враг, что успех сева может быть погублен сорниками, что в районе об'явлено передышка от работы." („М.“ 24-VI).

В ст. Темижбекской и Дмитриевской.

В большинстве колхозов Темижбекской МТС полка пропашных идет недопустимо слабо. В колхозе им. Ульянова 150 га подсолнуха начинают истекать, требует немедленной распашки и прореживания. Такое же, примерно, положение наблюдается в колхозе им. Ленина.

Причины отставания — в нечетной расстановке сил, в обезличке. Нет серьезной борьбы с лодырями. Борются с лодырями здесь „под молчанку“ — наложил штраф, а колхозники об этом не знают. Не ведется правильная оценка работы — этим убивается инициатива хороших, честных работников.

Обезличка царит по всей станице Дмитриевской. Все бригады работают вместе, на одном участке. Интерес к лучшей прополке в своей бригаде, на своем участке убивается. Тягло также все идет вместе.

(„М.“ 26-VI.)

В Георгиевском районе.

К чему приводят неправильная политическая ориентировка Георгиевского райкома и РИКа в вопросах уборки и хлебосдачи — ярко показывает пример села Александрии.

Здесь отдельные руководители, например, секретарь ячейки колхоза им. Яковлева — Литвинов „откликнулись“ на неправильные ориентировки районного руководства прямым саботажем хлебосдачи. По его плану, на одиннадцатый день после косовицы, на элеватор должно быть вывезено 20 проц. зерна, а в колхозный амбар 80 проц.

Потеря классовой бдительности в этой станице оказывается в примиренчестве к фактам воровства. Вчера на колхозных полях пойман мальчишка, срезавший колосья. При опросе, этот мальчишка заявил, что он послан срезать колосья взрослыми. Сегодня задержано пять человек взрослых воров, — трое на хлебе и двое с украшенными вазами сена, направлявшимися на георгиевский базар. Задержаны кулаки, бежавшие из ссылки.

Урожай плохо охраняют и от вора и от сорняка. При выходе на работу лишь половины трудоспособных — 180 гектар кориандры в колхозе „Власть советов“ заросли осотом и свинороем.

Для характеристики местных руководителей, и их способности проводить государственную точку зрения показателен такой факт: у нескольких членов правления колхоза и бригадиров „Красного пугиловца“ обнаружены большие личные посевы — произведенные государственными семенами.

(„М.“ 2-VII.)

В Моздокском районе.

Уборку озимого ячменя и ржи ведут все колхозы района. Больше тысячи гектар скосенного хлеба лежит на колхозных полях. В связи с массовым развертыванием косовицы, особенно активизировали свою работу кулацкие „парикмахеры“, которые усиленно стригут созревающие колосья.

В последние дни в станицах Галюгаевской, Наурской, Стодеревской, Ищерской выявлено около 20 случаев воровства хлеба. Колосья воруют шапками, мешками, целыми подводами, обмолачивают прямо в поле.

В колхозе им. Сталина кулак Шулаэн Егор пойман с подводой срезанных на колхозном поле колосьев ячменя. В Стодеревской два брата Степановы уличены на месте преступления с двумя пудами колосьев ржи. Воровству хлеба способствует безответственное отношение судебно-следственных органов, их либеральное отношение к ворам.

В станице Галюгаевской четыре вора — Бочаров, Донских, Иванов и Шулаева, — пойманные в воровстве хлеба, остаются безнаказанными. Все они освобождены начальником раймилиции Зеленцовым и продолжают воровать. Братья Степановы, пойманные в воров-

стве, пользуясь безответственностью, скрылись неизвестно куда, хотя были доставлены в сельсовет.

Воровству хлеба способствует также безобразная охрана урожая. В Галюгаевской сторожем оказался кулак Лук'янов, в колхозе „Заря Терека“ об'ездчиком поставлен от'явленный лодырь Горов Петр, способствовавший воровству хлеба.

В хуторе Веселом, станицы Ищерской, охраны хлебов нет совершенно.

(„М.“ 2-VII).

В Тихорецком районе.

Опыт передовых бригад района не передается во все колхозы. Районные руководящие организации не реализовали директив об'единенного пленума Крайкома, потребовавшего закончить полку колосовых максимум в 2-3 пятидневки. На 25 июня по колхозно-крестьянскому сектору было прополото только 9111 га подсолнуха или 32 проц. задания и 1111 гектаров кукурузы, или 6,9 проц. задания. Тысячи гектаров колосовых позднего сева тоже не полются, зарастают сорняком.

Фастовецкая МТС — вызвала на соревнование Армавирскую МТС на выполнение плана хлебозаготовок колосовых к 10 августа. И кому бы, как не руководству Фастовецкой МТС показать на деле, на практике, как большевики умеют организовать прополку и подготовку к уборке урожая. Но и в колхозах этой МТС к прополке кукурузы половина колхозов не приступила. Руководители колхозов: им. Буденного, Ворошилова, „Памяти Ильича“, им. Сталина выдвигают свой довод, пытаются выехать на оппортунистическом коньке — „об'ективных причинах“: „У нас поздний сев кукурузы, сорняков мало“.

В колхозах им. Буденного, Ворошилова, Сталина нет мелкогрупповой сдельщины, полольщицы обезличены, сбиты в группы по 15-20 человек, полют все подряд и получают все поровну. Лодыри и рвачи сумели так обойти бригадиров и парторгов, что не ликвидировали казанок ударников.

Кулацкая уравниловка, обезличка срывают полный выход на работу. На полях 8-ми колхозов Фастовецкой МТС работает максимум 1400 человек в день, тогда как весной на уничтожении сорняков и на севе было людей вдвое больше.

Преступная бездеятельность с прополкой пропашных и масличных культур развязывает руки кулацкому контрреволюционному охвостю. Кулак, рвач, симулянт провоцируют колхозников против выходов на прополку под предлогом, что „за семячки хлеб сдавать не придется“, что „нынче хватит одной пшеницы, обойдемся без кукурузы“.

(„М.“ 2-VII).

Действительность.

Признание оккупантов „о демобилизации местных организаций в прополке, подъеме паров и сеноуборке“:

(Из „М.“ от 4 июля).

Недопустимое отношение к борьбе за урожай и прежде всего к прополке пропашных культур, могущее свести на нет все результаты работы в колхозах за последний период, является следствием демобилизации настроения, благодушия и самотека у местных работников, вытекающих из недооценки трудностей в работе колхозов и совхозов. Головокружение от хороших видов на урожай затемняет угрозу, которую представляет сорняк, приводит к прямой слепоте в отношении к недостаткам в работе колхозов и МТС, приводит к прямой недооценке опасности расхищения хлеба (срезка колосов и т. п.), приводит к гнило-либеральному отношению со стороны руководящих организаций к фактам повторения в ряде мест грубейших ошибок, которые в прошлом году в корне подорвали результаты

Ход борьбы с сорняками (прополото пропашных много меньше прошлого года), итоги последних пятидневок по под'ему паров и сеноуборке не могут не вызвать тревоги у каждого большевика нашей парторганизации, за результаты урожая. Все это с очевидностью говорит о повторении в ряде мест грубейших ошибок, которые в прошлом году в корне подорвали результаты

ты всего сельско-хозяйственного года в совхозах и колхозах.

Особенно преступным Крайком и Крайисполком считают снижение, несмотря на прямые указания ЦК, темпов полки пропашных и подъема паров в колхозах и совхозах. Позорным является то, что, несмотря на получение свыше 1.000 новых тракторов за последние 2 декады совхозы и МТС явно срывают подъемы паров в установленные ЦК сроки (10 июля).

Крайком и Крайисполком указывают, что в ряде колхозов и бригад выходы колхозников, а в станицах единоличников на прополку и др. работы явно недостаточны, труд плохо организован, — не noctуют в бригадах, выходят на работу поздно и кончают рано и в результате почти повсеместно не вырабатываются задания по прополке.

Руководящие работники на местах не видят этой огромной опасности и по большевицки не борются с самого начала с повторением ошибок прошлого года.

„Разведчики врага“.

(Из „М.“ от 3 июля).

Неповторимое повторялось.

Вот он, Михаил, сквозь солнце и пыль въезжает в станицу. Захлопнутые ставни, плотно припerteые ворота, безлюдье улиц. Не слезая с коня, красноармеец долго стучит в угловую дом.

Тишина..

И так в каждом доме, почти квартал..

...Буйно цветет земля. В хлебах крадется ветер. Секретарь станичной ячейки говорит негромко: в его памяти еще жива эта настороженная тишина.

— Понимаешь, я нес им нашу правду, за эту правду умирали товарищи — от белогвардейской пули, от тифа. А умирать в двадцать лет тяжело. И вот тогда, у этих враждебно захлопнутых ставень, я думал: достучимся ли мы до казачьего сердца?

Секретарь сегодня ночует дома. Он пьет молоко и долго выпытывает старуху — мать стансоветского председателя.

— Бабушка, а раньше у вас вязали хлеб?

— Вязали, Миша, вязали. Только Александрийские бабы на это неспособные.

— А сенокосы в это время кончали?

— К Петрову дню управляемся.

Но этот бабушкин ответ становится неожиданно предметом целой дискуссии. Когда собственно этот Петров день и почему Петров? Секретарь Миша зовет на помощь председателя. Тот отмахивается: какой там Петров день, если пришел очередной большевитский день и безумно хочется спать.

Секретарь сегодня ночует дома. В два часа ночи его будят.

Нужно идти.

Достучимся ли мы до казачьего сердца?

Сегодня в школе слет ударников района Александрийской МТС.

В президиуме цветы. Кто поставил эти цветы на стол политотдельцев? Ведь цветами встречали когда-то Красную армию. Встречали почти везде, но не здесь, в Александрии, в те годы, когда нагло были захлопнуты ставни.

Шумно. Радостно, больше молодежь, но есть и щетина подбородков и кудлатая свалка бород.

Говорила Шабанова — ударница из „В. Советов“.

— Пахали в плохом настроении, кони никуда не годились.

— Прошу аккуратнее с землей, — начал механик Мануйленко. Очищать ее под пар надо.

— Скажи, сколько берешь на трактор, — перебивает Горбачев — начальник политотдела.

Мануйленко улыбнулся.

— 10 га на трактор, хватит?

На этом месте входит в зал об'ездчик с винтовкой и веснушчатый парнишка Толкачев.

И опять настороженная тишина, но совсем иная, совсем не похожая на тишину, когда сквозь солнце и пыль въезжал в станицу Михаил.

Заместитель начальника политотдела т. Сухов высыпает на стол президиума ячмень. Он шуршит по скатерти, первый скошенный воровской рукой хлеб.

Сухов говорит просто:

— Ударники! Ваши килограммы уже разворовываются. Разве дело вон в том клопе (рыжий веснушчатый мальчишка, почувствовав сотни глаз — даже как-то с'ежился), этот малыш только чужой разведчик.

И глаза, сотни глаз — смотрят уже не на ребенка, они смотрят дальше.

Хотите знать биографию первого вора. Она очень несложна. Ребенок, не знавший отца и матери, один из тех, кто родился в годы теплушек и фронтов, в годы великой разрухи и великих боев.

Гораздо интереснее допрос, если эту беседу можно назвать таким строгим словом.

— Скажи, малыш, кто послал тебя за ячменем?

— Это зам. нач. политотдела т. Сухов.

— В детдоме плохо кормят. Нехватает. И потом разве я один, все ходят.

Сухов — председателю сельсовета:

— Сегодня же проверишь лично и если разворовываются отпущенное детям — судить без пощады.

— Все таки кто же тебя послал?

Рыжий мальчуган мнется, но ласка и внимание, вместо расправы, этот товарищеский теплый тон...

— Вот, я скажу, велел старик.

— Ты знаешь этого старика, знаешь, где он живет?

Нет, это совсем не допрос, это задушевная беседа, при которой в голосе слезы и гнусная увертка врага, его попытка подвести под удар ребенка — раскрыта во всей ее мутни и гадости.

Так звучала эта настороженная тишина. Сосед по скамейке, когда ссыпался украденный хлеб, сказал философски и осуждающе — ну и народ!

Но народ не узнаваем! Тот самый станичный рядовой народ, который плотно захлопывал ставни, засыпав топот красноармейских коней — заботливо поставил на стол политотдельцев цветы.

Тот самый станичный народ, в хаты которого безуспешно стучался красноармеец Миша — помогает секретарю ячейки Мише — хранить от разграбления колхозный хлеб и об этом народе, о лучших — долго и с восхищением говорил секретарь ячейки, когда он ночевал дома, если, конечно, считать ночью время до двух часов.

В два часа был месяц на ущербе. Гнала свои мутные воды Кума, уродливо белели разрушенные хаты. Почему-то думалось об оборотнях, о детсте, был безотчетный страх.

...Оборотни были, ночевали они в одной из разрушенных хат.

Отодвинув бутылку с водкой, говорил большой и лохматый мужик:

— И чего душить, колгота — пырнул раз и вся.

Второй несогласно крутнул головой.

— Робкий я, Семеныч, по окнам неспособный, жратвы запасу и айда. Греха с тобой наберешься.

Семеныч глотнул и сказал глухо:

— Ты, Пешков, брось, наша линия теперь ясная, какая может быть жалость. А насчет хлеба не сумливаися, гудок подоспеет и наш.

Пешков оживился, он заговорил торопливо, пьяно и вдохновенно.

— План у меня, Семеныч. Ты Кравцова знаешь, по соседству жили, так тот Кравцов в об'ездчиках. А когда белая армия в Пятигорске была, он что делал: служил — это раз...

Первыми брызгами рассыпалось солнце, из густо заросших левад потянуло холодком, просыпалась степь, желтеющие полотна хлебов.

Механик Мануйленко весело прошел вдоль пятнадцати новых сталинградских тракторов во двор, где дребезжали на холостом ходу ростсельмашевые комбайны.

— План у меня такой, чтобы без остановки все пять штук и как сказал начальник, тысяча центнеров в день государству.

Как эти пять поплынут по колхозных полях. Мануйленко замечтался. Девчата, ребята, большинство впервые взберется на капитанский мостик степного корабля.

— Эх, людей бы! Машин до черта, а настоящих людей нет.

Начинался день. В политотдел зашел завучастком Гончаров.

— Проверили об'ездчиков?

— Как сказать, вот Кравцов на сомнении, служил у белых, пожалуй, даже был активистом.

— Заменить.

Секретарь ячейки забежал домой на минуту.

— Что деется, — причитала старуха, — женщину зарезали воры-то.

— Забрали главарей, колхозники доказали, теперь воровать меньше будут, бабушка.

— Верно говоришь, Миша? Ну, слава те господи!

Дымятся горы, колос пьет силу солнца, а вокруг хлеба уже кипят страсти. Кое-кто из тех, кто плотно притворял ставни — хочет украдь труд, волю и геройизм других.

И хоть успокоил старуху Миша насчет воровства, но знает он твердо, что над терской степью кружатся коршуны.

В солнечном утре, когда остывает густая роса, над степным курганом, кружила серая хищная птица. Почему-то вспомнились цветы на столе политотдельцев и строгая уверенность т. Горбачева — начальника политотдела.

„Враг на току“.

(Из „М.“ за 3 июля).

Всю зиму колхоз 12-й годовщины Октября, станицы Мекенской, жил продовольственной ссудой от государства. Он и сейчас еще живет ею. Только позавчера, например, предколхоза Кофанов получил дополнительный наряд на 45 центнеров для продовольствия. Весенний сев проведен семенами, также полученными в ссуду. Больше пяти тысяч пудов ссуды должен вернуть он государству.

Уже сегодня Мекенская станица имеет все возможности к тому, чтобы не только начать погашение своего долга, но и показать, как надо выполнять свои обязательства перед государством, исправлять прошлогодние ошибки. Ведь, казалось бы, простая честность обязывала Мекенский колхоз, в ответ на помощь оказанную ему в трудную минуту партией и правительством, организовать сознание всей массы колхозников на первоочередную сдачу государству хлеба нового урожая. Колхоз давно уже ведет уборку озимого ячменя. Скошено больше 200 гектар.

Однако, случилось не так. 26 июня колхоз первым в районе начал молотьбу. Намолотив за четыре часа 32 центнера, руководители колхоза это свежее зерно из-под молотилки направили не на элеватор, а на мельницу. 14 центнеров уже разданы колхозникам по трудодням, остальные лежат в амбаре. Государство от первого обмолота не получило ни одного килограмма.

Мы на току первой бригады. Той самой, которая сделала почин началу обмолота. Это, собственно, не ток, а самое настоящее головотяпство. Скосили десять квадратных сажень озимого ячменя, оттащили его в сторону и подвезли молотилку. Возле нее три арбы, нагруженные ячменем для обмолота. Рядом стоят обмолоченной соломы.

Вот и все. Никаких навесов ни для молотилки, ни для тары. Ни весов, ни охраны. Неосторожная спичка — и от молотилки не останется и следа, так как ток забыли даже окопать. На току ни души.

Только через полчаса приехал бригадир Коленченко и несколько колхозников, в том числе комсомолец Неделько. Бросив молотилку, с утра, они ушли в станицу из-за дождя.

— Дождь ведь, молотить все равно нельзя, а молотилке ничего не будет. У нас народ свой!

В составе первой бригады Мекенского колхоза 19 комсомольцев. Работают они плохо. Выражаясь языком самого бригадира, дела идут „середка на половину“.

Она сделала почин обмолота. Обмолотила 3 гектара. Обмолотила так небрежно, что из этих трех гектар минимум 150 килограмм ушло на потери при молотьбе. Под молотилкой, вокруг молотилки, всюду слой крупного, свежего ячменя, подмоченного дождем. Агрономы Коренев и Цыганков в специальном акте, составленном по этому обмолоту, прямо указали, что бригада с национальной ячейкой и включая молотильку дала 1,85 центнера потерь на каждый гектар! Под этим подписался и бригадир Коленченко, подтвердивший:

— Конечно, и убирать, и молотить можно-б и аккуратней. Это верно!

Комсомолец Неделько улыбается. Он доволен. И свою улыбку обясняет дословно так:

— По севу наша молодежная бригада, правда отстала. Зато сейчас мы идем впереди. Мы первые начали кормить весь колхоз. Дали от обмолота колхозу 14 центнеров на продовольствие. Теперь наш хлеб едят во всех бригадах. А потом будет кормить третья бригада, и так по очереди.

— А государству?

— Дадим и ему. Собираемся 1 июля сдать 200 центнеров молодежным обозом.

— Сперва, значит, себе?

— Как полагается.

— Так, выходит, государство подождет?

— А конечно... Уже управимся, сдадим сразу!

Такой разговор имел место в первой молодежной бригаде Мекенского колхоза. И это комсомолец!

Руководители Мекенского колхоза не только стали на кулацкий путь, выдав колхозникам половину первого обмолота, несмотря на получаемую продовольственную ссуду от государства. Они занялись очковтирательством и обманом партии, явно преуменьшив урожай. Мы были очевидцами такого любопытного разговора между секретарем партийной ячейки Голубевым и председателем межрайонной комиссии по урожайности Кочетковым:

— Как виды на урожай?

— Хороши.

— А примерно?

— Да вот, позавчера обмолотили 2 гектара ячменя, намолотили 22 центнера.

— Значит, по 11 центнеров с гектара взяли?

— Выходит так.

Голубев не только сказал это. Он дал официальную справку, что урожай с гектара ячменя, если добросовестно убрать и обмолотить, равен, в среднем, 12 центнерам. Так оказал обмолот. Однако, колхоз урожайность ячменя определяется в 6 центнерах с гектара. Наурская МТС эту, вдвое уменьшенную против фактической урожайности, цифру механически штампует, став пособником обманщиков партии. Сам факт выдачи колхозникам 14 центнеров зерна нового урожая из 32 намолоченных, секретарь Мекенской ячейки Голубев и предколхоза Кофанов считают вполне нормальным.

Тацинская.

В прошлую осень из Кубанских районов в северные было переброшено значительное количество молотилок. Однако, запасные части этих молотилок остались на Кубани. В результате Тацинская МТС, получившая молотилки из Самарской МТС, не имеет бичевы, что угрожает срывом работы, зато в Самарской МТС лежит 200 комплектов бичевы. Такое же положение с трубами и другими частями в других МТС.

(„М.“ 26-VI).

В ст. Екатериновской.

Вчера, 26 июня, об'ездчиком артели „Заречная“, в поле задержан единоличник ст. Екатериновской, сорвавший задание по севу, саботирующий выход на полку — Шилько Митрофан с семью килограммами срезанных колосьев несозревшей ржи. Задержаны также со срезанными колосьями единоличники Колесников Владимир, Гришко Матрена и Тимашко Евдокия, уничтожавшие огородные посевы колхозников и добровольческих единоличников.

(„М.“ 28-VI).

От ред.: Как в данном, так и во всех остальных случаях „воровства“ хлеба дело идет о „воровстве“ голодных, отчаявшихся людей...



Открыта подписка на 1933 год
 на иллюстрированный журнал литературный и политический
“ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО – ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО”
 выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылатъ: в Č.S.R. 1 корону знамку, из-за границы
 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посыпать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207,
 Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.